БИБЛІОТЕКА „ПРОСВѢЩЕНІЯ“

16

ИСТОРІЯ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

СОЧ. ФРАНЦА МЕРИНГА

ПЕРЕВ. СЪ НѢМЕЦК. Я. Г. А—ОНА

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“
С.-Петербургъ, 7-ая рота, собств. домъ, № 20.
Розничная контора и магазинъ: Невскій пр. 50

Изданія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе“

С.-Петербургъ, 7 рота, 20;
Городская контора и магазинъ: Невскій пр., 50.

Библіотека „Просвѣщенія“.

№ 1. **Карлъ Марксъ.** Нищета философіи. Цѣна 39 к.
№ 2. **В. Зомбартъ.** Рабочій вопросъ. Цѣна 27 к.
№ 3. **Н. Сувировъ.** Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. Цѣна 49 к.
№ 4. **Большіе города, ихъ обществ., полит. и эконом. значеніе.** Сборникъ статей проф. К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля и др. Цѣна 44 к.
№ 5. **А. Менгеръ.** Право на полный продуктъ труда. Цѣна 30 к.
№ 6. **Ф. Мерингъ.** Объ историческомъ матеріализмѣ. Цѣна 15 к.
№ 7. **П. Гере.** Какъ священникъ сталъ соціалъ-демократомъ. Цѣна 6 коп.
№ 8. **Т. Курти.** Всенародн. голосованіе въ Швейцаріи. Цѣна 7 к.
№ 9. **Грейлихъ.** Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса. Цѣна 8 коп.
№ 10. **Э. Зелигманъ.** Экономическое пониманіе исторіи. Цѣна 17 к.
№ 11. **А. Менгеръ.** Гражданское право и неимущіе классы. Цѣна 45 коп.

А. Бебель. Шарль Фурье, его жизнь и ученіе.
Карлъ Марксъ. Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 гг.
Ш. Боржо. Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ.
А. Гартманъ. Народныя возстанія въ 1848—49 гг. въ Германіи.
Фр. Мерингъ. Исторія германской соціалъ-демократіи.
Л. Мовичъ. Велик. Учредительн. Собраніе 1789 г.
Э. Калеръ. Вильгельмъ Вейтлингъ.
Лиссагарэ. Исторія коммуны.
Шарль Жидъ. Соціально-экономическіе итоги XIX столѣтія.
П. Стрѣльскій. Самоорганизація рабочаго класса.
В. Либкнехтъ. Робертъ Блюмъ и его время.
К. Фроме. Монархія или республика?
Г. Кохъ. Очерки по исторіи политическихъ идей и правительственной практики.
Фр. Энгельсъ. Анти-Дюрингъ.
К. Марксъ. 18-ое Брюмера Люи-Бонапарта.
П. Гере. Записки рабочаго.
Бессонъ. Контроль бюджета.
Г. Іекъ. „Интернаціоналъ“.
Г. Мохъ. Армія демократіи.
В. Вейтлингъ. Человѣчество, какъ оно есть и какъ оно должно быть.
П. Гере. Три мѣсяца на фабрикѣ.
А. Менгеръ. Новое ученіе о нравственности.
Фр. Мерингъ. Просвѣщенный абсолютизмъ.
Г. Роландъ-Гольстъ. Всеобщая стачка и соціалъ-демократія.
В. Зомбартъ. Политическая экономія промышленности.
В. Зомбартъ. Очерки по исторіи развитія сѣверо-американскаго пролетаріата.
А. Шеффле. Квинтъ-эссенція соціализма.
П. Фальбекъ. Современный парламентаризмъ.
Э. Виллей. Какъ производятся въ Западной Европѣ выборы въ парламентъ.
Э. Виллей. Избирательное законодательство въ государствахъ Западной Европы.

Библіотека „Просвѣщенія“.

Исторія германской соціалъ-демократіи.

Соч. Фр. Меринга.

Переводъ съ нѣмецкаго Я. Г. А—она.

Выпускъ первый.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20;
главная контора: Невскій 50.

С.-Петербургъ.
Типографія Товарищества „Просвѣщеніе",
7 рота, 20.

Оглавленіе.

Введеніе.

Германское рабочее движеніе и германскій соціализмъ съ самаго начала отличались интернаціональнымъ характеромъ. Если оставить въ сторонѣ отдѣльныя конвульсивныя движенія рейнскаго и силезскаго пролетаріата, то „союзъ справедливыхъ“ и агитація Вейтлинга какъ практически, такъ и теоретически имѣли своимъ отправнымъ пунктомъ западно-европейскій соціализмъ, классовую борьбу западно-европейскаго, главнымъ образомъ, французскаго пролетаріата. Въ сороковыхъ годахъ 18-го вѣка возникли разныя соціалистическія направленія: соціализмъ буржуазный, феодальный, философскій и всякіе другіе; всѣ они, равно какъ государственный соціализмъ Родбертуса, въ основѣ своей имѣли соціалистическую литературу Англіи и Франціи. Затѣмъ послѣдовалъ „коммунистическій манифестъ“, основавшій соціализмъ на классовой борьбѣ и призвавшій къ ней пролетаріевъ всѣхъ странъ. Учителями Маркса и Энгельса были не только Кантъ, Фихте и Гегель, но и Сенъ-Симонъ, Фурье, Оуэнъ; оба они прошли школу германской философіи, французской революціи, англійской промышленности.

Обоснованный ими научный коммунизмъ заглохъ впослѣдствіи въ періодъ экономическаго расцвѣта и политическаго упадка пятидесятыхъ годовъ. Послѣ того имъ проникся Лассаль; однако, отдѣльныя воззрѣнія его и агитаціонныя требованія, такъ сказать, передовые пункты его агитаціи, у которыхъ то шелъ наиболѣе ожесточенный бой, опирались на французскій соціализмъ. Названіе германской соціалъ-демократій и представляетъ послѣдній неуничтожимый слѣдъ этого

вліянія. Глубокомысленныя изслѣдованія буржуазныхъ экономистовъ объ отличіяхъ понятій „соціализмъ“ и „коммунизмъ“ представляются намъ занятіемъ безплоднымъ; смыслъ этихъ словъ мѣняется вмѣстѣ съ ходомъ историческаго развитія. На языкѣ сороковыхъ годовъ они отличались тѣмъ, что соціализмъ былъ движеніемъ буржуазнымъ, а коммунизмъ — пролетарскимъ. Соціализмъ стремился устранить неустройства буржуазнаго общества при помощи владѣющихъ классовъ, коммунизмъ призналъ уже, что они могутъ быть устранены только при коренномъ переустройствѣ этого общества. Французская соціалъ-демократія рекрутировалась тогда изъ мелкой буржуазіи и пролетаріата для защиты общихъ интересовъ этихъ классовъ отъ буржуазіи крупной. Современная германская соціалъ-демократія практически черпаетъ свои силы изъ пролетаріата, интересы котораго она отстаиваетъ передъ всѣми другими классами капиталистическаго общества: теоретически же она основывается на коммунистическомъ манифестѣ, этой классической программѣ современнаго научнаго коммунизма.

Какъ далеко мы не заходили бы вглубь исторіи германской соціалъ-демократіи, намъ все время необходимо будетъ обращаться къ западно-европейскому соціализму, къ классовой борьбѣ англійскаго и французскаго пролетаріата. Для ясности и краткости изложенія будетъ очень полезно, если мы предпошлемъ вступительный историческій очеркъ этихъ проявленій общественной жизни, доведя его до того момента, когда выступили на сцену германское рабочее движеніе и германскій соціализмъ. Понятно, что мы можемъ здѣсь только подчеркнуть тѣ факты и теоріи, которые такъ или иначе повліяли на историческое развитіе германской соціалъ-демократіи.

Глава первая.

Іюльская революція и билль о реформѣ.

Экономическій переворотъ шестнадцатаго вѣка, тридцатилѣтняя война семнадцатаго, безчисленныя войны восемнадцатаго повергли Германію въ состояніе глубокаго упадка. Вплоть до начала девятнадцатаго вѣка германскій народъ священной римской имперіи среди остальныхъ европейскихъ народовъ напоминалъ собою обтрепанное воронье пугало. Господствующіе классы были испорчены до мозга костей, подчиненнымъ классамъ недоставало силъ, чтобы сломить сгибавшее ихъ до земли ярмо.

Германскому городскому населенію не дано было совершить того, что выполнили англійская буржуазія во время своей революціи семнадцатаго вѣка, а французская—въ свою революцію восемнадцатаго вѣка.

Лучшіе умы германскаго народа въ литературѣ и философіи нарисовали идеальную картину буржуазнаго міра, но очистку германской почвы отъ разлагающагося феодализма начала желѣзная метла иноземнаго завоевателя.

Французская революція сковала себѣ изъ военной диктатуры Наполеона оружіе для обезпеченія своихъ соціальныхъ успѣховъ; она использовала его какъ въ борьбѣ съ Англіей за господство на міровомъ рынкѣ, такъ и въ борьбѣ съ Россіей, Австріей, Пруссіей за уничтоженіе феодализма. Блестящій успѣхъ, казалось, завлекъ революцію гораздо дальше перво-

начальныхъ ея цѣлей, но экономическое равновѣсіе снова возстановилось съ силой желѣзной необходимости. Передъ лицомъ промышленнаго превосходства Англіи и глубоко первобытнаго феодализма восточной Европы разсѣялись грезы о французскомъ господствѣ надъ міромъ. Классовый инстинктъ довольно рано помогъ французской буржуазіи отрезвиться отъ минутнаго опьяненія. Она поспѣшила собственными руками сломать то оружіе, которое вдругъ обнаружило неразумное намѣреніе руководствоваться собственною волею. И Наполеонъ палъ не столько отъ силы англійскаго золота и русскихъ снѣговъ, сколько отъ предательства французской буржуазіи.

На первыхъ порахъ не ей достались плоды ея предательства: объединенная Европа, предводительствуемая англійскими тори и русскимъ царемъ, побѣдила при Лейпцигѣ и Ватерлоо; императоръ Александръ въ 1814 году, герцогъ Веллингтонъ въ 1815 г. возстановили прежнее бурбонское королевство.

Феодализмъ снова дѣлалъ попытку уютно устроиться въ нашей части свѣта. Въ Англіи со времени изданія хлѣбныхъ законовъ въ 1815 году аристократическое землевладѣніе открыто боролось съ промышленнымъ капиталомъ; во Франціи тотъ же антагонизмъ скрывался въ борьбѣ между землевладѣльцами-феодальнаго общества и мелкими собственниками-крестьянами буржуазнаго общества. Политически этотъ антагонизмъ выражался въ борьбѣ правительствъ и ихъ сторонниковъ: аграріевъ и духовенства, съ одной стороны, и предводительствуемыхъ буржуазіей народныхъ массъ, съ другой. Деспотизмъ и феодализмъ сплотились вокругъ знамени священнаго союза, но оно пропало какъ безформенный туманъ передъ лицомъ той реальной и возраставшей силы, которая стояла за буржуазіей. Въ Англіи крупная промышленность, выросшая съ послѣдней трети восемнадцатаго вѣка, достигла гигантскаго расцвѣта; промышленный

кризисъ 1815 и особенно 1825 года ввелъ ее въ періодическій круговоротъ ея современной жизни. Во Франціи реставрированные Бурбоны безнадежно пытались разрушить современное буржуазное общество, съ котораго великая революція сняла оковы и которое за время имперіи окрѣпло; болѣе того, представляя собой скрытую форму иноземнаго господства, реставрація не переставала побуждать къ возстанію національное чувство французскаго народа; во время іюльской революціи 1830 года французская буржуазія завоевала себѣ политическую власть; немного времени спустя англійское среднее сословіе добилось того же въ биллѣ о реформѣ 1832 года. Въ обѣихъ странахъ буржуазія начала съ того же: она обездолила союзный съ ней до того времени пролетаріатъ, когда пришло время дѣлиться плодами общей побѣды.

Это обстоятельство раскрыло передъ современнымъ рабочимъ классомъ путь на арену всемірно-исторической борьбы. Когда дѣло шло о сопротивленіи общимъ притѣснителямъ, о сопротивленіи тѣмъ отсталымъ классамъ, которые на отжившихъ способахъ производства обосновывали свои притязанія на политическое господство, буржуазія и пролетаріатъ были связаны общими интересами. Въ этой борьбѣ развернула свои силы не только буржуазія, но и пролетаріатъ. Буржуазія должна порождать пролетаріатъ, потому что только при наличности его она можетъ возникнуть и существовать. Она не можетъ расти, если онъ не растетъ, а безпрепятственная опека надъ своимъ дѣтищемъ дается ей только на короткое время. Никогда еще исторія не слышала радостныхъ побѣдныхъ кликовъ буржуазіи; имъ всегда вторило глухое эхо рабочаго сословія.

Начиная съ Ѳомы Мюнцера и до Гракха Бабефа растущій пролетаріатъ не переставалъ шевелиться во чревѣ буржуазной революціи. Но пока пролетаріатъ не жилъ еще самостоятельною жизнью, онъ двигался

какъ во снѣ, боролся съ фантастическимъ оружіемъ въ рукахъ и испытывалъ жестокія разочарованія. И послѣдняя связь буржуазіи съ пролетаріатомъ могла порваться только тогда, когда ихъ общему противнику нанесено было окончательное пораженіе. Съ того момента, когда въ 1830 году западно-европейская буржуазія добилась политическаго господства, западноевропейскій пролетаріатъ не переставалъ развивать свою политическую оппозицію.

Эта классовая борьба вытекала изъ жизненныхъ и экономическихъ условій капиталистическаго общества. Угнетаемый классъ возставалъ противъ угнетающаго; пролетаріатъ боролся съ буржуазіей подобно тому, какъ буржуазія боролась съ феодализмомъ. Однако между буржуазной и пролетарской революціей была существенная разница. Когда буржуазные способы производства стали брать верхъ надъ феодальными, буржуазія очень рано начала бой и притомъ съ самымъ блестящимъ оружіемъ. Сколько прекрасныхъ образовъ создала уже средневѣковая коммуна, Кола ди Ріенци въ Римѣ, Этьенъ Марсель въ Парижѣ, Яковъ ванъ Артевельде въ Гентѣ. А какое головокружительное поприще для буржуазнаго честолюбія раскрыли великія открытія и изобрѣтенія 16 вѣка. Какимъ безсмертнымъ смѣхомъ Бокачіо и Раблэ спугнули феодальныя тѣни и призраки; этого смѣха хватило до эпохи Лессинга и Вольтера. Съ другой стороны, когда буржуазія вмѣстѣ съ появленіемъ крупной промышленности достигла высшаго пункта своего развитія, она выростила соотвѣтствующій количественно пролетаріатъ и повергла его въ бездну нищеты, не имѣющей себѣ подобной во всей міровой исторіи. Чѣмъ отчетливѣе обрисовывался классовый антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, тѣмъ безнадежнѣе казалась борьба притѣснителей и притѣсненныхъ.

Мыслящіе умы буржуазіи скоро поняли, что экономическое развитіе, при которомъ всякій приростъ

общественнаго богатства получается цѣной возрастающаго обнищанія народныхъ массъ, должно привести культуру къ погибели. Но чѣмъ яснѣе становились для нихъ послѣдствія капиталистическаго способа производства, тѣмъ менѣе вѣроятной представлялась имъ мысль о томъ, что этотъ историческій процессъ самъ по себѣ можетъ принять обратное теченіе. Они понимали, что возвратъ, спасеніе необходимо, но они не подозрѣвали, что его принесутъ страждущія массы, ослабѣвавшія въ той же мѣрѣ, въ какой онѣ численно возрастали. Они думали, что имущіе классы сами должны убѣдиться въ томъ, что такое положеніе не можетъ продолжаться, что соціальное зло невыносимо. Надо было только обратиться къ ихъ сердцу и разуму; для нихъ дѣло шло только о томъ, чтобы создать новый фундаментъ для буржуазнаго общества, или въ крайнемъ случаѣ, чтобы сохранить его свѣтлыя стороны и устранить темныя; они считали нужнымъ производить въ небольшихъ размѣрахъ такіе опыты, чтобъ доказать возможность пересозданія общества въ цѣломъ; главнымъ же образомъ они считали необходимымъ устранить причину всѣхъ золъ, острый, съ каждымъ днемъ все болѣе обострявшійся антагонизмъ классовъ. Съ этой внѣклассовой точки зрѣнія классовая борьба пролетаріата казалась безразличнымъ или даже вреднымъ явленіемъ. Она признавалась безразличной, поскольку ожидали, что она ни къ чему не приведетъ; она признавалась вредной, поскольку она ожесточала имущіе классы и обостряла классовый антагонизмъ, подлежащій устраненію. Такимъ-то образомъ и возникло противорѣчіе между классовой борьбою и соціализмомъ; оно не было разрѣшено ни въ Англіи, ни во Франціи.

Глава вторая.

Западно-европейскій соціализмъ.

Исторически соціализмъ предшествовалъ классовой борьбѣ пролетаріата. Прежде, чѣмъ захватить въ свои руки политическую власть, буржуазія должна была подняться на высокую ступень развитія; а для того, чтобы подняться на высокую ступень развитія, она должна была создать широкую массу не владѣющихъ никакой собственностью наемныхъ рабочихъ, обезземелить и обездолить цѣлые слои населенія. Просвѣщенные люди, близко стоявшіе къ крупной капиталистической промышленности, уже въ началѣ девятнадцатаго вѣка увидѣли его оборотную мрачную сторону и создавали планы новаго общественнаго устройства. Къ числу ихъ принадлежали Сенъ-Симонъ и Фурье во Франціи, Оуэнъ въ Англіи.

1. Великіе утописты и созданныя ими направленія.

Общею особенностью ихъ было враждебное отношеніе къ французской революціи, къ какому бы то ни было политическому проявленію рабочаго класса вообще. Это объяснялось тѣмъ непримиримымъ противорѣчіемъ, въ которомъ созданныя французской революціей общественныя условія стояли къ буржуазнымъ идеаламъ, къ провозглашенному ею идеалу мира, справедливости, равенства. Утописты желали осуществить эти идеалы немедленно, во всей ихъ чистотѣ; они желали улучшить положеніе всѣхъ членовъ общества, хотя, правда, на первой очереди у нихъ стояло улучшеніе положенія бѣднѣйшаго, многочисленнѣйшаго класса, пролетаріата. Но въ такомъ случаѣ имъ представлялось необходимымъ пойти совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какимъ пошла революція. Мыслящій разумъ долженъ былъ набросить планъ новаго общества, и убѣдить затѣмъ имѣющіе классы въ необходимости

осуществить это общественное устройство. И до тѣхъ поръ, пока въ зарождающемся пролетаріатѣ нельзя было видѣть еще исторической силы, утопистамъ другого пути для осуществленія своихъ идеаловъ не оставалось. Сенъ-Симонъ взывалъ къ королевской власти, Фурье каждый день ожидалъ милліонера, который принесетъ ему денегъ для осуществленія его утопіи, Оуэнъ ограничился мирной пропагандой, очень далекой отъ какой бы то ни было политической дѣятельности.

Понятно, что всеобщій разумъ утопистовъ проявился въ каждомъ изъ нихъ, какъ личный разумъ даннаго лица. Сенъ-Симонъ былъ своего рода Фаустомъ; его универсальный умъ изслѣдовалъ всѣ высоты и глубины того времени, стоялъ выше и французскаго просвѣщенія, и французской романтики. Въ противоположность просвѣтителямъ, онъ понималъ внутреню историческую связь явленій, онъ умѣлъ исторически оправдать средніе вѣка, оцѣнить движущую силу религіи, а въ противоположность романтикамъ онъ отказался отъ мысли вернуться къ періоду феодально-клерикальнаго господства. Вельможа старой Франціи, онъ не задумался провозгласить, что не вѣрѣ и войску, а промышленности и наукѣ должно принадлежать господство; прекрасный инженеръ, стоявшій въ авангардѣ завоевывавшей міръ буржуазіи, онъ далеко не обманывался насчетъ ея исторической недолговѣчности. Основной идеей его жизни было обезпечить каждому свободное развитіе всѣхъ его способностей. До сихъ поръ человѣкъ эксплоатировалъ человѣка, какъ раба, крѣпостного и наемнаго работника. Онъ полагалъ, что пришло ужъ время эксплоатировать одну только природу, земной шаръ, и не отдѣльными людьми, а совокупностью, ассоціацией всѣхъ, потому что всѣ люди должны работать. И подобно тому, какъ промышленность не будетъ больше эксплоатаціей человѣка, а эксплоатаціей природы

людьми, такъ и правительство будетъ руководить вещами, а не людьми. Моральное и физическое возрожденіе пролетаріата, блаженство всѣхъ людей уже на этомъ свѣтѣ, единство духа и плоти, разъединенныхъ древнимъ христіанствомъ, онъ называлъ новымъ христіанствомъ. Въ геніальномъ предвидѣніи Сенъ-Симона еще была значительная примѣсь буржуазныхъ и даже іерархическихъ представленій, но посѣянные имъ зародыши впослѣдствіи дали прекрасные плоды въ различныхъ областяхъ соціализма; пророческія указанія, съ которыми то и дѣло встрѣчаешься, знакомясь съ міромъ его борющейся мысли, напоминаютъ о звѣздахъ, на время выступающихъ между бѣгущими облаками.

Критикомъ буржуазнаго общества, и въ гораздо большей степени, чѣмъ Сенъ-Симонъ, былъ **Фурье**. Приказчикъ въ оптовой торговлѣ, онъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ политическихъ переворотовъ пользу извлекалъ капиталъ. Онъ видѣлъ, что торговля всегда извлекаетъ свою чистую прибыль изъ конфискаціи имѣній, изъ бумажной денежной системы, изъ континентальной системы, изъ поставокъ оружія, одежды, провіанта для французскаго войска, словомъ, изъ каждаго мѣропріятія революціонеровъ-главарей и ихъ наслѣдника Наполеона. И самыя острыя стрѣлы своей критики онъ направилъ противъ торговой гидры, противъ феодализма торговли. Но и онъ исходилъ изъ идеальныхъ предпосылокъ великой революціи. Онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія французскаго матеріализма, признавалъ за человѣкомъ только хорошія склонности и побужденія и хотѣлъ построить новое общество на принципѣ разумнаго удовлетворенія ихъ.

Это общество было созданіемъ его фантазіи, и нетрудно, конечно, осмѣивать отдѣльныя подробности его устройства. Но это нисколько не умаляетъ великихъ заслугъ Фурье, какъ критика современной цивилизаціи. Съ глубокопроникающимъ остроуміемъ онъ рас-

крылъ тѣ противорѣчія, которыя она не перестаетъ вновь создавать, не умѣя выйти изъ нихъ; онъ первый указалъ на то, что въ современной цивилизаціи бѣдность есть послѣдствіе избыточнаго богатства. Онъ говорилъ, что эта цивилизація всѣмъ порокамъ варварства придаетъ сложную, двусмысленную, двустороннюю, лицемѣрную форму. Съ ѣдкимъ сарказмомъ осмѣивалъ онъ буржуазный бракъ, высказывая глубокую мысль о томъ, что степень свободы и самостоятельности, которой пользуются женщины, есть мѣра свободы и самостоятельности даннаго народа вообще. Критика его была въ высшей степени плодотворна; то, что онъ высказалъ объ уничтоженіи антагонизма между городомъ и деревней, о смѣшеніи національностей, о трудѣ, какъ высшемъ проявленіи человѣческаго существа, а не экономической необходимости, о необычайномъ успѣхѣ общественнаго объединенія человѣчества, все это навсегда сохранило свое значеніе.

Несмотря на всю свою фантастику, Сенъ-Симонъ и Фурье были революціонными мыслителями. Реакціонерами были ихъ приверженцы и послѣдователи. Они рекрутировались почти исключительно среди имущихъ классовъ. Особенно много пріобрѣлъ ихъ Сенъ-Симонъ послѣ своей смерти въ 1825 году, и послѣ іюльской революціи они даже довольно шумно выступили на общественную арену. Но на оселкѣ практической революціи скоро обнаружилась вся слабость сенъсимонизма. Базаръ, руководившій тайными политическими союзами противъ бурбонской революціи, думалъ распространить воззрѣнія своего учителя путемъ политической пропаганды и такимъ образомъ побудить къ ихъ признанію и государственную власть; это была полная противоположность Анфантену, который главное вниманіе обратилъ на іерархически-религіозную организацію школы и проповѣдывалъ возрожденіе плоти въ грубо-чувственномъ смыслѣ слова. Потомокъ фамиліи финансистовъ и самъ служащій въ банков-

скомъ дѣлѣ, Анфантенъ тѣмъ не менѣе былъ отчасти пророческой натурой. Необыкновенно искусный ариѳметикъ и въ то же время фантастическій мечтатель, онъ, несмотря на такую смѣсь противорѣчивыхъ элементовъ, былъ увлекающей личностью; онъ сумѣлъ увлечь Гейне и, конечно, одержалъ верхъ надъ Базаромъ, которому жестокое разочарованіе стоило потомъ жизни.

Тогда болѣе здоровые элементы школы порвали съ ней; между прочими и Буше, старый товарищъ Базара. Религіознымъ элементамъ сенъ-симонизма онъ далъ практическое направленіе. Онъ думалъ осуществить въ соціальной области начала христіанской морали мирнымъ путемъ ассоціаціи; онъ рекомендовалъ рабочимъ организовывать производительныя товарищества не для того, чтобы превратить отдѣльныхъ рабочихъ въ предпринимателей, но для того, чтобы освободить рабочій классъ изъ положенія наемныхъ работниковъ. Буше уже считался съ чувствомъ солидарности пролетаріата. Онъ надѣялся, что это чувство побудитъ первыя преуспѣвающія товарищества изъ опредѣленной части чистой прибыли образовать капиталъ, который въ качествѣ неотчуждаемой собственности рабочаго класса не перестанетъ притягивать въ ассоціаціи работниковъ всѣхъ отраслей промышленности. Этотъ проектъ совершенно игнорировалъ внутреннюю сущность капиталистическаго общества, но онъ значительно способствовалъ распространенію во французскомъ рабочемъ классѣ самой идеи ассоціаціи.

Но тѣмъ быстрѣе совершилось то безславное паденіе, въ которое сенъ-симонизмъ былъ увлеченъ Анфантеномъ. Въ тѣ же самые іюньскіе дни 1832 г., когда произошла первая уличная битва противъ новой буржуазной королевской власти, общество сенъ-симонистовъ-мечтателей удалилось въ сельское уединеніе. Легкое судебное преслѣдованіе, которое и волоска обыкновенно не можетъ тронуть въ настоящемъ

классовомъ движеніи, окончательно разсѣяло сенъ-симонизмъ. Единичные приверженцы его примкнули къ Фурье, большая же масса отрезвленныхъ мечтателей, какъ многіе герои нашего времени, превратились въ рыцарей мамоны безъ страха и упрека. Наиболѣе грубые выродки биржевой спекуляціи второй имперіи прикрывались флагомъ сенъ-симонизма; а прежніе мученики его, какъ язвилъ Гейне, не несли иного креста, какъ только крестъ почетнаго легіона.

Фурье умеръ въ 1837 году и въ такой же горькой нищетѣ, какъ Сенъ-Симонъ. Гейне часто видалъ его идущимъ вдоль колоннады Палэ Рояль въ сѣромъ потертомъ сюртукѣ и съ набитыми карманами; изъ одного торчало горлышко бутылки, изъ другого длинный хлѣбъ. Въ лицѣ Виктора Консидерана Фурье нашелъ себѣ умнаго и храбраго приверженца, и фурьеризмъ просуществовалъ дольше, чѣмъ сенъ-симонизмъ, хотя и въ менѣе широкихъ кругахъ и менѣе шумно. Но и онъ исчезъ безслѣдно, частью вслѣдствіе незначительныхъ и естественно неудачныхъ попытокъ осуществить утопію учителя, частью вслѣдствіе своего противодѣйствія классовой борьбѣ пролетаріата.

Отъ французскихъ утопистовъ Оуэнъ отличался тѣмъ, что фактически стоялъ на болѣе высокой ступени экономическаго познанія, хотя и могло казаться, что онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ограниченнѣе ихъ. Когда въ Англіи весь фундаментъ буржуазнаго общества уже былъ революціонизированъ крупной промышленностью, Франціи послѣдняя была еще почти незнакома. Между тѣмъ только крупная промышленность можетъ довести до высшей степени антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, противорѣчіе между производительными силами и производственными отношеніями капиталистическаго общества; но вмѣстѣ съ тѣмъ только крупная промышленность создаетъ средства для одолѣнія этого антагонизма и противорѣчія. Въ своихъ практиче-

скихъ попыткахъ Оуэнъ исходилъ изъ той же фабричной системы, изъ которой исходила соціальная революція. Тамъ, гдѣ онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ Фурье, какъ, напр., въ требованіи устранить гибельныя послѣдствія раздѣленія труда, бороться съ вырожденіемъ рабочаго и пониженіемъ его работоспособности путемъ частой перемѣны занятій и укороченія рабочаго времени, тамъ превосходство англійскаго развитія даетъ ему болѣе широкую точку зрѣнія. То, чего Фурье хотѣлъ достигнуть своими утопическими фаланстеріями, Оуэнъ видѣлъ зарождающимся въ томъ иродовомъ похищеніи дѣтей, съ котораго начала крупная промышленность; рѣчь идетъ о будущемъ воспитаніи: для всѣхъ дѣтей, перешедшихъ извѣстный возрастъ, производительная работа будетъ соединена съ обученіемъ и гимнастикой и не для того, чтобы увеличить общественное производство, но потому, что это единственный способъ создать всесторонне развитыхъ людей.

Въ основѣ своей Оуэнъ, подобно Фурье, исходилъ изъ французскаго матеріализма восемнадцатаго вѣка. Онъ считалъ человѣка продуктомъ его естественныхъ задатковъ и окружающихъ его условій, а промышленная революція Англіи дала ему полную возможность подкрѣпить этотъ излюбленный имъ тезисъ. Съ 1800 до 1829 года онъ управлялъ большою бумагопрядильней въ Нью-Ланаркѣ. 2500 рабочихъ ея выродились отъ дурной заработной платы, отъ чрезмѣрно продолжительнаго рабочаго времени, отъ безграничной эксплоатаціи женщинъ и дѣтей; они были въ неоплатныхъ долгахъ у мѣстныхъ лавочниковъ, предавались пьянству, половымъ излишествамъ, были грубы и невѣжественны, и изъ нихъ онъ создалъ образцовую колонію.

Средства, которыя онъ употребилъ для этого, были: десятичасовый рабочій день, заботливое воспитаніе подрастающаго поколѣнія и вообще условія человѣческаго существованія, въ которыхъ онъ поставилъ

рабочихъ. Блестящій успѣхъ его привлекъ вниманіе всей Европы, и коронованныя особы стремились къ тому, чтобы и на нихъ упала часть того свѣтлаго блеска, который покрывалъ собою этого благороднаго человѣка. Русскій императоръ объявилъ себя защитникомъ Оуэна, и даже сонливый прусскій король бездѣятельно созерцавшій, какъ рейнская промышленность губитъ дѣтей, послалъ ему золотую медаль и лестный рескриптъ. Однако и тогда уже Гентцъ, наиболѣе дошлый изъ наемныхъ писакъ „Священнаго Союза", сумѣлъ правильно оцѣнить значеніе всѣхъ этихъ почестей въ слѣдующемъ циничномъ замѣчаніи: „Намъ вовсе не желательно, чтобъ массы были матеріально состоятельны и независимы. Какъ же мы въ такомъ случаѣ сумѣемъ господствовать надъ ними?"

Дѣйствительно, очень скоро увялъ вѣнокъ на головѣ Оуэна; для этого онъ слишкомъ рѣшительно пошелъ по избранному имъ пути.

То, чего онъ достигъ въ Нью-Ланаркѣ, ни въ коемъ случаѣ не могло его удовлетворить. Работники все-таки оставались его „рабами", все-таки далеко еще было имъ до того положенія, въ которомъ духовный взоръ его видѣлъ конечную цѣль развитія человѣчества. И это несмотря на то, что эти 2500 рабочихъ создавали для общества такое богатство, какое полвѣка тому назадъ едва ли могло создать населеніе въ 600.000 человѣкъ. Оуэнъ не могъ не задаться вопросомъ: куда дѣвается остатокъ отъ того, на что могли бы просуществовать 600.000 человѣкъ, когда своею долею воспользовалось только 2500 человѣкъ.

Вразумительный отвѣтъ на этотъ вопросъ давали тѣ шесть милліоновъ марокъ чистаго дохода, которыя доставались владѣльцамъ Нью-Ланарка, независимо отъ 5% на основной капиталъ. И съ этой точки зрѣнія Оуэнъ дошелъ до соціализма. Въ громадныхъ производительныхъ силахъ крупной промышленности, служившихъ обогащенію единичныхъ личностей и по-

рабощенію массъ, онъ увидѣлъ рычаги новаго общественнаго устройства, при которомъ они будутъ работать, какъ общая собственность всѣхъ, для всеобщаго благополучія. Для осуществленія этого общественнаго устройства Оуэнъ видѣлъ три большихъ препятствія, „троицу зла“: положительную религію, частную собственность и нерасторжимость брака. Выступая на борьбу съ ними, онъ хорошо зналъ, какъ много онъ ставитъ на карту; онъ, дѣйствительно, все поставилъ и все проигралъ. Оффиціальный міръ подвергъ его опалѣ, пресса упорно замалчивала его, или, подобно руководящему органу англійской буржуазіи, не переставала вопить о его „ужасныхъ гнусностяхъ“, о его „дикостяхъ“, о его „дьявольскихъ мерзостяхъ“; состояніе его ушло на попытки заложить первыя начала соціалистическаго общества, доказать на маленькомъ примѣрѣ возможность его. Между тѣмъ на почвѣ капиталистическаго общества эти попытки необходимо должны были потерпѣть неудачу, хотя онѣ и носили на себѣ печать умѣлыхъ рукъ и широкаго взгляда своего экспериментатора. Съ глубокимъ знаніемъ дѣла Оуэнъ набросалъ во всѣхъ техническихъ подробностяхъ свой планъ домашнихъ колоній; его рабочіе базары, учрежденія для обмѣна продуктовъ труда при посредствѣ бумажныхъ рабочихъ денегъ, единицей которыхъ былъ рабочій часъ, все это необходимо предполагало уже существованіе обобществленнаго труда, т. е. полное устраненіе товарнаго производства, на которомъ основывается капиталистическое общество.

Если практически Оуэна къ соціалистическимъ выводамъ привела крупная промышленность, то теоретически онъ опирался на классическихъ представителей политической экономіи, которые изслѣдовали сущность капиталистическаго общества съ научнымъ безпристрастіемъ. Богатство этого общества,—учили они,—состоитъ изъ товаровъ, и мѣновая цѣнность ихъ была той загадкой, надъ которой англійскіе и французскіе

экономисты не переставали работать съ конца семнадцатаго вѣка. Наконецъ Рикардо удалось дойти до того, что цѣнность товара опредѣляется рабочимъ временемъ; въ своемъ главномъ трудѣ онъ доказалъ, что законъ этотъ примѣнимъ и къ противорѣчащему ему, повидимому, буржуазному обществу. Наряду съ этимъ онъ установилъ, что продуктъ всего общественнаго труда распредѣляется между тремя классами: земельныхъ собственниковъ (рента), капиталистовъ (прибыль) и рабочихъ (заработная плата). Этимъ раскрыто было непреодолимое противорѣчіе. Если мѣновая цѣнность какого-нибудь продукта равна представляемому имъ рабочему времени, то мѣновая цѣнность рабочаго дня должна быть равна его продукту; другими словами, заработная плата должна бы быть равной продукту труда. Между тѣмъ заработная плата составляла ту разность, которая получалась изъ продукта общественнаго труда за вычетомъ ренты и прибыли; производители всѣхъ цѣнностей при крупномъ производствѣ жили въ болѣе плачевныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя когда-либо выпадали на долю трудящихся классовъ. Если ужъ зашла рѣчь о справедливости по отношенію къ нимъ, то ничего другого не оставалось, какъ предоставить имъ полную цѣнность продукта ихъ труда.

Собственно къ этому то и стремился Оуэнъ со своими бумажными рабочими деньгами. Если трудъ— мѣра всѣхъ цѣнностей, то зачѣмъ же другая, чуждая мѣра, деньги? Онъ полагалъ, что раздѣленіе продуктовъ труда на ренту, прибыль и заработную плату, превращеніе мѣновой цѣнности въ цѣну, все это стало возможнымъ оттого, что этимъ однимъ товаромъ — деньгами — стали оцѣнивать всѣ другіе. Оуэнъ, однако, слишкомъ хорошо зналъ внутренній механизмъ капиталистическаго общества, и ему не пришло въ голову, что его рабочія квитанціи устранятъ деньги, а товарное производство можно будетъ оставить тогда нетронутымъ. Онъ понималъ, что для устраненія

ренты и прибыли, частная собственность на орудія производства должна быть замѣнена общей. Рабочіе базары Оуэна должны были только послужить переходной ступенью къ этой конечной цѣли. Это была утопія, потому что ни одно существующее общество не можетъ быть перестроено такими опытами, которые имѣютъ цѣлью на практикѣ убѣдить это общество во внутренней непослѣдовательности его. Но Оуэнъ все-таки уберегся болѣе грубой ошибки; ему не пришло въ голову, что онъ самъ сумѣетъ вытащить капиталистическое общество изъ этого болота.

Ясно, что Оуэнъ долженъ былъ подойти къ рабочему классу гораздо ближе, чѣмъ французскіе утописты. Онъ работалъ для него не только въ Нью-Ланаркѣ; отступивъ передъ алчностью своихъ компаньоновъ, онъ еще долго, до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1858 году, жилъ среди него. Поскольку можетъ быть рѣчь о заслугахъ отдѣльной передовой личности передъ англійскимъ фабричнымъ законодательствомъ и англійскими рабочими союзами, слѣдуетъ признать, что Оуэнъ былъ ихъ отцомъ. Онъ агитировалъ среди пролетаріата и въ пользу своихъ соціалистическихъ теорій и тогда уже испыталъ всѣ тѣ несправедливости, которыя съ тѣхъ поръ стали обычной долей для всѣхъ передовыхъ борцовъ за интересы пролетаріата: начиная отъ лишенія помѣщеній для собраній и кончая покушеніемъ на здоровье и жизнь. Однако отъ борьбы рабочаго класса за политическое господство, которая въ чартизмѣ получила такой мощный толчокъ, Оуэнъ держался въ сторонѣ. Онъ прежде всего хотѣлъ мирной пропагандой убѣдить имущіе классы и не довѣрялъ зрѣлости пролетаріата, которая въ средніе годы Оуэна была, дѣйствительно, не велика. Ученики его не пошли дальше его. С. Брэй, правда, однажды высказалъ убѣжденіе, что господствующіе классы неспособны познавать великія истины, но это не мѣшало ему также отрицательно относиться

къ политической борьбѣ пролетаріата; однофамилецъ его Брэй (C. Bray) полагалъ, что чартистское движеніе доказало только неспособность пролетаріата самому руководить своими дѣлами. Для больного общества они не имѣли другихъ средствъ, кромѣ тѣхъ рецептовъ счастья, сочиненіемъ которыхъ они занимались. Школа Оуэна стала сектой, чтившей въ немъ своего непогрѣшимаго пророка. Чѣмъ революціоннѣе становился чартизмъ, тѣмъ болѣе мирно держались оуэниты. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что они потеряли доставшуюся съ такимъ трудомъ близость къ массамъ. Оуэнизмъ выродился въ союзы самопощи и въ религіозное свободомысліе.

2. Мелкобуржуазные соціалисты.

По мѣрѣ того, какъ разгоралась классовая борьба, крупнобуржуазный соціализмъ отмиралъ вообще. Чѣмъ ожесточеннѣе пролетаріатъ наступалъ на буржуазію, тѣмъ больше она теряла досугъ и желаніе заниматься набрасываніемъ и обсужденіемъ такихъ картинъ будущаго, въ которыхъ уже не было мѣста для страданій пролетаріата. Но какъ разъ подъ тяжестью растущей борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ распустился мелко-буржуазный соціализмъ.

Дѣло было вовсе не въ томъ, что въ этой борьбѣ мелко-буржуазные соціалисты стали на сторону рабочихъ. Мелкая буржуазія, какъ промежуточный классъ, въ которомъ одновременно сталкиваются интересы обоихъ классовъ, полагаетъ, что она стоитъ выше антагонизма классовъ и отказывается отъ классовой борьбы. Отъ крупно-буржуазнаго соціализма мелкобуржуазный отличался еще и тѣмъ, что онъ не стремился уничтожить такія противоположности, какъ капиталъ и наемный трудъ, а желалъ только ослабить ихъ антагонизмъ и превратить его въ гармонію. Высоты и глубины современнаго общества онъ хотѣлъ привести къ мелко-буржуазному знаменателю. Онъ

не придумывалъ новаго общественнаго строя, а думалъ освободить буржуазное общество отъ тѣхъ противорѣчій, которыя составляютъ неотдѣлимую сущность его, и поэтому онъ охотно щеголялъ своею „научностью“; по этой же причинѣ мелкая буржуазія охотно величаетъ себя „народомъ“: защищая свои постоянные интересы, она всегда думаетъ, что это интересы всеобщіе.

Но все это вовсе не значить, что мелко-буржуазные соціалисты должны были и субъективно стоять на точкѣ зрѣнія простого ремесленника, портного или перчаточника. Какъ по образованію своему, такъ и по происхожденію они часто стояли гораздо выше того класса, интересы котораго они защищали. Съ острымъ оружіемъ выступали они въ защиту пролетаріата противъ буржуазіи, а ихъ разъѣдающая критика уничтожила всѣ лицемѣрныя прикрасы, придуманныя политико-экономами капитализма. Мелко-буржуазными соціалистами ихъ сдѣлало то обстоятельство, что они мысленно не могли выйти изъ того узкаго круга, въ которомъ практически жила мелкая буржуазія. Одни изъ нихъ стремились возстановить буржуазное общество въ чистомъ видѣ, т. е. осуществить законъ, по которому цѣнность предмета опредѣляется затраченнымъ на него трудомъ и по которому то же мѣрило цѣнности лежитъ въ основѣ свободного обмѣна продуктовъ труда между равноправными товаровладѣльцами; другіе же стремились втиснуть современныя орудія производства и способы обмѣна въ старыя давно разрушенныя отношенія собственности. Оставаясь на почвѣ дѣйствительности, мелко-буржуазные соціалисты считали, что они стоятъ много выше утопистовъ крупно-буржуазныхъ; фактически же они революціонныя утопіи замѣнили реакціонными.

Первый видъ этой мелко-буржуазной утопіи зародился въ Англіи, второй — во Франціи. Ученіе о

томъ, что рабочее время есть непосредственная денежная единица мѣръ, впервые было систематически развито Джономъ Грэемъ въ 1831 году. Онъ предложилъ основать центральный банкъ съ отдѣленіями, въ которомъ обмѣнъ товаровъ будетъ совершаться не на основѣ денегъ, но на основѣ квитанцій на заключающееся въ нихъ рабочее время.

Внутреннее противорѣчіе, которымъ страдали эти планы и изъ-за котораго они терпѣли неудачу при всякой практической попыткѣ, заключалось въ томъ, что продукты производились, какъ товары, но обмѣниваться, какъ товары, не должны были. Рабочія квитанціи Оуэна опредѣляли только личную долю производителя въ общей работѣ и его личное право на ту часть общаго продукта, который предназначенъ для потребленія, рабочія же квитанціи Грэя имѣли цѣлью служить посредниками въ обмѣнѣ продуктовъ отдѣльныхъ независимыхъ производителей. Но такимъ образомъ совершенно исчезалъ контроль надъ тѣмъ, заключается ли въ отдѣльной работѣ данной личности всеобщее общественно-необходимое рабочее время. Только въ денежной формѣ товара индивидуальный трудъ становится всеобщимъ общественнымъ трудомъ. Если въ капиталистическомъ обществѣ уничтожить деньги, поскольку это вообще возможно, то отъ этого оно полетѣло бы не на вершину мелко-буржуазной гармоніи, но въ пропасть немедленнаго банкротства. Гдѣ есть товаръ, тамъ необходимо должны быть и деньги; это два конца одной палки. Съ исчезновеніемъ товарнаго производства исчезнутъ и деньги, но невозможно, чтобы онѣ исчезли при наличности товарнаго производства. Эта утопія всегда, когда только пытались осуществить ее, терпѣла крушеніе, однако она красною нитью проходитъ черезъ исторію мелкобуржуазнаго соціализма сперва въ Англіи, затѣмъ въ Германіи и во Франціи. Опредѣленіе цѣнности товара трудомъ и было тѣмъ реальнымъ основаніемъ, на

которомъ выросли буржуазные идеалы справедливости и равенства, и поэтому безнадежныя попытки устранить неустройства буржуазнаго общества не прекращались; между тѣмъ устранить хотѣли именно тѣ условія, внѣ которыхъ оно вообще не можетъ существовать.

Отъ степени экономическаго развитія этихъ странъ зависѣло то обстоятельство, что эта утопія возникла именно въ Англіи и что другая мелко-буржуазная утопія, стремившаяся втиснуть цыпленка въ пробитое имъ яйцо, зародилась во Франціи. Во Франціи мелкая промышленность имѣла еще совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ Англіи. Ремесло здѣсь сохранилось дольше и въ большей степени, чѣмъ въ Англіи, потому что продуктамъ массоваго производства, съ которыми на міровой рынокъ выступила Англія, Франція противопоставила свои предметы роскоши. Классъ крестьянъ составлялъ больше половины французскаго населенія, между тѣмъ какъ англійскіе крестьяне уже давно были поглощены прожорливой пастью капиталистическаго способа производства. Сохраненіе французскаго крестьянства объясняетъ, почему и французскій феодализмъ существовалъ такъ долго; этимъ же объясняются и отличія между англійскими и французскими экономистами. Побѣдное шествіе капитализма въ Англіи сопровождалось ужаснымъ разрушеніемъ мелкихъ владѣній, это шествіе было блестящее и закончилось быстро; во Франціи оно было гораздо менѣе скорымъ, гораздо менѣе блестящимъ, но гораздо мучительнѣе для подчиненныхъ и угнетенныхъ массъ; передъ лицомъ этихъ безконечныхъ страданій немедленное уничтоженіе можно было бы счесть благодѣяніемъ. Буржуазные экономисты Франціи, присматриваясь къ этому побѣдному шествію, смѣялись сквозь слезы; въ одно и то же время они прославляли и проклинали буржуазную форму труда; по ясности познанія они могли уступать англійскимъ экономистамъ, но

по своей любви къ человѣку они стояли выше ихъ. Это отличіе рѣзко выступаетъ уже на первыхъ представителяхъ классической политической экономіи въ концѣ 17-го вѣка на Буагильбертѣ, съ одной, на Петти—съ другой стороны; столь же рѣзкимъ остается оно при сравненіи послѣднихъ представителей этой школы въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, именно Рикардо и Сисмонди.

Главное сочиненіе свое Рикардо опубликовалъ въ 1817 году, а Сисмонди въ 1819 году. Къ этому промежутку времени относится опытъ перваго торговаго кружка, образовавшагося послѣ возстановленія европейскаго мира. Рикардо еще очень легко отнесся къ нему, какъ къ непріятности, которую каждая богатая нація могла бы перенести такъ же терпѣливо, какъ богатый купецъ относится къ опасностямъ, угрожающимъ его кораблю въ морѣ; изъ-за нихъ онъ все-таки не станетъ завидовать своему бѣдному сосѣду, не испытывающему такихъ безпокойствъ. Сисмонди же причину кризисовъ видѣлъ въ возрастающей бѣдности массъ. Онъ раскрылъ, что буржуазное общество всѣ виды собственности отстраняетъ отъ всѣхъ видовъ труда: „По мѣрѣ того, какъ богатство концентрируется въ рукахъ небольшого числа собственниковъ, все уже становится внутренній рынокъ и промышленность все болѣе вынуждена искать сбыта на чужихъ рынкахъ, гдѣ ее ожидаютъ великія революціи". Съ большимъ краснорѣчіемъ Сисмонди раскрылъ противорѣчія современныхъ производственныхъ отношеній, анархію производства, истребительныя промышленныя войны между націями, кричащія несоразмѣрности въ распредѣленіи богатствъ, концентрацію капитала и земельной собственности, грозящую гибель крестьянъ и ремесленниковъ, бѣдность пролетаріата. Онъ первый сказалъ мѣткое слово о томъ, что римскій пролетаріатъ жилъ на счетъ общества, а современное общество живетъ на счетъ пролетаріата.

Однако критика Сисмонди нигдѣ не выходитъ за

предѣлы мелкобуржуазнаго круга мыслей. Крупную промышленность онъ сравнивалъ съ тѣмъ ученикомъ чародѣя, который не можетъ управиться съ вызванными имъ духами, а поэтому главною цѣлью его было сокращеніе производства. Онъ спрашивалъ: неужели все дѣло только въ богатствѣ, а люди ужъ ничего не значатъ. Накопленіе богатствъ можно бы и ограничить въ видахъ человѣческаго благоденствія. Сисмонди былъ слишкомъ глубокопроникающимъ экономистомъ для того, чтобы просто предлагать возвратъ къ феодально-цеховому строю; но логика мелкобуржуазной точки зрѣнія все-таки болѣе или менѣе увлекала его въ эту сторону. Въ промышленной области, тамъ, гдѣ интернаціональная конкурренція дѣлала цеховой строй очевидной невозможностью, онъ вынужденъ былъ довольствоваться проектами самыхъ общихъ реформъ, напр., требованіемъ сдѣлать предпринимателей отвѣтственными за существованіе тѣхъ пролетаріевъ, которые работали у нихъ, и такимъ образомъ создать „нѣкоторую солидарность между капиталомъ и трудомъ“. Въ сельскохозяйственной промышленности ему уже было легче, такъ какъ онъ предполагалъ, что здѣсь мелкая промышленность имѣетъ преимущества передъ крупной. Вотъ почему Сисмонди свои ревностнѣйшія заботы обратилъ на мелкую сельскохозяйственную промышленность. Великая французская революція сдѣлала мелкаго собственника-крестьянина изъ полукрѣпостного свободнымъ землевладѣльцемъ; онъ бился въ бояхъ республики и имперіи съ феодализмомъ; между тѣмъ капиталистъ-ростовщикъ со своими закладными сталъ тѣснить его не хуже, чѣмъ прежде тѣснилъ его феодалъ-собственникъ и его фронда. Однако владѣніе на правахъ наслѣдственной аренды, родовыя имѣнія и арендныя, которыми Сисмонди хотѣлъ поддержать крестьянскую собственность, снова примыкали къ скованной собственности средневѣковья. Школа его стремилась назадъ, къ патріархальному хозяйству.

Сисмонди былъ одновременно послѣднимъ представителемъ классической политической экономіи и первымъ представителемъ мелкобуржуазнаго соціализма. Онъ стоялъ во главѣ его во Франціи приблизительно двадцать лѣтъ. Затѣмъ это направленіе получило новыхъ представителей, для пониманія которыхъ нужно предварительно познакомиться съ классовой борьбой пролетаріата.

Глава третья.

Классовая борьба западно-европейскаго пролетаріата.

1. Англійскіе фабричные законы и рабочіе профессіональные союзы. Чартизмъ.

Въ началѣ шестнадцатаго вѣка расцвѣтъ фландрской шерстяной мануфактуры и повышеніе цѣнъ на шерсть дали первый толчокъ обезземеленію англійскаго крестьянства крупными англійскими земельными собственниками; въ концѣ восемнадцатаго столѣтія крупная промышленность обездолила и лишила собственности послѣдній здоровый остатокъ населенія, до того времени сидѣвшій на собственной землѣ, — сельскихъ домашнихъ прядильщиковъ и ткачей. Затѣмъ машина, давшая возможность обходиться безъ мускульной силы, создала женскій и дѣтскій трудъ — своеобразное и ужасное страданіе современнаго пролетаріата, отъ котораго въ такой мѣрѣ не терпѣли ни рабы древности, ни крѣпостные среднихъ вѣковъ. Въ то время, какъ Англія, можно сказать, перерождалась, въ то время, какъ на ней какъ-будто изъ земли выростали города, на пустынныхъ болотахъ появлялись громадные человѣческіе ульи, въ то время, какъ капиталъ гигантски разростался и отвоевывалъ себѣ одинъ чужой

рынокъ за другимъ, на англійскій пролетаріатъ обрушивались неслыханныя страданія.

Крупный капиталъ отнялъ у него все, ради чего только стоитъ жить. На день жизни работника онъ смотрѣлъ. какъ на день труда, принадлежащій капиталу, и отсчитывалъ изъ него только тѣ немногіе часы отдыха, въ которыхъ рабочая сила нуждается, чтобъ не изсякнуть окончательно. Въ этой набожной странѣ у работника отняли воскресный отдыхъ, отняли время для исполненія домашнихъ обязанностей, для товарищескаго общенія, для духовнаго развитія и для духовной жизни. Дѣтское тѣло не успѣвало вырасти и распуститься, надышаться свѣжимъ воздухомъ, нарадоваться солнечному блеску, не успѣвало даже наскоро проглотить скудную пищу. Дѣтямъ и взрослымъ часто во время работы всовывали въ ротъ пищу, превращая работника въ вещь, въ орудіе производства, въ которое вводили пищу такъ, какъ уголь въ паровой котелъ, сало и масло въ машину. Вмѣсто здороваго сна для освѣженія и возобновленія жизненной силы имъ предоставлена была возможность оцѣпенѣть ровно на столько часовъ, сколько безусловно необходимо для оживленія вполнѣ истощеннаго организма. Полное вырожденіе фабричнаго пролетаріата нѣсколько замедлялось тѣмъ, что онъ притягивалъ къ себѣ изъ деревни элементы, выросшіе на лонѣ природы, но и этотъ источникъ скоро началъ изсякать, и врачебные отчеты установили быстрое вымираніе сельскихъ рабочихъ. Жизненная сила англійскаго народа была подточена въ самомъ корнѣ.

Это обстоятельство угрожало господству Англіи на міровомъ рынкѣ. Забота о немъ, ненависть крупнаго землевладѣнія къ промышленному капиталу, раздоры внутри самой буржуазіи, предостерегающіе голоса врачей, филантропическое состраданіе лучшихъ элементовъ буржуазіи, неутомимое рвеніе такихъ благородныхъ людей, какъ Оуэнъ, частные интересы отдѣльныхъ крупныхъ фабрикантовъ, словомъ, цѣлый рядъ

обстоятельствъ способствовалъ тому, чтобы склонить имущіе классы, за исключеніемъ класса фабрикантовъ, къ государственной охранѣ хотя бы наиболѣе беззащитныхъ рабочихъ слоевъ, т. е. прежде всего дѣтей. Дѣйствительно, въ 1802, 1819, 1825, 1829 и 1831 гг. были изданы законы въ защиту работающихъ на фабрикахъ дѣтей. Законы эти оставались мертвой буквой, потому что парламентъ ни гроша не давалъ на фактическое проведеніе ихъ въ жизнь и для уничтоженія сопротивленія фабрикантовъ. Эти буржуазныя попытки законодательной охраны труда оказались не столь плодотворными по своимъ непосредственнымъ результатамъ, сколько по своему психологическому воздѣйствію на самого рабочаго. Благодаря имъ пролетаріатъ понялъ, какое значеніе онъ имѣетъ для общества, несмотря на всю свою безграничную нищету.

Но и безъ того онъ никогда окончательно не терялся. Несмотря на суровыя наказанія, возвѣщенныя въ законѣ 1799 года, за образованіе рабочихъ союзовъ, запрещеніе не достигло той цѣли, которой добивались его авторы. Среди рабочихъ, которымъ этотъ законъ такъ угрожалъ, онъ вызывалъ сознаніе солидарности интересовъ даже тогда, когда закономъ пользовались съ кротостью. Тамъ же, гдѣ этотъ законъ проводился съ драконовской свирѣпостью, какъ въ фабричной промышленности, тамъ онъ вызывалъ насильственное противодѣйствіе. Рабочіе основывали тайные союзы; члены связывали себя страшными клятвенными обѣщаніями, невѣрные товарищи наказывались смертью. Въ лишенныхъ образа человѣческаго жертвахъ капитала пробуждалась нечеловѣческая жажда мести, какъ послѣднее человѣческое чувство; поджоги, кражи, порча машинъ стали частымъ явленіемъ. Вдумчивые представители индустріализма сами видѣли, что такія отношенія продолжаться не могутъ; они признали, что не слѣдуетъ отрицать выводы изъ собственныхъ ученій только потому, что они выгодны для рабочихъ: благо-

даря энергіи радикала и приверженца свободной торговли Юма, за которымъ стоялъ портной Плейсъ, необыкновенно практическій агитаторъ, всегда умѣвшій находить новое оружіе, удалось въ 1824 году кое-какъ провести въ парламентѣ отмѣну закона о союзахъ.

И вотъ во всѣхъ отрасляхъ труда возникли трэдъ-юніоны, рабочіе профессіональные союзы, которые главнымъ образомъ при помощи стачекъ стремились завоевать себѣ лучшія условія труда. Испуганный этимъ парламентъ въ слѣдующемъ же году снова ограничилъ недавно только предоставленную свободу союзовъ, но это не сломило духовнаго подъема рабочихъ. Профессіональные рабочіе союзы продолжали сильно развиваться, они сблизились съ радикализмомъ и соціализмомъ, и въ 1834 г. они объединились въ одинъ могущественный союзъ, который поставилъ своею непосредственною цѣлью достиженіе коммунистическаго строя. Въ надеждѣ на побѣду они слишкомъ преждевременно рѣшились на большую пріостановку работъ, понесли цѣлый рядъ тяжелыхъ пораженій, отъ которыхъ союзъ распался. Однако трэдъ-юніоны перенесли и этотъ ударъ. Сколько ни создавали имъ затрудненій крайнее недоброжелательство законодательной власти и руководимое капиталистической прессой общественное мнѣніе, сколько соціалисты и экономисты ни доказывали имъ безполезность ихъ стремленій, проснувшееся классовое сознаніе пролетаріата уже нельзя было больше затуманить.

Его не удалось затуманить и настолько, чтобъ онъ поддержалъ ненавистную буржуазію въ ея политической борьбѣ съ короной и крупнымъ землевладѣніемъ. Недостаточно развитый для того, чтобы образовать собственную партію, англійскій рабочій классъ былъ достаточно развитъ для того, чтобы понять, что реакціонныя насилія надъ гражданской свободой и поддержка нижней палаты, составленной наполовину подкупленными избирателями, рѣзко противорѣчитъ его интере-

самъ. Онъ примкнулъ къ мелко-буржуазному радикальному крылу буржуазіи, требовавшему реформы парламента на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Если у короны и у обѣихъ палатъ парламента удалось вырвать эту реформу, то этому прежде всего былъ виною страхъ, внушенный „мрачными рабочими массами Ланкашира и Іоркшира". Но билль о реформѣ 1832 г. далъ избирательное право только среднему сословію, которое отъ дальнѣйшаго расширенія уклонилось въ знаменитомъ историческомъ заявленіи.

Реформированный парламентъ скоро обнаружилъ, чьимъ духовнымъ дѣтищемъ онъ былъ. Принудительные законы противъ Ирландіи, новый порядокъ городского управленія, обезпечившій за буржуазіей большихъ промышленныхъ городовъ непосредственную власть надъ мѣстнымъ пролетаріатомъ, новый законъ о бѣдныхъ съ его „бастиліями", въ которыхъ съ безработными обращались хуже, чѣмъ съ преступниками, все это поставило пролетаріатъ въ политическую оппозицію противъ буржуазіи. Таково же было и дѣйствіе фабричнаго закона 1833 года, нѣкоторые пункты котораго представляли собою ухудшеніе сравнительно съ прежними и только въ томъ смыслѣ завершали ихъ, что вводили фабричныхъ инспекторовъ; первоначально это былъ только шахматный ходъ крупныхъ фабрикантовъ противъ мелкихъ, но потомъ это оказалось мѣрой, благопріятной для рабочихъ. Въ 1835 году въ Лондонѣ собрался рабочій союзъ и набросилъ свою программу—народную хартію. Она состояла изъ шести пунктовъ: всеобщее право голоса, которымъ пользуется каждый мужчина, находящійся въ здравомъ умѣ и не уличенный въ какомъ-нибудь преступленіи; ежегодные выборы въ парламентъ, содержаніе членамъ его, тайная подача голосовъ, равные избирательные округа, право каждаго избирателя быть избраннымъ. Исполненіе этихъ требованій было равносильно коренному измѣненію англійскаго политическаго строя.

Чартизмъ былъ первой попыткой современнаго пролетаріата завоевать политическую власть для руководства ею въ своихъ интересахъ. Однако онъ, съ одной стороны, не былъ исключительно пролетарскимъ движеніемъ, а съ другой стороны, въ немъ не приняли участія всѣ передовые элементы рабочаго класса. Онъ былъ проникнутъ мелко-буржуазнымъ радикализмомъ, трэдъ-юніоны же держались вдали отъ него, потерявъ бодрость отъ неудачи перваго своего серьезнаго штурма. Къ этому присоединилось еще и то, что чартизмъ вмѣшался въ ожесточенную борьбу аристократіи и буржуазіи. Едва только англійская буржуазія добилась политической власти, какъ она стала напрягать всѣ усилія къ проведенію своего идеала, сдѣлать изъ Англіи „міровую мастерскую", при чемъ всѣ остальныя страны должны были служить рынками для продуктовъ ея промышленности, источниками пищевыхъ веществъ и сырыхъ матеріаловъ. Этому прежде всего мѣшали хлѣбные законы; повышая цѣну на хлѣбъ и такимъ образомъ заработную плату, они повышали и стоимость производства. Эта внутренняя борьба между земельной рентой и прибылью на капиталъ касалась рабочихъ, какъ таковыхъ, только косвенно. Чартисты совершенно не были заинтересованы въ сохраненіи хлѣбныхъ законовъ, но они также понимали, что приверженцы свободы торговли вопіяли о дешевомъ хлѣбѣ совсѣмъ не ради пролетаріата. Въ области политики цѣлью чартистовъ была хартія, а въ области экономической—десятичасовый рабочій день. Но имущіе классы пытались заманить рабочій классъ какъ разъ этой приманкой. Приверженцы свободы торговли обѣщали имъ десятичасовый рабочій день послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ; впослѣдствіи они открыто измѣнили своему слову, при чемъ во главѣ ихъ стояли тогда Брайтъ и Кобденъ; крупные землевладѣльцы скрывали свою скорбь объ ущербѣ своей земельной ренты подъ знаменемъ десятичасо-

ваго рабочаго дня, и вокругъ этого знамени они пытались сплотить незрѣлые слои пролетаріата.

Чартисты видѣли насквозь ложныхъ друзей своихъ. Они поддерживали агитацію аристократіи въ пользу десятичасоваго рабочаго дня, не объединялись съ ней и сбрасывали противниковъ хлѣбныхъ законовъ съ трибуны, лишь только эти софисты прибыли на капиталъ принимались прославлять въ свободѣ торговли начало вѣчнаго царства. При всемъ этомъ, не имѣя собственныхъ представителей въ парламентѣ, чартисты вынуждены были считаться съ парламентскими партіями, то съ торіями, то съ вигами. Только крупная стачка 1842 года, къ которой фабриканты вѣроятно подстрекнули рабочихъ, чтобы потомъ предать ихъ, вполнѣ обнаружила политическій характеръ чартизма. Боевой кличъ его: политическая власть—наше средство, соціальное счастье—наша цѣль,—пробудилъ сотни тысячъ рабочихъ сердецъ. Но и для чартизма не прошелъ безнаказаннымъ недостатокъ пониманія соціализма, точно такъ же, какъ и для соціализма имѣлъ вредныя послѣдствія недостатокъ пониманія чартизма. Разногласія въ вопросахъ о моральной и физической силѣ, о „священномъ мѣсяцѣ", т. е. о всеобщей мѣсячной забастовкѣ, въ вопросѣ о сельскомъ проектѣ, т. е. о наивномъ проектѣ подпиской на акціи небольшой стоимости купить рядъ помѣстій, — все это не переставало парализовать внутреннюю силу партіи. Несмотря на это ея геройская борьба представляетъ собой первую славную страницу въ революціонной исторіи современнаго пролетаріата. Объ ея рѣшительное противодѣйствіе разбились всѣ „позорныя попытки" фабрикантовъ помѣшать умѣлой и безстрашной дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ и еще разъ свести на нѣтъ фабричный законъ 1833 года. Она пробудила живую духовную жизнь въ англійскомъ рабочемъ классѣ, она создала собственную пролетарскую литературу, которая не отличается отточенной.

отдѣланной формой, но которая по энергіи мысли и по глубинѣ внутренняго содержанія стояла выше произведеній умственныхъ сливокъ того времени.

Чартистское движеніе было столь могуче, что оно въ извѣстной степени затронуло и имущіе классы. Отдѣльные радикальные фабриканты приняли сторону борющихся рабочихъ; гуманныхъ тори смѣнила Молодая Англія, стремившаяся возстановить романтическій феодализмъ съ выгодными его сторонами, иначе говоря, стремившаяся къ невозможному, но нанесшая чувствительные удары денежной спѣси. Въ романѣ Дизраэли „Sybil", представляющемъ захватывающее описаніе стачки 1842 года, это направленіе нашло блестящее выраженіе. Талантливые юмористы, въ родѣ Томаса Гуда съ его пѣсныю о рубашкѣ и о мостѣ вздоховъ, дали потрясающее изображеніе нищеты женскаго пролетаріата. Наконецъ, далеко звучащимъ эхомъ явились для чартизма произведенія Карлейля. Воспитанный въ духѣ германскихъ классиковъ, Карлейль думалъ, что крупная промышленность ведетъ за собою новую эпоху варварства. Удивительно красиво обрисовывалъ онъ ея гибельное вліяніе и требовалъ организаціи труда.

Однако, въ сокровенной глубинѣ этой литературы таилось реакціонное сѣмя, которое должно было тѣмъ пышнѣе распуститься, чѣмъ яснѣе становилось для пролетаріата его всемірно-историческое назначеніе. Жалость къ нищему, какъ бы сильна она ни была, въ какихъ бы блестящихъ чувствахъ она ни проявлялась, навсегда останется нѣжнымъ растеніемъ, быстро увядающимъ отъ горячаго дыханія разгорающейся классовой борьбы. Даже Карлейль кончилъ тѣмъ, что сталъ прикрашивать рабство.

2. Революціонный натискъ французскаго рабочаго класса.

Во Франціи рабочіе союзы были воспрещены уже въ 1791 году. Декларація правъ человѣка и опасеніе

возрожденія цеховъ послужили предлогомъ для этого запрещенія; въ Англіи же при запрещеніи коалицій воспользовались мотивами общественнаго спасенія и запугиваніемъ французскими якобинцами. Однако отличіе въ выраженіяхъ, въ которыхъ по сю и по ту сторону канала нанесено было такое оскорбленіе рабочимъ, соотвѣтствовало дѣйствительнымъ отличіямъ въ экономическихъ условіяхъ. Во Франціи крупная промышленность не развивалась быстро, не было стройнаго объединеннаго движенія значительныхъ рабочихъ массъ, которое могло бы, какъ въ Англіи, дѣятельно выступить въ вопросѣ объ уничтоженіи запрета коалицій, въ дѣлѣ основанія рабочихъ союзовъ, введенія фабричныхъ законовъ. Соотвѣтственно этому первоначально первенствующее мѣсто занимала не промышленная, а финансовая буржуазія, такъ называемая финансовая аристократія, банкъ и биржа, владѣльцы значительныхъ рудниковъ и лѣсовъ. Іюльская монархія была акціонерной компаніей для эксплоатаціи французскаго національнаго богатства; дивиденды этой компаніи распредѣлялись между короной, министрами, палатами, нѣсколькими сотнями тысячъ избирателей и ихъ приверженцами.

Въ дѣлѣ надувательства пролетаріата французскіе крупные финансисты ни въ чемъ не уступали англійскимъ крупнымъ промышленникамъ. Прежде всего они украли у рабочаго класса и мелкой буржуазіи французскую республику, назначивъ управляющимъ своего хищническаго предпріятія Людовика Филиппа; они лицемѣрно заявили, что они создали монархію съ республиканскими учрежденіями. Что они подразумѣвали подъ этимъ, обнаружилось очень скоро, когда новый буржуазный король назначилъ своимъ министромъ-президентомъ богача-банкира Казимира Перье. Ограниченный и мрачный фанатикъ капитализма Перье началъ съ заявленія по адресу іюльскихъ иллюзіонеровъ, что революція не измѣнила общественнаго строя,

к8нувшись только политическихъ порядковъ, что всякое возстаніе, во имя чего бы оно ни совершалось, есть преступленіе, всякое насильственное дѣйствіе — анархія. Одновременно же этотъ французскій буржуа ввелъ практику, которая съ того времени должна была стать главнымъ средствомъ въ искусствѣ государственнаго спасенія: его полиція за наличныя деньги нанимала бродягъ, преступниковъ-рецидивистовъ, отбывшихъ срокъ каторжниковъ и другіе подобные элементы для инсценированія покушеній, бунтовъ, заговоровъ; потомъ Перье пользовался этими поводами для того, чтобы воздѣйствовать на обманутое большинство. Дѣйствіемъ этого искусно созданнаго страха Казимиръ Перье побудилъ уступчивую палату отказаться отъ тѣхъ политическихъ правъ, которыя народныя массы такъ недавно завоевывали себѣ цѣной крови; послѣ же ранней смерти его Тьеръ, Гизо и подобные господа продолжали эту патріотическую политику съ неослабной силой. Эта буржуазная королевская власть не успѣла просуществовать полудюжины лѣтъ, а лѣтописи ея уже насчитывали около трехъ дюжинъ маленькихъ революцій, болѣе дюжины покушеній на короля и около дюжины законовъ, лишавшихъ народныя массы политическихъ правъ и прежде всего свободы печати и союзовъ.

Эта политика должна была въ одинаковой степени раздражить іюльскихъ борцовъ мелкой буржуазіи и пролетаріата и поэтому до извѣстной степени произвести какъ разъ то дѣйствіе, которое она имѣла въ виду устранить. Устраненные отъ общественной жизни, угнетенные классы организовались въ тайныя общества; лишенные слова и письма, они взялись за кинжалъ и ружье. Не одинъ разъ обжигала себѣ полиція пальцы на томъ огнѣ, которымъ она играла. Даже въ самомъ кровавомъ покушеніи на Людовика Филиппа (адская машина Фіески) въ качествѣ зачинщика принималъ участіе отставной полицейскій

сыщикъ, а наряду съ маленькими полицейскими революціями дѣлались серьезныя попытки съ оружіемъ въ рукахъ свергнуть алчное господство лавочниковъ, навязанное народу буржуазіей. При этомъ пролетаріатъ, какъ слабо развитый классъ, оставался позади мелкой буржуазіи, активные элементы которой стояли еще подъ вліяніемъ якобинскихъ преданій великой революціи. И въ первое время господствующій классъ больше боялся радикаловъ мелкой буржуазіи, чѣмъ бунтующихъ рабочихъ.

Это ясно обнаружилось, когда осенью 1831 года возстали голодающіе ткачи шелковыхъ матерій Ліона, поднявъ черное знамя съ мрачною надписью: „жить работая, или умереть сражаясь“. Они прогнали ліонскій гарнизонъ и нѣсколько дней въ образцовомъ порядкѣ управляли вторымъ городомъ государства. Этотъ голодный бунтъ не имѣлъ опредѣленной программы; организованы были не ткачи домашней промышленности, но 8—10,000 мастеровъ, стоявшихъ между 40—50,000 рабочихъ и 800 фабрикантовъ; являясь сами орудіями эксплоатаціи, они горькой нуждой принуждены были перейти на сторону пролетаріата, но они были организованы только въ общество взаимопомощи, статуты котораго воспрещали обсужденіе политическихъ и религіозныхъ вопросовъ. Послѣ скораго усмиренія мятежа органы буржуазіи вздохнули облегченно: это былъ простой конфликтъ между фабрикантами и рабочими. Гораздо больше испугала буржуазію республиканская демонстрація, разыгравшаяся въ 1832 году при погребеніи генерала Ламарка въ Парижѣ.

Однако же безплодный мятежъ кое-чему научилъ ліонскихъ ткачей. Въ февралѣ 1834 года они пытались подъ руководствомъ упомянутаго общества „Взаимопомощь“ стачкой помѣшать дальнѣйшему пониженію ихъ нищенской заработной платы. Вслѣдствіе недостатка какой-либо широкой организаціи, они уже черезъ недѣлю потерпѣли пораженіе. Но какъ разъ, во время

такого возбужденнаго состоянія массъ правительство предприняло дерзкое покушеніе на послѣдніе остатки свободы союзовъ. Тьеръ и Гизо, замѣнявшіе трусливымъ пискомъ и назидательными проповѣдями то, чего имъ недоставало до откровенной грубости Перье, хотѣли этимъ нанести ударъ главнымъ образомъ буржуазнымъ республиканцамъ; однако, сдѣлавъ призрачными всякія права союзовъ, они поразили на смерть и такія общества, какъ „Взаимопомощь". Въ протестѣ, покрытомъ 2500 подписей, это общество заявило, что оно добровольно устранило себя отъ политики, и полагало, что тогда ему не придется опасаться какихъ-либо нападеній со стороны правительства; но уничтожающій всякую свободу законъ о союзахъ раскрылъ обществу его ошибку; общество не подчинится этому позорному игу, оно будетъ продолжать свои собранія и не испугается никакихъ жертвъ въ дѣлѣ защиты неотчуждаемыхъ человѣческихъ правъ. „Взаимопомощь" вступила въ связь съ „Обществомъ правъ человѣка", самой вліятельной и численной среди тайныхъ организацій буржуазныхъ республиканцевъ. Но въ этомъ союзѣ царили разные раздоры, мелкое честолюбіе руководителей; кромѣ того, не обошлось дѣло и безъ руки сыщика. Правительство сумѣло приготовиться къ грозившему удару. Со времени голоднаго бунта 1831 года Ліонъ былъ сильно укрѣпленъ; войско стояло въ боевой готовности на всѣхъ важныхъ пунктахъ, когда рабочія массы поднялись 9 апрѣля 1834 года. 5 дней боролись онѣ геройски пока не были подавлены безпримѣрными жестокостями солдатъ. Въ Парижѣ республиканцы выступили всего 13 апрѣля, но уже на слѣдующій день были побѣждены. И здѣсь войско проявило жестокость безъ мѣры и числа; кровавая баня на улицѣ Трансноненъ еще до сихъ поръ сохранилась въ памяти.

Громадное дѣло, возбужденное противъ задержанныхъ, окончательно уничтожило общество правъ чело-

вѣка. Еще болѣе чувствительный ударъ возставшія буржуазныя организаціи понесли отъ того, что ихъ извѣстнымъ вождямъ удалось изъ подслѣдственнаго ареста бѣжать за границу. Мѣсто бѣглецовъ заняли болѣе одаренные и дѣятельные люди, Барбесъ и Бланки, основавшіе въ 1835 году „Общество семействъ“, а позже „Общество временъ года“. Въ этихъ обществахъ пролетарское направленіе пользовалось почти исключительнымъ преобладаніемъ; центромъ тяжести его было ученіе Бабефа, которое вновь предстало въ яркихъ краскахъ въ написанной Буанаротти исторіи его заговора.

Новыя общества требовали соціальной и радикальной революціи, уничтоженія аристократіи, богачей, банкировъ, подрядчиковъ, монополистовъ, крупныхъ земельныхъ собственниковъ, биржевыхъ игроковъ, однимъ словомъ, грабителей, которые жирѣютъ на счетъ народа“. Они заявляли, что учрежденіе республики не столько цѣль, какъ средство, чтобы передать помѣстья не работающихъ собственниковъ не имѣющимъ собственности работникамъ. Это была безпомощная форма коммунизма, основывавшаяся главнымъ образомъ на буржуазно-идеологической формулѣ равенства. И не только въ своей программѣ, но и въ тактикѣ „Общество временъ года“ примкнуло къ Бабефу. Эти общества считали достаточнымъ небольшого числа рѣшительныхъ заговорщиковъ для того, чтобы однимъ махомъ овладѣть государственной властью. Но когда Барбесъ и Бланки 12 мая 1839 года сдѣлали эту попытку, она послѣ нѣскольких часовъ видимаго успѣха обнаружила всю свою недѣйствительность.

Троекратное пораженіе парализовало силы дѣятельныхъ революціонныхъ партій. Съ этого времени королевской власти больше не пришлось имѣть дѣло съ какимъ-нибудь новымъ возстаніемъ. Но зато тѣмъ быстрѣе пошло внутреннее его разложеніе. Считалось само собой понятнымъ, что іюльская монархія ничего

не дѣлала для рабочаго класса; единственный законъ, изданный въ 1841 году и долженствовавшій въ весьма незначительной степени защитить дѣтскій трудъ, остался безъ всякаго практическаго дѣйствія. Этимъ, равно какъ высокими вывозными преміями и защитными пошлинами, была оказана услуга промышленной буржуазіи. Но чѣмъ сильнѣе она становилась, тѣмъ сильнѣе становилось и недовольство ея господствующей частью своего класса. Финансовая аристократія, державшая кормило правленія, по природѣ своей больше стремилась урывать существующее богатство, а не создавать вовсе. Она оставила въ пренебреженіи земледѣліе, торговлю, судоходство, пути сообщенія и тѣмъ нанесла чувствительный ущербъ промышленной буржуазіи. Она возбудила противъ себя и буржуазную честность, превратившись благодаря своимъ дутымъ предпріятіямъ, безсовѣстнымъ подкупамъ, обманамъ и грабежамъ всякаго рода, въ босяковъ на вершинѣ общественной лѣстницы. Этой плачевной внутренней политикѣ соотвѣтствовала и плачевная внѣшняя политика. Даже среди образованныхъ классовъ возникла растущая оппозиція противъ ея руководящей фракціи; эта оппозиція, составившаяся изъ весьма различныхъ элементовъ, объединилась на общемъ требованіи избирательной реформы. Они всѣ согласны были съ тѣмъ, что надо уничтожить тѣ рамки активнаго и пассивнаго избирательнаго права, которыя обезпечивали исключительное господство за финансовой аристократіей. Но въ вопросѣ о томъ, насколько широко должно быть избирательное право, они расходились.

Въ этой буржуазной оппозиціи можно было отличить главнымъ образомъ три направленія: династическая оппозиція, желавшая сохраненія буржуазной королевской власти, стремившаяся только къ тому, чтобъ политическая власть равномѣрнѣе распредѣлялась среди различныхъ слоевъ буржурзіи; буржуазно-респу-

бликанская оппозиція, которая видѣла въ республиканской формѣ правленія вѣрнѣйшее обезпеченіе того, что власть останется въ рукахъ буржуазіи; наконецъ, демократически-республиканская оппозиція, передъ которой носился идеалъ мелко-буржуазной республики по якобинскому образцу. Но республика была немыслима для буржуазіи безъ помощи рабочихъ, и поэтому буржуазные республиканцы до извѣстной степени должны были кокетничать съ пролетаріатомъ, интересы которыхъ были столь же безразличны для нихъ, какъ и для династической оппозиціи. Это направленіе группировалось вокругъ „Національ" и покровительствовало рабочей газетѣ Atelier; она выходила съ 1840 года и проповѣдывала учрежденіе производительныхъ союзовъ Буше для исцѣленія всѣхъ соціальныхъ золъ.

Демократически-республиканская оппозиція въ парламентѣ имѣла своимъ выразителемъ Ледрю-Роллэна, а публицистическимъ органомъ ея была „Реформа"; она въ томъ смыслѣ была ближе къ рабочимъ, что въ соотвѣтствіи съ мелко-буржуазнымъ воззрѣніемъ она считала себя представительницей интересовъ „народа" въ противоположность буржуазіи. Она называла себя соціалъ-демократіей и требовала всеобщаго права голоса и такой организаціи труда, которая замѣнила бы наемныя отношенія ассоціаціей. Въ программѣ „Реформы" мы читаемъ: „рабочій имѣетъ право на признательность со стороны государства въ той же мѣрѣ, какъ солдатъ; сильному и здоровому работнику государство должно дать работу, старому и слабому оказать помощь и защиту". Организація труда и право на трудъ—таковы были соціально-политическія цѣли этого направленія, и въ печати ихъ отстаивалъ особенно Луи Бланъ. Свободную конкурренцію онъ называлъ системой истребленія, такъ какъ она сперва разоряла пролетарія, а потомъ и буржуа. Свободная конкурренція, утверждалъ онъ, ведетъ къ поглощенію ремесленниковъ фабрикантами, крестьянъ—ипотекою.

въ концѣ концовъ она приводитъ къ монополіи крупнаго капитала, къ вздорожанію товаровъ, которые она, повидимому, должна удешевить. Задачей государства является основаніе общественныхъ мастерскихъ, организація рабочихъ одной профессіи въ большія товарищества и оказываніе имъ поддержки изъ общественныхъ средствъ. Эти объединенныя и солидарныя товарищества постепенно поглотятъ частную промышленность и сживутъ со свѣта злосчастную конкурренцію.

Мелко-буржуазный характеръ этихъ проектовъ легко бросается въ глаза. Съ ними дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ съ рабочимъ временемъ, какъ непосредственной денежной единицей. Право на трудъ организовано въ буржуазномъ обществѣ, поскольку оно вообще можетъ быть организовано. Наличность безработныхъ есть послѣдствіе перепроизводства, неотдѣлимаго отъ развитаго капиталистическаго способа производства. Если государство дастъ безработнымъ пролетаріямъ возможность дальше работать при нормальныхъ условіяхъ, то оно только безконечно увеличитъ перепроизводство и кончитъ банкротствомъ. Осуществленіе права на трудъ необходимо требуетъ общей собственности на орудія производства. До тѣхъ поръ, пока на средства производства существуетъ частная собственность, право на трудъ можетъ быть осуществленно только въ формѣ того рабочаго дома, котораго англійскіе рабочіе боятся больше каторги и даже больше голодной смерти. Трудъ въ буржуазномъ обществѣ организованъ такъ, какъ онъ долженъ быть организованъ: эта единственная возможность есть наемный трудъ; онъ предполагаетъ наличность капитала и можетъ быть уничтоженъ только вмѣстѣ съ капиталомъ, т. е. съ буржуазнымъ обществомъ. То же самое относится и къ свободной конкурренціи, являющейся единственно возможной организаціей общественнаго производства для общества обмѣнивающихся товаропроизводителей

Однако легко понять, что проекты Луи Блана произвели глубокое впечатлѣніе на французскихъ рабочихъ. Военная опасность и политическія потрясенія, бывшія послѣдствіемъ восточнаго кризиса 1840 года, вызвали среди имущихъ классовъ безпутную спекулятивную горячку и принесли трудящимся классамъ много горя и нужды. Массы безработныхъ заполняли парижскія улицы, и движеніе на улицѣ охранялось войсками. При такихъ обстоятельствахъ требованіе права на трудъ и организаціи труда звучали бурнымъ протестомъ противъ безсмысленныхъ послѣдствій капитализма. Несмотря не запрещеніе коалиціи, одновременно вспыхнули большія стачки портныхъ, столяровъ, рабочихъ, печатающихъ обои, а потомъ и плотниковъ; пробуждающееся въ рабочемъ классѣ сознаніе солидарности обнаружилось въ томъ фактѣ, что работники, не прекратившіе работъ, напр., наборщики, дѣятельно помогали своими сбереженіями стѣсненнымъ товарищамъ. Особые классовые интересы современнаго пролетаріата принимали все болѣе осязательную форму и увлекали рабочихъ далеко за предѣлы идеологіи коммунистическаго равенства. Опытъ научилъ ихъ тому, что отдѣльными возстаніями политической власти не завоевать: требованіе всеобщаго права голоса получало среди нихъ все больше сочувствія.

Однако это еще не было сліяніемъ классовой борьбы съ соціализмомъ. Правда, фурьеристы тоже требовали права на трудъ, но они ревностно боролись съ реформистами. Въ своемъ органѣ „Мирная Демократія" Викторъ Консидеранъ заявлялъ, что бѣда только въ томъ, что у правительства нѣтъ никакихъ идей; если-бъ познакомить его съ наукой объ обществѣ, то можно бы провести реформу безъ революціи. На это „Реформа" отвѣчала, что бѣда скорѣе въ томъ, что правительство имѣетъ за собой не народъ, а только монополіи и привилегіи; послѣднихъ нечему поучать, ихъ нужно только уничтожить; трудно требовать отъ преуспѣваю-

щихъ интересовъ, чтобы они сами себя уничтожили. Но дѣятели реформы не были бы мелко-буржуазными республиканцами, если бы они до глубины души не ненавидѣли бы всякій соціализмъ и коммунизмъ, стремившійся повредить самые корни буржуазнаго общества. „Мы не коммунисты и не соціалисты", говорилъ Ледрю Ролленъ своимъ избирателямъ. Изъ этого противорѣчія выросъ первоначальный рабочій коммунизмъ, ставшій массовымъ движеніемъ и нашедшій своего выразителя въ Кабэ.

Кабэ былъ и то и другое: якобинецъ и утопистъ. Въ качествѣ вождя буржуазныхъ республиканцевъ онъ навлекъ на себя судебное преслѣдованіе, побудившее его бѣжать въ Англію. Здѣсь не практическія, а литературныя занятія, именно Томасъ Моръ и Оуэнъ привели его къ коммунистическимъ воззрѣніямъ. Коммунизмъ его имѣлъ чисто идеалистическую основу. Изъ основного положенія о равенствѣ и братствѣ Кабэ дѣлалъ выводъ о необходимости общей собственности, какъ условія всеобщаго счастія. Какъ всѣ утописты, онъ думалъ осуществить свой идеалъ мирной пропагандой. Однако, въ отличіе отъ остальныхъ утопистовъ, онъ требовалъ господства демократіи, какъ необходимой переходной ступени. Онъ говорилъ рабочимъ: „будьте прежде всего демократами и реформистами, подписывайте петиціи о реформѣ избирательнаго права". Кабэ безспорно былъ поверхностнѣйшимъ утопистомъ; его „Поѣздка въ Икарію" носитъ рѣзко выраженный мелко-буржуазный характеръ; рядомъ съ утопіей Сенъ-Симона или Фурье она представляется жалкой и робкой. Но Кабэ былъ не только самымъ поверхностнымъ, онъ былъ самымъ популярнымъ утопистомъ, такъ какъ онъ наконецъ указалъ поприще для политической дѣятельности пролетаріата.

Вообще ему принадлежитъ та заслуга, что, поскольку классовое сознаніе французскаго пролетаріата вообще развито было въ сороковые годы, Кабэ далъ ему

наиболѣе чистое выраженіе. Этимъ объясняется необыкновенная распространенность его сочиненій среди рабочихъ, съ одной стороны, и всеобщая вражда буржуазнаго міра къ нему, съ другой стороны. Фурьеристы такъ же мало хотѣли знать о немъ, какъ и реформисты; вѣдь и тѣхъ и другихъ онъ поразилъ въ больное мѣсто. Прежніе его товарищи по убѣжденіямъ изъ „Національа“ называли его пособникомъ Священнаго Союза, а какой-то священникъ Искро въ Шампаньи совѣтовалъ забросать коммунистовъ каменьями. Папа и французскіе епископы предавали коммунизмъ проклятію, а Кабэ между тѣмъ по своему признавалъ христіанство. Онъ говорилъ: „икарійскій коммунизмъ есть то христіанство, которое преподалъ Христосъ во всей его христіанской чистотѣ, потому что принципъ христіанства—это братская любовь, равенство, свобода, ассоціація и общее пользованіе благами“. И въ этомъ пунктѣ Кабэ попалъ въ тонъ современнаго пролетаріата, который въ началѣ своей освободительной борьбы охотно обращается къ первоначальному христіанству. Дезами, пытавшійся обосновать коммунизмъ на атеизмѣ и матеріализмѣ, былъ, конечно, гораздо послѣдовательнѣе Кабэ, но не достигъ и слабой доли его вліянія на рабочихъ.

Всеобщая враждебность не устрашила Кабэ, она повредила ему только тѣмъ, что безмѣрно увеличила его честолюбіе. Въ ревностномъ стремленіи своемъ убѣдить упорствующій свѣтъ въ возможности своей утопіи онъ забылъ даже о томъ, что самъ считалъ ея необходимой предпосылкой, и попытался осуществить ее въ малыхъ размѣрахъ на американской почвѣ. Выполненіе этого предпріятія оказалось возможнымъ только благодаря особому самоотверженію его приверженцевъ; но не успѣла сняться съ якоря первая экспедиція, какъ вспыхнула февральская революція. Съ неотразимою убѣдительностью показала она французскому пролетаріату, что не въ его интересахъ

были эти безнадежныя попытки покорить гигантскія силы капитализма дѣтской игрушкой карликоваго коммунизма. Икарійскія колоніи погибли подобно такимъ же предпріятіямъ фурьеристовъ и оуэнистовъ, хотя нельзя не замѣтить, что отъ послѣднихъ ихъ отличало далеко болѣе сильное классовое самосознаніе. Кабэ не сумѣлъ диктаторски управлять ими; онъ умеръ въ 1857 году въ С.-Луи, сломленный неудачей своихъ плановъ.

Пролетарскіе тайные союзы продолжали существовать наряду съ кабэтистскимъ и реформистскимъ движеніемъ, но профессіональные заговорщики все больше теряли въ нихъ почву; да и въ тайныхъ обществахъ, которыя по положенію вещей обнимали только незначительную долю рабочаго класса, все сильнѣе обнаруживалась потребность организовать пролетаріатъ, какъ таковой, и выяснить ему его классовые интересы.

Богатая соціалистическая литература, процвѣтавшая въ душной атмосферѣ сороковыхъ годовъ, была скорѣе препятствіемъ, чѣмъ двигателемъ въ этомъ процессѣ самосознанія, Эта литература основывалась на возмущеніи господствомъ финансовой аристократіи, — чувствѣ, объединявшемъ всѣ остальные классы, отъ феодальной аристократіи до промышленнаго пролетаріата включительно. Чѣмъ сильнѣе становилось это чувство возмущенія, тѣмъ болѣе стирались противоположности между отдѣльными соціальными слоями этой общей оппозиціи. И въ борьбѣ съ финансовой аристократіей даже владѣющіе классы были одушевлены какимъ-то неопредѣленнымъ соціализмомъ; представленный въ сотнѣ оттѣнковъ, онъ только задерживалъ сильное развитіе классоваго сознанія, которое начинало пробуждаться у передовыхъ рабочихъ. Почти у всѣхъ писателей этого времени отъ Беранже до Ламартина соціализмъ нашелъ себѣ болѣе или менѣе сильный откликъ; геніальнѣйшей представительницей его была Жоржъ

Зандъ, величайшая писательница этого вѣка. Наиболѣе популярнымъ представителемъ его былъ Евгеній Сю, сантиментальные и страшные романы котораго восхищали мелкихъ буржуа въ фельетонахъ буржуазной прессы. Въ католическомъ мірѣ поднялся Ламенэ и призывалъ церковь стать во главѣ соціальнаго движенія; когда же Римъ проклялъ его, онъ въ печати горячимъ словомъ вѣрующаго сталъ возвѣщать священническія права народа. Краснорѣчивый и, въ своемъ родѣ, убѣдительный мечтатель, онъ пріобрѣлъ извѣстное вліяніе на массы, хотя его соціальная программа, какъ онъ самъ заявлялъ въ „Національ", исчерпывалась жалкимъ требованіемъ добиться болѣе справедливой заработной платы. Всѣ соціалистическія системы онъ обвинялъ въ томъ, что онѣ хотятъ обречь народы на невиданное еще до сихъ поръ рабство, что онѣ низводятъ человѣка на степень простой машины, инструмента, что онѣ готовы поставить его ниже негра, ниже животнаго.

Этому могучему вліянію буржуазнаго соціализма французскій пролетаріатъ могъ только противопоставить отдѣльныхъ теоретиковъ; вышедшіе изъ нѣдръ пролетаріата, руководимые вѣрнымъ инстинктомъ, они пытались разрѣшить противорѣчія современной цивилизаціи діалектическимъ оружіемъ германской философіи. Это были наборщики Леру и Прудонъ. Наряду съ „Новымъ Христіанствомъ" Сенъ-Симона, канонической книгой сенъ-симонистовъ было сочиненіе Лессинга „Воспитаніе человѣчества"; первоначально къ этимъ сенъ-симонистамъ принадлежалъ и Леру. Очень скоро отдѣлился онъ отъ чахнущей секты и углубился въ германскую философію; онъ понималъ и усваивалъ ее гораздо глубже, чѣмъ оффиціальная французская наука. Завершеніе германской философіи онъ видѣлъ не въ Гегелѣ или Фейербахѣ, а въ Шеллингѣ, но германскую діалектику онъ не усвоилъ въ достаточной мѣрѣ, чтобы воспользоваться ею для раскрытія истори-

ческихъ тайнъ. Леру смотрѣлъ на развитіе человѣчества, какъ на постоянный прогрессъ, какъ на непрерывное приближеніе къ равенству, какъ на все большее освобожденіе отъ узъ семейныхъ, государственныхъ, имущественныхъ. Но онъ не изслѣдовалъ того историческаго процесса, который до него и въ его время совершался въ этихъ учрежденіяхъ, а желалъ только устранить ихъ дурныя стороны, организовать хорошія. И такимъ-то образомъ онъ тоже ударился въ утопію.

Гораздо болѣе глубокимъ оказалось то сочиненіе, въ заглавіи котораго Прудонъ поставилъ вопросъ: что такое собственность? Ни самый вопросъ, ни отвѣтъ, данный Прудономъ, не были новы; уже на шестьдесятъ лѣтъ раньше Бриссо объявилъ собственность кражей. Но сочиненіе Прудона со всѣми слабыми и сильными сторонами получило значеніе перваго научнаго манифеста французскаго пролетаріата. Если буржуазные экономисты воспользовались богатствомъ, которое создано было движеніемъ частной собственности, для того, чтобы санкціонировать ее, то Прудонъ использовалъ нищету, которая создана была тѣмъ же движеніемъ частной собственности, чтобъ отвергнуть ее. Нельзя отказать въ смѣлости этой попыткѣ уничтожить оффиціально политическую экономію ея собственнымъ оружіемъ, да и предпринята она была съ вызывающею дерзостью. Но Прудонъ занялъ не менѣе рѣзкую позицію и по отношенію ко всякимъ тогдашнимъ соціалистамъ. Отъ великихъ утопистовъ онъ отличался тѣмъ, что собственность онъ уничтожилъ не въ фантазіи своей, но показалъ ея внутреннюю безсмысленность на почвѣ грубой дѣйствительности; отъ мелко-буржуазныхъ же соціалистовъ онъ отличался тѣмъ, что нападалъ не на отдѣльныя стороны частной собственности, не на фабричную систему, не на деньги, не на свободную конкурренцію, но на собственность, какъ таковую, на собственность вообще.

Прудонъ опирался на Канта, подобно тому, какъ Леру на Шеллинга. Но и Прудону точно такъ же, какъ и Леру, не удалось дойти до корня германской философіи. И онъ не разглядѣлъ естественной связности историческаго развитія, и онъ хотѣлъ видѣть буржуазное общество свободнымъ отъ тѣхъ элементовъ, которые разрушаютъ и революціонизируютъ его. Борясь и противъ коммунизма, и противъ частной собственности, онъ требовалъ замѣны ихъ владѣніемъ, при чемъ неизвѣстно, что онъ подъ этимъ понималъ. Его идеалъ справедливости для отличія добра и зла, его идеалъ справедливаго обмѣна, анархіи, отсутствія господства, личной независимости—все это онъ почерпнулъ изъ сокровищницы буржуазной мысли, все это исходило изъ основъ буржуазнаго общества. Но тѣ слабыя и неясныя мѣста, которыя содержало въ зародышѣ первое сочиненіе Прудона, могли только усилить дѣйствіе его на французскій пролетаріатъ; послѣдній еще весь проникнутъ былъ мелко-буржуазными воззрѣніями и задыхался отъ глубокой централизаціи государственной власти, организованной въ интересахъ крупнаго капитала. Что касается самого Прудона, то послѣдовательное развитіе по этому пути должно было привести его къ мелко-буржуазному соціализму.

Примирить классовую борьбу съ соціализмомъ германской философіи удалось не благодаря Прудону, но въ борьбѣ съ нимъ, и этотъ всемірно историческій подвигъ совершили германскіе умы.

Книга первая.

Современный научный коммунизмъ.

Глава первая.

Германская дѣйствительность. Феодально-цеховые пережитки.

1830 годъ, призвавшій англійскую и французскую буржуазію къ политическому господству, пробудилъ германскую буржуазію только отъ политическаго зимняго сна. Таковъ ужъ славный рокъ этого класса, что революціи его совершались достаточно величественно только въ заоблачныхъ высотахъ литературы и философіи, но никогда онъ не могъ произвести революціи здѣсь, на землѣ, грубой вооруженной рукой. Ни одинъ штурмъ на безчисленныя бастиліи деспотизма и феодализма, покрывавшія германскую землю, не окрылилъ германской буржуазіи; дорогу ей расчистилъ только мечъ французскаго завоевателя.

Такимъ то образомъ случилось, что началомъ своей соціальной самостоятельности она обязана господству, разрушившему ея національное существованіе. Она должна была бороться со своимъ освободителемъ и она могла это сдѣлать только на службѣ у своихъ притѣснителей; она помогла европейской реакціи одержать побѣду, но отъ плодовъ этой побѣды ей ничего не досталось. Германія осталась растерзанной на тридцать деспотій, и самая маленькая изъ нихъ была столь же неограниченна, какъ самая большая. Германскій

союзъ былъ насмѣшкой надъ германскимъ единствомъ: франкфуртскій сеймъ, это міровое позорище, выполнялъ только одну національную задачу: онъ былъ общимъ для всѣхъ князей полицейскимъ и былъ направленъ противъ народа.

Это ужасное разочарованіе вызвало въ германской буржуазіи еще одну попытку мужественнаго сопротивленія. Молодежь, вернувшаяся съ побѣдоносной войны, одушевленная классической литературой, подняла среди студенчества (Burschenschaft) германскихъ высшихъ школъ знамя возмущенія. Но вокругъ этого передового отряда войско не собралось, да и отряду этому не хватало яснаго классоваго самосознанія. Въ студенчествѣ перемѣшались средневѣковыя мечты объ императорѣ и имперіи со злобой якобинца, обнажившаго мстительный кинжалъ противъ князей, не сдержавшихъ слова, и противъ ихъ помощниковъ. Все это перемѣшалось и въ буршѣ Зандѣ, убившемъ въ 1819 году русскаго шпіона Коцебу. Несмотря на великодушныя побужденія, руководившія Зандомъ, это убійство не имѣло никакого политическаго смысла и доставило удовольствіе только деспотически феодальной реакціи, давно уже сидѣвшей на сторожѣ. Карлсбадскія постановленія дали просторъ той злодѣйской травлѣ демагоговъ, которая въ зародышѣ убила въ Германіи всякую политическую жизнь.

Избытокъ политической реакціи, въ которой задыхалась германская буржуазія, былъ возможенъ только вслѣдствіе недостаточнаго экономическаго развитія ея. Французское господство очистило Германію только отъ самаго грубаго феодальнаго мусора. На лѣвомъ берегу Рейна феодализмъ былъ совсѣмъ уничтоженъ. Здѣсь дворянство уже не имѣло больше никакихъ преимуществъ, феодальныя и церковныя имѣнія перешли въ крестьянскія руки, а крестьянинъ сталъ такимъ же свободнымъ землевладѣльцемъ, какъ во Франціи. Съ другой стороны, во всей остальной Германіи сохранились

значителые остатки феодальной грязи и больше всего на сѣверѣ и на востокѣ.

I. Остъ-эльбское юнкерство.

Рыцарское землевладѣніе въ томъ именно видѣ, въ какомъ оно со времени шестнадцатаго вѣка возникло въ Гольштиніи, Мекленбургѣ, а особенно въ прусскихъ провинціяхъ на востокѣ отъ Эльбы, обязано своимъ происхожденіемъ экономическому перевороту, совершившемуся въ вѣкѣ реформаціи. Изъ воителя рыцарь превратился въ товаропроизводителя. Но феодально-правовыя преимущества свои онъ захватилъ съ собой и въ новую жизнь. При помощи продажныхъ юристовъ онъ сумѣлъ сдѣлать свое средневѣковое землевладѣніе достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы согнать крестьянъ съ ихъ участковъ и присвоить себѣ ихъ общую собственность на лѣсъ, воду и пастбище; получивъ такимъ образомъ достаточно простору для веденія своего хозяйства въ крупномъ масштабѣ, онъ сталъ подкапываться подъ право владѣнія пощаженныхъ крестьянъ и уничтожать ихъ личную свободу; и крестьяне безъ сопротивленія должны были приспособляться ко все растущимъ требованіямъ помѣщика на его собственную рабочую силу и рабочую силу его семьи. Абсолютистскіе князья не противодѣйствовали этому затянувшемуся на столѣтія грабежу. Всюду, а особенно въ Пруссіи, они всегда стояли на сторонѣ помѣщиковъ противъ крестьянъ и развѣ только въ своихъ военно-политическихъ и финансово-политическихъ цѣляхъ они старались отвоевать крестьянъ у юнкерства. Такъ называемая защита ими крестьянъ ограничивалась заботой о сохраненіи крестьянскаго сословія и объ ограниченіи эксплоатаціи его настолько, чтобы послѣ феодаловъ осталось еще что-нибудь для деспотическаго грабежа и угнетенія.

Такъ называемое освобожденіе крестьянъ вовсе не устраняло феодальныхъ отношеній. Французскіе кресть-

стьяне хорошо просвѣтили помѣщичьи головы тѣмъ краснымъ пѣтухомъ, котораго они пустили на замки своихъ мучителей; когда въ знаменитую августовскую ночь 1789 года нужно было покончить съ феодальными привилегіями, то въ этомъ вопросѣ впереди остальныхъ членовъ національнаго собранія шли дворяне, германскіе же крестьяне были слишкомъ обездолены для примѣненія столь же основательнаго метода; только тамъ и сямъ, въ Восточной Пруссіи и Силезіи, они немного зашевелились. Съ другой стороны, болѣе умные изъ дворянъ выступили съ проектомъ освобожденія крестьянъ, заботясь при этомъ объ интересахъ юнкерства, а вовсе не крестьянства. Они понимали, что крестьянинъ, отбывающій барщину, плохой и ненадежный работникъ; превращая его въ свободнаго безземельнаго пролетарія, они надѣялись выжать изъ него большее количество труда. Подобно тому, какъ Мирабо, одинъ изъ вождей третьяго сословія и дворянинъ, не принялъ участія въ тѣхъ постановленіяхъ французскаго національнаго собранія, которыя покончили съ феодальными методами эксплоатаціи, такъ и Шёнъ, самый свободомыслящій изъ прусскихъ государственныхъ людей, согласенъ былъ возвратить крестьянамъ личную свободу, но никоимъ образомъ не соглашался возстановить ихъ неограниченное право собственности на ихъ участки. Закоренѣлая въ своемъ классовомъ эгоизмѣ масса юнкерства даже понять этого не могла. Только тѣ ужасные удары, которые они получили отъ крестьянскихъ дѣтей французскаго войска вбили имъ въ голову немного политико-экономической логики.

Ползать передъ французскими деспотами германскимъ князьямъ и юнкерамъ было не привыкать стать, это считалось даже за честь. И передъ Наполеономъ они тоже достаточно ползали. Но наряду съ тѣмъ они ненавидѣли въ немъ плебея и душеприказчика буржуазной революціи; ненависть эта проявлялась

тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже погрязли отдѣльныя части Германіи въ феодализмѣ. Однако свободныхъ крестьянъ нельзя было побить при помощи закрѣпощенныхъ. И прусское освобожденіе крестьянъ ограничилось тѣмъ, что сдѣлало ихъ пригодными для современнаго веденія войны, во всемъ же остальномъ постаралось спасти отъ феодализма все, что еще можно было. Дали крестьянамъ личную свободу и соблазняли ихъ разными обѣщаніями относительно порядка ихъ владѣнія землей до тѣхъ поръ, пока непріятель не былъ изгнанъ изъ страны. А затѣмъ крестьянъ надули еще хуже, чѣмъ буржуазію.

Главная масса мелкихъ крестьянъ, т. е. тѣхъ, у которыхъ не было собственной упряжки. вслѣдствіе освобожденія попала изъ огня да въ полымя. Права владѣнія за ними не были укрѣплены; отъ феодальныхъ платежей, службы и барщины они тоже не освободились. Если ихъ личная свобода чему-нибудь и давала просторъ, то только притязаніямъ юнкерства. Теперь пали и тѣ предѣлы эксплоатаціи крестьянъ, которые пыталась положить королевская власть восемнадцатаго вѣка. Съ не имѣвшимъ упряжки крестьяниномъ юнкеръ дѣлалъ все, что онъ хотѣлъ. Онъ могъ захватить его постройки въ возмѣщеніе какихъ-нибудь существующихъ у него правъ владѣнія, могъ ихъ выкупить, просто отказать ему въ его участкѣ или пользоваться его невѣжествомъ, чтобы побудить его отказаться отъ „возможныхъ“ его правъ. Словомъ, за какіе-нибудь гроши, или, если и это казалось ему слишкомъ высокой цѣной, то просто насильемъ, ложью и обманомъ онъ низводилъ крестьянина до степени обездоленнаго пролетарія, и тогда этотъ крестьянинъ былъ свободенъ отъ всякихъ правъ по отношенію къ юнкеру, а юнкеръ былъ свободенъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ крестьянину. По отношенію же къ одной части этого пролетаріата безправіе было установлено въ законномъ порядкѣ актомъ 1810 года о

дворовой прислугѣ. Такъ-то отблагодарили крестьянъ за Гросбеернъ, Данневитцъ, Лейпцигъ и всѣ другія безчисленныя битвы наполеоновской войны. Еще въ 1848 году юнкеръ Бисмаркъ публично прославлялъ, какъ идеалъ, тотъ фактъ, что поденщики въ его имѣніи Книпгофъ получали скудныя харчи и жалованье: лѣтомъ мужчина четыре зильбергрошена, а женщина три, зимою на одинъ зильбергрошенъ меньше въ день, при чемъ, кромѣ того, они еще обязаны были ежегодно 156 мужскими и 26 женскими безплатными днями земляныхъ работъ.

Создавъ себѣ пролетаріатъ, необходимый для крупнаго сельскаго хозяйства и беззащитный передъ ужаснѣйшей эксплоатаціей, юнкера принялись за грабежъ зажиточныхъ крестьянъ въ другой формѣ. Эти крестьяне были раздѣлены на крестьянъ съ сомнительными правами на владѣніе, вѣрнѣе съ правами, ставшими спорными вслѣдствіе юнкерскихъ захватовъ въ теченіе столѣтій, и на крестьянъ съ неоспоримыми правами на владѣніе. Отношенія къ крестьянамъ, имѣвшимъ собственную упряжку, но оспариваемыя права владѣнія, были „регулированы"; они должны были обезпечить себѣ неограниченное право собственности на свой участокъ и свободу его отъ всякихъ феодальныхъ тяготъ уступкой юнкерству трети или половины своей пашни, смотря по большей или меньшей оспариваемости ихъ правъ на владѣніе. Кромѣ того, при помощи разныхъ вѣроломныхъ законодательныхъ опредѣленій большая часть этихъ крестьянъ была устранена отъ этого регулированія и, подобно своимъ товарищамъ, не имѣвшимъ собственной упряжки, оставлена на произволъ юнкерства. Тѣ крестьяне, которые имѣли собственную упряжку и неоспоримыя права, были „освобождены" отъ сервитутовъ; они должны были дать оцѣнить въ деньгахъ или рожью свои феодальныя тяготы и откупиться отъ нихъ, внеся ихъ въ двадцатипятикратномъ размѣрѣ.

Такимъ то образомъ въ провинціяхъ: Бранденбургъ, Померанія, Силезія, Пруссія и Познань путемъ регулированія за время съ 1815 до 1848 года появилось больше 70.582 наслѣдственныхъ собственниковъ; изъ нихъ болѣе 20.000 приходилось на одну провинцію Познань, гдѣ правительство было строже къ мѣстному польскому дворянству. Кромѣ того, 289.652 крестьянина, имѣвшихъ собственную упряжку, откупились отъ феодальныхъ тяготъ. Но при регулированіи и даже при освобожденіи правительственные чиновники, работавшіе всюду на пользу юнкерамъ, вредили крестьянамъ еще больше, чѣмъ эта неблагопріятная для нихъ „реформа" давала тому возможность. Освобожденіе въ общемъ стоило крестьянамъ 1.533.050 морговъ земли, капитальной уплаты 18.544.768 талеровъ, затѣмъ еще ежегодной ренты 1.599.992 талера и 260.069 шеффелей хлѣба.

Прусское освобожденіе крестьянъ вышло кровавой сатирой на то, что французскіе крестьяне получили изъ своей революціи. По ту сторону Рейна абсолютизмъ и феодализмъ были низвергнуты, и ихъ призрачное возвращеніе послѣ Ветерлоо показало только, что дни ихъ уже сочтены навсегда. По сю же сторону Рейна они росли себѣ тѣмъ привольнѣе, что эксплоатація массъ позволяла имъ вести капиталистическое хозяйство въ государственныхъ и юнкерскихъ имѣніяхъ. Крупное сельское хозяйство имѣло теперь самый настоящій пролетаріатъ, послѣднюю каплю пота котораго оно умѣла превращать въ деньги; а громадныя суммы денегъ и земли, которыя причитались съ крестьянъ послѣ четырехсотъ лѣтъ юнкерскаго грабежа и которыя были уплачены ими, дали средства для основанія сельскохозяйственныхъ промысловъ, прежде всего винокуренныхъ заводовъ; и съ этого времени Германія стала заливать весь міръ прусской сивухой. Прусскіе винокуренные заводчики отравляли массы съ такимъ успѣхомъ, который уступаетъ только успѣху

англо-индійской компаніи, отравлявшей Китай опіумомъ. Спиртоочистительными заводами остъ-эльбское юнкерство могло гордиться не меньше, чѣмъ своей арміей и происхожденіемъ. Но, создавая себѣ новые источники силы въ самыхъ современныхъ видахъ промышленности, какъ, напр., въ свеклосахарной, прусскіе юнкера все-таки цѣпко держались за всѣ свои правопреимущества, какъ то: сельская полиція, родовой судъ, церковное попечительство, право охоты и т. д.

Это былъ удивительно исковерканный міръ, и онъ дѣйствительно могъ выглядѣть, какъ описывалъ рейнскій поэтъ: какъ ребенокъ съ большой тыквой вмѣсто головы, со свѣтло-русыми усами, сѣдой косой, тонкими, какъ паутина, но крѣпкими руками, съ гигантскимъ желудкомъ, но короткими кишками. Германская буржуазія и думать не могла о политическомъ господствѣ, пока она не справилась съ упорнымъ, упрямымъ, въ теченіе столѣтій привыкшимъ къ господству юнкерствомъ; и тѣмъ менѣе могла она объ этомъ думать, что это юнкерство сдѣлало себѣ изъ арміи и бюрократіи оружіе, всегда готовое къ бою.

2. Городское ремесло.

Въ Пруссіи сельское населеніе составляло три четверти всего населенія, въ Германскомъ союзѣ—больше двухъ третей. Въ городахъ первую роль играло цеховое ремесло, хотя оно и сильно опустилось. Въ 1830 году оно находилось въ томъ же состояніи, какъ въ 1800. Во вторую половину этого періода оно съ грѣхомъ пополамъ залѣчило раны, которыя ему нанесены были въ первую половину продолжительнымъ военнымъ временемъ. А во всемъ прочемъ на немъ незамѣтно было какихъ-нибудь слѣдовъ прогрессивнаго развитія. Ремесленники работали прапрадѣдовскими способами на мѣстное потребленіе и какъ удастся; ограниченные и эгоистичные, противники всякаго техническаго прогресса, они влачили растительное

существованіе въ душной тѣснотѣ мелкаго городка. Отдѣльныя ремесленныя мастерскія отличались миніатюрностью своихъ размѣровъ; было почти въ два раза больше мастеровъ, чѣмъ подмастерьевъ. Каждый подмастерій надѣялся сдѣлаться мастеромъ, а гдѣ была свобода ремеслъ, тамъ онъ могъ поселиться, когда угодно; въ ремеслѣ соціальный антагонизмъ еще не обострился.

Однако подмастерья не представляли собой такой печальной картины, какъ мастера. Старые союзы подмастерьевъ со времени тридцатилѣтней войны распались, а чахлые остатки ихъ были насильственно растоптаны княжескою властью въ интересахъ растущаго капитализма. Прусская монархія шла впереди этого движенія. По ея побужденію былъ изданъ имперскій законъ 1731 года, сломившій послѣднее сопротивленіе столь отважнаго и упорнаго союза подмастерьевъ; прусскій ремесленный уставъ 1733 назначилъ за преступленія противъ имперскихъ законодательныхъ постановленій самыя суровыя наказанія: тюремное заключеніе, смирительный домъ и смерть для рецидивистовъ. Само собой понятно, что къ тому же времени относится строжайшій запретъ коалиціи и для сельскаго населенія. Но какъ разъ это жестокое законодательство поддерживало въ средѣ подмастерьевъ какое-то глухое классовое самосознаніе, недовольный безпокойный духъ, который постоянно жилъ и не ослабѣвалъ, благодаря особому цеховому учрежденію, принудительному странствованію. Ремесленные подмастерья въ Швейцаріи, Англіи и Франціи познакомились съ такими прогрессивными порядками, отъ которыхъ домашніе отличались достаточно рѣзко; многіе изъ нихъ оставались навсегда за границей, другіе же возвращались на родину съ болѣе свободными воззрѣніями.

Жалкому состоянію германскаго ремесла соотвѣтствовала и расшатанная организація его. Капиталистическая политика просвѣщеннаго деспотизма уже въ восемнадцатомъ вѣкѣ наложила руку свою на

цеховое устройство, пробила въ немъ брешь и расшатала его; затѣмъ надъ нимъ прошумѣли бури наполеоновскаго вѣка, но основательно онѣ смели цехи только тамъ, гдѣ покончили и съ феодализмомъ: въ Рейнской Пруссіи, Рейнской Баваріи, Рейнскомъ Гессенѣ. Во всей же южной Германіи царили цехи, даже въ Саксонскомъ королевствѣ, которое достигло уже сравнительно высокой степени промышленнаго развитія. Въ старо-прусскихъ провинціяхъ на бумагѣ значилась свобода ремеслъ, но прусское ремесло не получило изъ-за этого новаго импульса къ развитію. Въ теченіе четырехсотъ лѣтъ остъэльбскіе города такъ часто обирались князьями и юнкерствомъ, что живой гражданскій духъ исчезъ въ нихъ.

Правда, городовое положеніе 1808 года представляло для своего времени нѣкоторый прогрессъ. Оно въ нѣкоторой степени высвободило города изъ военно-бюрократическихъ ежовыхъ рукавицъ, возвратило имъ право распоряженія своими финансами, дѣломъ призрѣнія бѣдныхъ, школьнымъ дѣломъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже полиціей. Но, подобно всему прусскому реформирующему законодательству, послѣдовавшему послѣ Іены, это было уступкой, сдѣланной въ крайней нуждѣ, и послѣ Ватерлоо оно было пересмотрѣно не въ прогрессивномъ, а въ ретроградномъ духѣ. Бѣднѣйшіе слои населенія по возможности были лишены гражданскихъ правъ, а городскія власти были отданы подъ придирчивый надзоръ государственной бюрократіи. Затѣмъ несчастное раздѣленіе городскихъ жителей на горожанъ и посадскихъ имѣло своимъ не правовымъ, но фактическимъ послѣдствіемъ то, что представители образованныхъ классовъ сперва позволили сдѣлать себя горожанами при покупкѣ дома, а потомъ уже и должны были становиться ими. Масса городскихъ гражданъ состояла изъ ремесленныхъ мастеровъ и домовладѣльцевъ, ставшихъ великими въ своемъ ограниченномъ мѣщанствѣ. Воспитанные на грабительской практикѣ цеховъ, они въ

новой городской свободѣ видѣли пріятное возмѣщеніе того, что взяла у нихъ промышленная свобода. Съ удивительнымъ душевнымъ спокойствіемъ расточали они городскія земельныя имущества, опустошали городскіе лѣса, поддвигали для захвата границы своихъ огородовъ, такъ что пограничные валы и рвы исчезали, а иногда даже дѣлились между собой городской ратушей. Кто былъ лучшимъ игрокомъ въ Schützenhaus'ѣ, тотъ былъ героемъ для этихъ бюргеровъ.

Южно-германская мелкая буржуазія оказалась нѣсколько подвижнѣе, хотя здѣсь, на правомъ берегу Рейна, ремесло лежало еще въ цеховыхъ оковахъ. Среднія государства по ту сторону Майна были составлены Наполеономъ изъ сотни раньше самостоятельно входившихъ въ Имперію обрывковъ, и князья этихъ государствъ оставались, пока могли, вѣрными французскому защитнику, подъ страхомъ немедленной гибели. Теперь же они старались на конституціонной формѣ правленія надежнѣе укрѣпить свои наскоро сколоченные и еще очень шаткіе троны. Конечно, и конституціонализмъ этотъ вышелъ соотвѣтственный: онъ не имѣлъ за собой ничего, кромѣ громкихъ фразъ. Онъ представлялъ собой нѣчто вродѣ дойной коровы: въ своихъ сеймахъ (ландтагахъ) южно-германскіе князья желали создать противовѣсъ австрійско-прусскому вліянію въ союзномъ сеймѣ, съ другой стороны, они съ увѣренностью могли разсчитывать на союзный сеймъ въ томъ случаѣ, если бы ихъ мѣстные сеймы оказались вдругъ недостаточно покладистыми. Южногерманскій конституціонализмъ не могъ высадить изъ петель военно феодальную Германію, да при-томъ же этотъ зеленый виноградъ и не привлекалъ его.

Политическій идеалъ мелкаго буржуа, занимавшаго господствующее положеніе въ Баденѣ, Пфальцѣ, Вюртембергѣ, былъ опредѣленъ его экономическимъ положеніемъ. По временамъ онъ даже могъ желать республики, въ видѣ блаженной Аркадіи, крестьянско-

буржуазной республики небольшихъ размѣровъ безъ крупныхъ антагонизмовъ историческаго и общественнаго происхожденія, безъ чрезмѣрнаго богатства и чрезмѣрной бѣдности — все въ среднемъ состояніи, среднемъ размѣрѣ. Ему не надо князей, цивильныхъ листовъ, дворянства, регулярнаго войска и даже, если возможно, налоговъ, но ему не хотѣлось также принимать активнаго участія въ историческомъ процессѣ, не хотѣлось ни внѣшней политики, ни крупной промышленности, ни міровой торговли. И если бы было возможно, чтобы Германія распалась на большое число такихъ мелкихъ республикъ, то она основательнѣе, чѣмъ когда либо прежде, исчезла бы изъ числа великихъ народовъ.

Глава вторая.

Германская дѣйствительность. Капиталистическіе зачатки.

Несмотря на преобладаніе ремесла, въ Германіи не было недостатка въ различныхъ зачаткахъ капиталистическаго способа производства.

Несмотря на всеобщее обѣднѣніе, въ старинныхъ торговыхъ и морскихъ городахъ все-таки сохранились болѣе или менѣе значительные остатки капитала. Затѣмъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ сильными рычагами капиталистическаго способа производства стали ненасытная потребность деспотизма въ деньгахъ для двора и войска, возрастающее податное бремя, растущіе государственные долги, экономическая система монополій, привилегій и протекціонизма. Отчасти капиталъ промышленниковъ получался непосредственно изъ государственнаго казначейства; расцвѣтъ саксонской мануфактуры Мирабо относилъ прямо на счетъ 180 милліоновъ талеровъ государственнаго долга. Меркантилистская политика Гогенцоллерновъ тоже об-

щеизвѣстна. Изъ кровныхъ денегъ ремесленника и крестьянина набирались прусскія подати, акцизы, контрибуція; львиная доля этой суммы поглощалась арміей и юнкерствомъ, но кой-какая круглая сумма попадала и въ карманъ капиталистовъ, которые тогда съ восторгомъ поддерживали принципъ „государственной поддержки". Пролетаризація крестьянства снабжала молодой капиталъ все новыми рабочими массами для превращенія мускуловъ и нервовъ ихъ въ прибавочную цѣнность, а драконовская борьба съ „синимъ понедѣльникомъ" [1], сильное сокращеніе числа церковныхъ праздниковъ только ускоряли ходъ капиталистическаго насоса. Маленькіе деспоты выручали несмѣтные милліоны отъ массовой продажи дѣтей своей страны воюющимъ иностраннымъ державамъ. И въ Германіи первоначальное накопленіе совершилось не иначе, чѣмъ всюду:—цѣной крови, нищеты и позора.

И все-таки германскій капитализмъ всегда оставался позади французскаго, а особенно англійскаго капитализма. Ему оставалось только подставить ножку въ видѣ голодной заработной платы и торговыхъ уловокъ побѣдоносной конкурренціи западныхъ сосѣдей на міровомъ рынкѣ. Широкимъ фундаментомъ для этого капитализма была домашняя промышленность, которой далеко уступали и мануфактура, основанная на ручной работѣ, а въ особенности механическая фабрика.

Домашняя промышленность есть стариннѣйшая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе отсталая форма капиталистическаго способа производства. При своемъ зарожденіи она часто кажется благодѣтельницей для бѣднаго крестьянина и ремесленника; она убаюкиваетъ свои жертвы въ пріятный летаргическій духовный сонъ, чтобъ потомъ разбудить ихъ выродившимися духовно и тѣлесно. Какъ только мануфактурная или

---

[1] Такъ называются въ Германіи прогулы рабочихъ по понедѣльникамъ.

механическая мастерская сравняется съ домашней промышленностью, послѣдняя можетъ поддерживать свое существованіе только лихорадочнымъ напряженіемъ рабочихъ силъ. Разъединенность рабочихъ домашней промышленности парализуетъ ихъ силу сопротивленія капиталу, а непрерывное пониженіе вознагражденія заставляетъ ихъ удлинять рабочій день до предѣловъ физической возможности, запречь жену и дѣтей въ то же ярмо, обречь себя и ихъ быстрому истощенію и преждевременной смерти; и вліяетъ здѣсь не только чрезмѣрная работа, но и недостатокъ свѣта, воздуха, вентиляціи въ тѣсной квартирѣ, соединеніе жилища и мастерской въ одной комнатѣ, а часто и само вредное для здоровія занятіе. Сюда присоединяется еще нерегулярность въ трудѣ, кулаки и ростовщики, паразиты-посредники и сотни другихъ ненормальныхъ условій. Эти безнадежнѣйшіе пролетаріи, работники домашней промышленности, вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе далеки отъ пролетарскаго классоваго сознанія. Они гордятся своей призрачной самостоятельностью, между тѣмъ какъ ихъ ничтожное имущество, какъ свинцовая тяжесть, тянетъ ихъ въ пропасть. Самый характеръ ихъ промысла выбрасываетъ ихъ въ разрушающій механизмъ міровогo рынка тѣмъ болѣе беззащитными, чѣмъ крѣпче онъ привязываетъ его, какъ крестьянина, къ пашнѣ, какъ ремесленника—къ инструменту.

Германская домашняя промышленность возникла главнымъ образомъ двумя путями. Частью капиталъ сталъ вить себѣ гнѣздо въ трещинахъ цеха, сорвалъ эту гнилую постройку, такъ что отдѣльные ремесленники превратились въ капиталистовъ-оптовиковъ, а большинство стало наемными работниками домашней же промышленности. И здѣсь не обошлось безъ дружескаго содѣйствія государственной власти. Прусское гражданское право подчинило всѣ цеховыя учрежденія волѣ властителя страны, только король могъ учре-

ждать новые цехи, старые же онъ могъ уничтожать и возстановлять, какъ ему будетъ угодно. Но главнымъ образомъ капиталъ устремился въ деревню, гдѣ онъ былъ свободенъ отъ какихъ бы то ни было все таки стѣсняющихъ цеховыхъ рамокъ: здѣсь онъ набросился на крѣпостного, котораго уже юнкеръ успѣлъ сдѣлать беззащитнымъ, на мелкаго крестьянина, сидѣвшаго еще на своемъ незначительномъ участкѣ; въ мало плодородныхъ областяхъ съ сильно раздробленнымъ землевладѣніемъ, этотъ крестьянинъ не могъ уже существовать однимъ земледѣліемъ; онъ давно уже искалъ себѣ побочнаго занятія въ пряденіи и въ тканьѣ, въ вырѣзываніи болѣе или менѣе художественной домашней утвари.

Замѣчательно то, что капитализмъ наводнилъ бѣдствіями домашней промышленности вершины и скаты германскихъ горъ, Совиныхъ и Исполинскихъ, Рудныхъ и Сосновыхъ, Тюрингенскаго лѣса и Рёна, Таунуса, Шварцвальда и Баварскихъ Альпъ. Но не отказывался онъ и отъ тѣхъ жертвъ, которыя ему давала равнина; широкія области въ нижнемъ теченіи Рейна и въ Вестфаліи были старинными центрами домашней промышленности.

1. Силезская и саксонская домашняя промышленность.

Въ восточной Германіи провинція Силезія и королевство Саксонія явились центральными пунктами капиталистическаго способа производства. Даже во времена глубочайшаго упадка выдѣлка полотна оставалась вывозящей отраслью промышленности, и къ центрамъ ея съ половины семнадцатаго вѣка относилась также и Силезія. Тогда оживленный спросъ со стороны англійскихъ и голландскихъ торговцевъ далъ сильный толчекъ силезской льняной промышленности; въ началѣ восемнадцатаго вѣка полотно производилось на продажу въ двухстахъ восьмидесяти семи силез-

скихъ мѣстечкахъ. Это была почти исключительно сельская домашняя промышленность, которой занимались въ деревняхъ съ тощей землей и которая покоилась на феодальной основѣ.

Въ извѣстныхъ отношеніяхъ Силезія представляла собою классическую страну остъ-эльбскаго феодализма. Когда Шёнъ въ 1797 году путешествовалъ по этой провинціи, онъ былъ возмущенъ тамошними „ужасными" порядками. Онъ говорилъ, что самый воздухъ здѣсь крѣпостническій и что внѣ городовъ здѣсь можно встрѣтить только рабовъ и господъ; а то, что здѣсь бунтъ не слѣдовалъ за бунтомъ, объясняется только остатками патріархальныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, при чемъ послѣдніе безсознательно легче переносили то, что, собственно говоря, было невыносимо; кромѣ того, это объясняется еще духовнымъ и тѣлеснымъ вырожденіемъ силезцевъ подъ вліяніемъ крѣпостничества, рабства, наслѣдственнаго подданства, подъ вліяніемъ, наконецъ, прядильнаго и ткацкаго промысла. Дѣйствительно, организація силезской льняной промышленности имѣла въ своей основѣ помѣстное владѣніе. Въ то время, какъ въ другихъ старо-прусскихъ провинціяхъ ремесло было изгнано изъ деревни или почти было изгнано, въ Силезіи еще съ австрійскихъ временъ сохранились ремесленники и въ деревняхъ, при чемъ помѣщики были единственными собственниками всѣхъ промысловыхъ правъ. Правда, при завоеваніи Силезіи король Фридрихъ воспретилъ имъ взыманіе промысловыхъ и ремесленныхъ пошлинъ, но, какъ это случалось часто, и въ этомъ случаѣ воля просвѣщеннаго деспота разбилась о рѣшительное противодѣйствіе феодальныхъ юнкеровъ.

И вотъ всѣ ткачи, свободные и несвободные, должны были платить помѣщику ткацкую пошлину. Свободныхъ было чуть замѣтное меньшинство; громадное большинство ткачей было подвластно помѣщику и

наряду съ ткацкой пошлиной должно было платить феодальныя подати, нести феодальную службу. Но, продавая своимъ подданнымъ право заниматься ткачествомъ, какъ промысломъ, феодалы вовсе и не думали о томъ, что на нихъ можетъ лежать долгъ заботиться о сбытѣ продуктовъ ткацкаго производства. Напротивъ того, ту пряжу, которую они въ большихъ количествахъ получали въ видѣ натуральнаго оброка отъ подвластныхъ прядильщиковъ, они сбывали ткачамъ черезъ торговцевъ; облагаемые ими ткачи стали для нихъ обезпеченнымъ рынкомъ для сбыта излишней пряжи. Если же ткачи гдѣ-нибудь оставались съ избыткомъ полотна, то это было ихъ дѣло и помѣщика вовсе не касалось. Крестьяне должны были сбывать свой товаръ за всякую рыночную цѣну или за ту цѣну, которую полотняному торговцу заблагоразсудится выдать за рыночную. Давно уже вошедшая въ поговорку нищета силезскихъ ткачей становится теперь для насъ вполнѣ понятной: феодализмъ и капитализмъ одновременно соревновали въ обирательствѣ его.

Несмотря или, можетъ быть, благодаря нищетѣ ткачей, силезская льно-ткацкая промышленность процвѣтала до середины восемнадцатаго вѣка, а затѣмъ она была побита начавшейся британско-ирландской конкурренціей. Ирландскій и шотландскій прядильщикъ, навѣрно, тоже не почивалъ на розахъ, но самая жалкая плата и та оказалась лучшимъ стимуломъ для прилежной и энергичной работы, для техническихъ усовершенствованій въ прядильномъ дѣлѣ, чѣмъ феодальное принужденіе даромъ поставлять отмѣренныя и не отмѣренныя количества пряжи. Въ Силезіи ручное веретено даже не было замѣнено самопрялкой, и силезская пряжа пріобрѣла себѣ дурную, но справедливо заслуженную репутацію. Еще рѣшительнѣе было вліяніе помѣстнаго господства на способность силезскихъ ткачей къ конкурренціи. По англійскому парла-

ментскому отчету 1773 года шотландскій ткачъ зарабатывалъ въ день 10 пенсовъ, ирландскій 8, силезскій отъ 2 до 6. При этомъ ирландскіе и шотландскіе ткачи не должны были платить какому-нибудь помѣщику ткацкія пошлины или феодальныя подати или нести личную службу. Если при благопріятной конъюнктурѣ ихъ плата поднималась такъ высоко, что они могли отложить про запасъ пару грошей, то при неблагопріятной конъюнктурѣ они могли переселиться въ Америку. Силезскій же ткачъ могъ оставить область своего помѣщика только за денежный выкупъ, который всегда былъ выше его средствъ. Такимъ-то путемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Шёнъ, прядильный и ткацкій промыселъ оказался крайне вреднымъ для духовнаго и физическаго развитія силезскаго сельскаго населенія. А такъ какъ вмѣстѣ съ работникомъ страдала и работа, то силезская льно-ткацкая промышленность, несмотря на всѣ увертки нечистой конкурренціи, должна была уступить англійской.

Меркантилистская политика короля Фридриха по самой своей внутренней природѣ не могла устранить этихъ отношеній. Онъ могъ издавать сколько ему угодно было регламентовъ и статутовъ, которые назначали надсмотрщиковъ, устраняли плохую работу, грозили ткачамъ тачкой, батогами, кандалами, смирительнымъ домомъ за плохую работу, все это ничуть не помогало, пока прядильщики и ткачи оставались подвластны помѣщику, пока не были уничтожены корни зла. При существовавшихъ же условіяхъ и, привлекая въ страну все новыхъ ткачей, Фридрихъ только ухудшалъ бѣдственное положеніе ткачей; между тѣмъ онъ не переставалъ заниматься этимъ дѣломъ и даже дошелъ до насильственнаго похищенія людей изъ менѣе сильныхъ государствъ. Вообще его мѣропріятія къ поднятію силезской льно-ткацкой промышленности составляютъ одну изъ удивительнѣйшихъ главъ его ретроградной экономической политики.

Несмотря на все тупоуміе силезскихъ ткачей, французская революція нашла себѣ и здѣсь далекій откликъ. Въ 1792 году среди нихъ начались бунты. Перекинувъ мѣшокъ черезъ лѣвое плечо, потянулись они изъ горъ на городскіе рынки и насиліемъ принудили торговцевъ пряжей дешево продавать ее, а торговцевъ полотномъ—покупать за дорогую цѣну. Это движеніе нашло себѣ поддержку въ крестьянскихъ безпорядкахъ и въ возмущеніи бреславльскихъ ремесленныхъ подмастерьевъ. Такъ какъ прусское войско совершало теперь какъ разъ свой трагикомическій крестовый походъ противъ революціонной Франціи и Силезія почти не имѣла войскъ, то испуганное правительство колебалось между варварскими средствами усмиренія и безсильными паліативами. Купцы усмирили возстаніе болѣе вѣрными средствами, чѣмъ милость и шпицрутены: они не являлись на рынокъ, пока голодъ не укротилъ ткачей.

Работники въ силезской домашней промышленности одинаково обирались и феодализмомъ, и капитализмомъ, а прусская соціальная реформа сохранила свою благородную гармонію, одинаково надувъ ихъ какъ съ крестьянскимъ, такъ и съ промышленнымъ освобожденіемъ. Превратное представленіе о свободѣ, которой съ десятаго ноября 1810 года хотѣлъ пользоваться крестьянинъ, было во многихъ мѣстахъ Силезіи искоренено строгими мѣрами, а королевскій указъ поучалъ возлюбленныхъ подданныхъ, что съ наслѣдственнымъ подданствомъ помѣщику вовсе не уничтожаются обязательная дворовая и барщинная работа, денежные и натуральные платежи, плата за землю, сборъ овсомъ за собакъ, курами, гусями, яйцами, метлами, караульной службой, серебромъ и т. п. На тотъ же манеръ правительство иллюстрировало и новую промышленную свободу; подъ давленіемъ юнкерства Гарденбергъ заявилъ, что эта свобода вовсе не уничтожила ткацкую пошлину и что юридически она и

далѣе продолжаетъ существовать; между тѣмъ еще фридриховская политика, если и не могла фактически отмѣнить эту пошлину, то оспаривала ее въ самой основѣ. Нищета работниковъ въ силезской льно-ткацкой промышленности не была облегчена, а англійская конкурренція угрожала уже новымъ и сильнымъ ударомъ; теперь она вела на борьбу не свободнаго работника противъ порабощеннаго, но машину противъ голой человѣческой руки. Наступили времена, когда даже по выраженію правительственнаго корреспондента силезскіе ткачи оказались „самыми нищими, пожалуй, изъ всѣхъ жителей Европы“.

Въ саксонскомъ королевствѣ зачатки капитализма относятся къ вѣку реформаціи. Древнѣйшимъ объектомъ его было горное дѣло; „горное счастье“ давно уже стало проклятіемъ для рудокоповъ, извлекавшихъ его на свѣтъ; уже къ пятнадцатому вѣку относятся сообщенія о случаяхъ насильственнаго подавленія борьбы за заработную плату, о безчисленныхъ постановленіяхъ противъ системы расплаты натурой. Съ открытіемъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ въ Америкѣ добыча благородныхъ металловъ въ Саксоніи упала, но, благодаря стариннымъ торговымъ и посредническимъ связямъ, географическому положенію страны, богатству ея почвы минеральными сокровищами, свинцомъ, оловомъ, углемъ, странѣ не пришлось испытать продолжительнаго экономическаго упадка. Лейпцигскія ярмарки стали для восточной Европы крупными рынками сперва французскихъ, а потомъ и англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ, и различныя отрасли текстильной промышленности достигли тамъ высокаго расцвѣта. Саксонскія сукна, лаузицкія полотна, фогтландскій муслинъ, хемницкіе хлопчатобумажные товары, кружева изъ Рудныхъ горъ шли въ отдаленнѣйшія страны. Континентальная система дала саксонской промышленности новый толчекъ къ развитію. Хемницъ началъ превращаться въ саксонскій

Манчестеръ: на одной ситцевой фабрикѣ работало 1200 человѣкъ, на одной ситцепечатной и бумагопрядильной свыше 3000 рабочихъ. Маленькія прядильныя машины для хлопчатой бумаги были уже здѣсь введены въ употребленіе съ конца восемнадцатаго вѣка, однако до середины девятнадцатаго вѣка здѣсь не было ни одного механическаго ткацкаго станка. Перевѣсъ былъ на сторонѣ домашней промышленности; получаемая въ ней „голодная" заработная плата пользовалась широкою и печальною извѣстностью. Домашніе работники Рудныхъ горъ питались исключительно картофелемъ и цикорнымъ настоемъ; уже въ 1780 году одинъ изъ врачей Фогтланда опубликовалъ работу о своеобразныхъ болѣзняхъ, которыя начали появляться и распространяться вмѣстѣ съ ростомъ домашняго производства.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ Саксонія была экономически, а соотвѣтственно съ этимъ и духовно, самой передовой областью Германіи. „Саксонцы проложили дорогу германской культурѣ, саксонцы—наиболѣе просвѣщенная и свѣдущая вѣтвь германскаго народа" писалъ Шёнъ при своемъ посѣщеніи этой страны. Въ Саксоніи процвѣтали лучшія школы и оттуда вышла классическая германская литература. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ политическимъ строемъ ея. Правда, на такой экономической основѣ она не могла построить военнаго государства по прусскому образцу; въ Дрезденѣ были лучше знакомы съ экономической наукой того времени, чѣмъ въ Берлинѣ; саксонская регентша Марія Антонія даже безуспѣшно пыталась совратить стараго Фритца изъ его вѣры въ отжившій меркантилизмъ. Лейпцигъ былъ почти свободнымъ городомъ, да и вообще саксонскіе города пользовались извѣстною независимостью. Пусть эта независимость шла первоначально на пользу только кучки патриціевъ, но въ недовольномъ броженіи плебейскихъ массъ все-таки имѣлся тотъ прогрессивный

элементъ, который совершенно отсутствовалъ въ прусскихъ городахъ, забитыхъ капральской палкой.

Тѣмъ не менѣе ни феодализмъ въ деревнѣ, ни цехи въ городахъ не были окончательно уничтожены, а истлѣвшія формы сословной монархіи сохранились еще и въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Въ качествѣ добровольнаго союзника Наполеона, не выступая врагомъ его подобно Пруссіи и не являясь его созданіемъ подобно остальнымъ государствамъ Рейнскаго Союза, Саксонія уберегла свой соціальный строй отъ благодѣтельныхъ и оживляющихъ послѣдствій французскаго завоеванія; затѣмъ, когда впослѣдствіи, и безъ того на смерть обезсиленная походомъ 1813 года, она на вѣнскомъ конгрессѣ была растерзана за вѣрность своему „великому союзнику", то забрала съ собой и въ дальнѣйшій путь свою старую соціально-политическую рухлядь.

2. Рейнско-вестфальская крупная промышленность.

Такимъ образомъ промышленные центры восточной Германіи болѣе или менѣе погрязли въ феодальной тинѣ. Зато промышленный центръ западной Германіи достигъ почти высоты современнаго буржуазнаго общества. Промышленность Рейнской Пруссіи была болѣе развита и разнообразна, чѣмъ силезская и даже саксонская; она шла впереди послѣднихъ странъ еще и въ томъ отношеніи, что съ 1795 года жила подъ вліяніемъ буржуазно-освободительнаго законодательства французской революціи; во всей Германіи съ ней раздѣляли это преимущество только Рейнская Баварія и Рейнскій Гессенъ. Старая естественно возникшая промышленность, давно уже почерпавшая благодѣтельныя средства для своего развитія въ лучшемъ водномъ пути Германіи, въ близости моря, въ минеральныхъ сокровищахъ земли, пышно расцвѣла подъ французскимъ господствомъ. Въ административныхъ

округахъ: Ахенѣ, Кёльнѣ, Дюссельдорфѣ были представлены всѣ почти виды промышленности: хлопчатобумажная, шерстяная, шелковая съ зависящими отъ нихъ бѣлильными, печатными и красильными заведеніями, чугунно-литейное дѣло и машиностроительное, горное дѣло, оружейное и другіе виды металлургической промышленности. Эта промышленность давала занятіе населенію небывалой въ остальной Германіи плотности.

Къ Рейнской провинціи непосредственно примыкалъ, снабжая ее частью сырыхъ продуктовъ и составляя съ ней въ промышленномъ отношеніи одно цѣлое, пограничный желѣзный и угольный округъ. Во взаимодѣйствіи съ промышленностью процвѣтала для германскихъ условій весьма значительная ввозная и вывозная торговля со всѣми странами свѣта, существовали весьма развитыя прямыя сношенія со всѣми большими складочными пунктами на міровомъ рынкѣ Расцвѣту торговли и промышленности благопріятствовало накопленіе капитала: старыя сословія въ городахъ распадались, а выдѣлившіеся атомы снова скучивались во все болѣе рѣзко расходящіеся классы буржуазіи и пролетаріата. Въ деревнѣ процвѣтала свобода земельной собственности: преобладалъ мелкій крестьянинъ, освободившійся отъ феодальныхъ тяготъ, но все болѣе попадавшій въ долговую зависимость отъ капитала. Буржуазія господствовала надъ нимъ при помощи ипотеки, подобно тому, какъ надъ пролетаріатомъ она господствовала при помощи заработной платы, а надъ мелкимъ буржуа—при помощи конкурренціи. Но господство буржуазіи было признано и утверждено въ торговыхъ, фабричныхъ, присяжныхъ судахъ, во всемъ матеріальномъ законодательствѣ. Для Германіи это была единственная въ своемъ родѣ ступень экономическаго развитія.

Въ своемъ постепенномъ ростѣ рейнско-вестфальская крупная промышленность представила пеструю картину капиталистическихъ формъ производства. Въ

Ремшейдскомъ округѣ сохранилось еще ремесло, и капиталъ довольствовался ролью коммиссіонера—экспортера всевозможныхъ товаровъ, при чемъ, конечно, капиталистическій режимъ не сталъ отъ этого мягче. Въ Золлингенскомъ округѣ онъ разрушилъ цехи и повергъ въ нищету пролетаріата домашней промышленности оружейныхъ мастеровъ, представителей самаго почетнаго, пользовавшагося міровой извѣстностью, ремесла. Въ Ахенѣ онъ укротилъ цеховыхъ суконщиковъ, взявъ себѣ на службу дешевыя рабочія силы сельской округи. Въ крефельдской шелковой промышленности, которая съ самаго начала была организована въ торговомъ отношеніи, домашніе ткачи упорно отстаивали свое званіе мастеровъ; они были счастливы, когда путемъ тяжелыхъ лишеній имъ удавалось пріобрѣсти право собственности на ткацкіе станки, и вовсе не подозрѣвали, что они этимъ только сильнѣе заковываютъ себя въ цѣпи капитализма. Но рейнская промышленность отличалась еще и тѣмъ, что въ ней очень рано развились мануфактурное и машинное производства. Первая механическая прядильная машина была въ Германіи пущена въ 1783 году эльберфельдскимъ фабрикантомъ, примѣнившимъ въ качествѣ двигателя водяную силу. Если, съ одной стороны въ 1826 году золингенскіе точильщики буйно возстали противъ ужасной системы расплаты натурой, если то же сдѣлали въ 1828 году крефельдскіе шелковые ткачи вслѣдствіе невыносимаго пониженія заработной платы, то, съ другой стороны, дѣти рабочихъ, въ это же время, сотнями приносившіяся въ жертву машинѣ, хранили тяжелое молчаніе.

Къ числу невольныхъ заслугъ прусскаго правительства относится и та, что оно раскрыло эти ужасныя обстоятельства. Въ 1818 году оно случайно узнало, что какой-то рейнскій фабрикантъ основалъ фабричную школу и съ тѣмъ своеобразнымъ лицемѣріемъ, которое подъ именемъ прусскаго вѣтра давно вошло въ

нѣмецкую поговорку, этотъ достойный мужъ былъ публично отличенъ королевскимъ рескриптомъ. Между тѣмъ преслѣдованіе, такъ называемыхъ, демагоговъ привело къ обслѣдованію школъ, и министръ народнаго просвѣщенія фонъ-Альтенштейнъ потребовалъ отъ дюссельдорфскихъ властей болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой фабричной школѣ. И вотъ обнаружилось, что этотъ удостоенный рескрипта фабрикантъ имѣлъ двѣ прядильни, въ которыхъ употребляли и для дневной и для ночной работы дѣтей отъ шестилѣтняго возраста. Въ одной прядильнѣ днемъ работало 96, ночью 65 дѣтей, въ другой—днемъ 95, ночью—80 дѣтей. Рабочее время днемъ продолжалось 13 часовъ, ночью 11 часовъ, и сюда присоединялась еще частая воскресная работа. Поденная плата дѣтямъ для маленькихъ не достигала даже 20 пфениговъ, для большихъ—30, взрослые же рабочіе за ту же работу получали 10 зильбергрошеновъ. Хваленая фабричная школа заключалась въ томъ, что дѣтямъ, приходившимъ на дневную работу, давали одинъ часовой урокъ, а дѣтямъ, приходившимъ на ночную работу, — два часовыхъ урока. Какой-то тайный финансовый совѣтникъ (geheimer Oberfinanzrat), имя котораго къ сожалѣнію утеряно для потомства, доносилъ въ Берлинъ, что дѣти, занятыя ночной работой, отличаются отъ блѣдныхъ берлинцевъ здоровымъ и цвѣтущимъ видомъ; ночная работа такъ мало отзывается на нихъ, что на пути домой (болѣе четверти мили) они занимаются разными веселыми играми; спать днемъ, по его мнѣнію, такъ же здорово, какъ ночью.

Альтенштейнъ не вполнѣ удовлетворился такимъ докладомъ. Онъ былъ другомъ Гегеля и считалъ, что онъ не даромъ поставленъ министромъ народнаго просвѣщенія въ знаменитомъ обязательностью школьнаго обученія государствѣ; его управленіе школьнымъ дѣломъ было единственною сравнительно свѣтлой стороной небрежнаго управленія прусскимъ

государствомъ. Между тѣмъ его коллега фонъ-Шукманъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ онъ долженъ былъ снестись, не нашелъ никакихъ возраженій противъ дѣтскаго труда на фабрикѣ. Чтобы убѣдить его въ необходимости вмѣшательства, Альтенштейнъ потребовалъ отъ окружныхъ властей Рейнской провинціи, Вестфаліи, Силезіи, Бранденбурга и Саксоніи изслѣдованія о характерѣ и распространеніи дѣтскаго фабричнаго труда. Хотя подлежащія власти произвели эту анкету на старопрусскій манеръ: нигдѣ не допрашивали рабочихъ и ихъ дѣтей, но фабрикантовъ, да, пожалуй, еще врачей, священниковъ, учителей, однако ихъ отчетъ представилъ ужасающую картину.

Во всѣхъ отрасляхъ текстильной промышленности, а также на фабрикахъ иглъ, пряжекъ, бронзы, панцырей, бумаги, фарфора и т. п. были заняты тысячи дѣтей младшаго возраста; нѣкоторыя изъ нихъ начинали свою работу на четвертомъ году жизни, въ концѣ своего безмѣрнаго, десяти, двѣнадцати, даже четырнадцатичасового рабочаго дня; они получали грошовую плату, и, какъ сказано въ одномъ отчетѣ изъ Изерлона, имъ еще разрѣшали короткій отдыхъ, во время котораго отпускали водку, табакъ и не препятствовали предаваться распутнымъ играмъ. Въ другихъ отчетахъ сообщалось слѣдующее: „Блѣдныя лица, лишенные блеска и воспаленные глаза, опухшіе животы, раздутыя щеки, опухшія губы и ноздри, опухоль шейныхъ железъ, злокачественныя экземы, астматическіе припадки,—вотъ что отличаетъ этихъ несчастныхъ дѣтей въ смыслѣ здоровья отъ остальныхъ дѣтей того же класса, но не работающихъ на фабрикѣ. Ихъ моральное и духовное образованіе запущено въ не меньшей степени“. Даже въ такихъ областяхъ, которыя въ промышленномъ отношеніи были такъ мало развиты, какъ провинціи Бранденбургъ и Саксонія, воцарились уже столь же печальныя условія. Маги-

стратъ Люкенвальде заявлялъ, что дѣти, занятыя на суконныхъ мануфактурахъ этого города, вырастаютъ нравственно испорченными, а въ Мерзебургскомъ округѣ дѣтей мучили съ четырехъ часовъ утра до шести часовъ вечера тяжелой работой раздуванія мѣха при выдѣлкѣ кованныхъ гвоздей.

За исключеніемъ Альтенштейна, въ прусскомъ министерствѣ всѣ отнеслись къ этому очень хладнокровно. Даже когда въ 1826 году генералъ-лейтенантъ фонъ-Горнъ доложилъ королю, что фабричные округа не даютъ требующагося съ нихъ контингента рекрутовъ, то это тоже не имѣло никакихъ послѣдствій; на новое напоминаніе Альтенштейна Шукманъ только грубо, но съ глубокимъ пониманіемъ сущности прусскаго военнаго государства, отвѣтилъ: дѣтскій фабричный трудъ менѣе вреденъ, чѣмъ работа молодежи, направленная на достиженіе духовнаго развитія. Только когда человѣчные фабриканты Рейнской провинціи подняли шумъ въ газетахъ, а рейнскій провинціальный сеймъ потребовалъ законодательнаго регулированія дѣтскаго труда, правительство въ 1839 году нарушило свое бездѣйствіе, но ограниченій дѣтскаго фабричнаго труда оно и тогда не провело въ жизнь, они такъ и остались на бумагѣ. Еще цѣлыхъ десять лѣтъ потребовалось для того, чтобы жалобы рейнскихъ рабочихъ на систему расплаты натурой были приняты во вниманіе. Только послѣ спасительной науки 1848 года былъ изданъ приказъ, запрещавшій платить рабочимъ товарами, а на выполненіе его было обращено хоть сколько-нибудь серьезное вниманіе; до того же времени на просьбы рабочихъ, на жалобы рейнскаго и вестфальскаго провинціальнаго сейма, на страстную агитацію нѣкоторыхъ достойныхъ фабрикантовъ прусское правительство отвѣчало, что оно „серьезно задумывается и сильно сомнѣвается“ въ томъ, нужно ли запретить жестокое растовщичество по отношенію къ нищимъ и беззащитнымъ проле-

таріямъ. Зато оно было болѣе, чѣмъ готово, когда оружіемъ надо было подавить какое-нибудь безпокойное движеніе обиженнаго рабочаго класса.

Впрочемъ, единственной связью, объединявшею восточныя и западныя провинціи Прусскаго государства, и было интимное пониманіе остъ-эльбской бюрократіей эксплоататорскихъ стремленій рейнской буржуазіи. Во всемъ остальномъ жители Рейнской провинціи разсматривались, какъ побѣжденные мятежники, а постояннымъ нарушеніемъ ихъ передовыхъ законовъ правительство стремилось по возможности понизить ихъ культурный уровень. Все, что въ этой провинціи было образованнаго и сознательнаго, все это было въ открытомъ возстаніи противъ берлинскаго, христіанско-германскаго правительства, а съ какою нѣжною любовью особенно пролетаріатъ былъ привязанъ къ этому отеческому начальству, и говорить нечего.

Глава третья.

Германская дѣйствительность. Духовная жизнь.

1. Романтическая реакція.

Развивавшаяся въ Германіи молодая буржуазія вовсе не представляла собой того, что обыкновенно называютъ „цвѣтъ націи“. Обстоятельства, при которыхъ она зародилась и стала существовать, воспитали въ ней черты мелкаго лавочника. По отношенію къ мелкой буржуазіи и пролетаріату она была груба, по отношенію къ абсолютизму и феодализму — хитра. Статскій совѣтникъ Кунтъ, лучшій знатокъ прусской промышленности, считалъ главнымъ ея недостаткомъ удивительно низкій уровень образованія большинства фабрикантовъ; среди первыхъ берлинскихъ фабрикан-

товъ были такіе, которые едва ли правильно умѣли подписать свою фамилію. Не изъ среды зарождавшейся средней и крупной буржуазіи, но изъ мелкобуржуазныхъ слоевъ, изъ среды ремесленниковъ, священниковъ, учителей, чиновниковъ, вышла германская литература и философія восемнадцатаго вѣка; эта литература и философія хотя въ духовномъ отношеніи подняли экономически и политически отсталую Германію на одну высоту съ западно-европейскими культурными народами.

Отъ этого великаго національнаго наслѣдства къ двадцатымъ годамъ девятнадцатаго вѣка мало что осталось. Романтическая школа, смѣнившая классическое направленіе подобно тому, какъ феодальная реакція Востока смѣнила буржуазный порывъ Запада, послѣ Ватерлоо все больше и больше вырождалась въ мелкое ничтожество. Безсодержательные многословные писаки, сидѣвшіе между стульями сантиментальной слезы и похотливой непристойности, стали любимцами большой публики. Уже тамъ и сямъ показывались, правда, провозвѣстники новаго времени, но всѣ они, Иммерманъ и Платтенъ, Берне и Гейне, еще не кончили своей борьбы съ романтизмомъ, и не придавили еще гордой ногой поверженнаго въ прахъ противника.

Научные плоды романтика вырастила главнымъ образомъ въ области языкознанія, такъ же, какъ за триста лѣтъ развитіе языка было самой свѣтлой стороной лютеровской реакціи. Въ области же экономики, политики, религіи романтика стремилась къ возрожденію средневѣковья; послѣ историческаго вырожденія средневѣковыхъ общественныхъ формацій это стремленіе должно было вылиться въ форму поэтизированія феодальныхъ способовъ эксплоатаціи. При этомъ романтическіе глашатаи государственной науки, Адамъ Мюллеръ, Галлеръ и такъ далѣе, были только жалкими поклонниками болѣе геніальныхъ французовъ,—Бональда и Местра.

Правда, необходимость въ нѣкоторой мѣрѣ почиститься отъ феодальнаго цехового мусора, навязанная Германіи Наполеономъ, открыла кой-какой доступъ классической политической экономіи въ буржуазные классы. Но представители ея оставались несамостоятельными учениками Адама Смита и Рикардо. Имъ недоставало живой почвы современнаго буржуазнаго общества, и теоретическое выраженіе чужой дѣйствительности превращалось для нихъ въ собраніе догмъ; эти догмы они невольно подвергали ложнымъ толкованіямъ въ духѣ окружающей ихъ мелко-буржуазной жизни. Экономическая отсталость германской жизни ни на чемъ, можетъ быть, такъ ясно не отразилась, какъ на томъ фактѣ, что единственный и въ своемъ родѣ оригинальный германскій экономистъ Фридрихъ Листъ оспаривалъ теорію Адама Смита не такъ, какъ ее оспаривали во Франціи и въ Англіи, не съ передовой, а съ отсталой, не съ соціалистической, а съ меркантилистической точки зрѣнія. Конечно, Листъ, представляющій собою не научную величину, а практическій умъ, понималъ, что прежде всего важно для германскаго капитализма: онъ страстно агитировалъ въ пользу германскаго таможеннаго союза и системы германскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но партикуляристскія правительства преслѣдовали его, какъ „національнаго демагога", а буржуазія предоставила краснорѣчивѣйшему піонеру своему голодать до тѣхъ поръ, пока онъ не пустилъ себѣ пули въ лобъ.

Среди германскихъ учениковъ Адама Смита одинъ только Генрихъ фонъ-Тюненъ имѣлъ свои собственныя мысли. Въ 1826 году онъ написалъ „Серьезный сонъ: о судьбѣ рабочихъ", но на десятилѣтія скрылъ это сочиненіе въ своемъ столѣ. Тюненъ былъ сельскій хозяинъ-практикъ, но съ научнымъ образованіемъ; фризъ по рожденію, выросшій среди свободныхъ крестьянъ Іеверланда, онъ поселился въ качествѣ помѣщика въ Мекленбургѣ, гдѣ феодальное

производство товаровъ страшно разорило сельскій пролетаріатъ. Эта противоположность помогла Тюнену разглядѣть „страданія многочисленнѣйшаго класса гражданъ, обыкновенныхъ работниковъ“, которые не имѣютъ представителей своихъ интересовъ даже въ государствахъ съ представительнымъ правленіемъ и которые въ сравненіи съ доходами фабриканта и откупщика получаютъ слишкомъ низкое вознагражденіе. Раньше, чѣмъ кто бы то ни было въ Германіи, Тюненъ понялъ, что іюльская революція была сигналомъ для классовой борьбы буржуазіи и пролетаріата. Онъ задавалъ вопросъ: если капиталъ есть продуктъ человѣческаго труда, то какъ онъ можетъ поработить своего творца, какъ могъ рабочій изъ господина превратиться въ раба капитала? Разрѣшеніе этой загадки Тюненъ нашелъ въ математической формулѣ естественной заработной платы, которую онъ считалъ столь правильной, что велѣлъ высѣчь ее на своемъ надгробномъ камнѣ. Однако это было не болѣе, какъ схоластическая выдумка; что же касается его идеи создать ассоціацію сельскихъ рабочихъ, то незадолго передъ смертью въ 1850 году Тюнену дѣйствительно удалось осуществить ее, но въ такой формѣ, что, несмотря на его благія намѣренія, фактически эта ассоціація оказалась новой выгодой для помѣщика и новымъ стѣсненіемъ для рабочаго.

Въ области науки о правѣ германская романтика проявила себя болѣе оригинальной, чѣмъ въ области науки о государствѣ. Историческая школа права была ея продуктомъ. Она должна была явиться протестомъ противъ якобы фривольнаго духа восемнадцатаго вѣка, на самомъ же дѣлѣ она явилась протестомъ противъ его революціоннаго духа. Разумное право просвѣтителей могло, дѣйствительно, быть только правомъ буржуазнако разума, но и какъ таковое оно представляло уже историческій прогрессъ; что же касается исторической школы права, то она задерживала

всякое историческое развитіе, такъ какъ въ основу права она клала одно только исторически сложившееся и только потому, что оно сложилось исторически. На этомъ основаніи Гуго защищалъ рабство, помѣщичьи права, майораты. Когда въ это время гейдельбергскій преподаватель права Тибо въ 1814 году былъ пораженъ огромной массой молодежи, которая въ полномъ вооруженіи стремилась во Францію, и требовалъ общаго гражданскаго закона для всего германскаго народа, то Савиньи ему отвѣтилъ, что настоящее время вовсе не обнаруживаетъ склонности къ законодательной дѣятельности. Сочиненіе Савиньи стало программой исторической школы права: она нарочно не замѣчала французскаго буржуазнаго права, въ которомъ эпоха блестяще обнаружила свое законодательское призваніе; исторически возникающее право буржуазнаго класса она пыталась высмѣять; по замѣчанію знаменитаго криминалиста Фейербаха, эта школа была рожденнымъ въ заоблачныхъ высотахъ божественнымъ дѣтищемъ разума и идеала; изъ книги исторіи она хочетъ вычеркнуть прошедшее и смѣло перепрыгнуть черезъ современность въ отдаленные вѣка. По словамъ же Гегеля, эта школа была величайшимъ оскорбленіемъ, которое только можно было бросить въ лицо націи. Но скоро уже долженъ былъ явиться молодой боецъ, который навсегда заклеймитъ историческую школу права, какъ школу, оправдывающую гнусность сегодняшняго дня гнусностью вчерашняго и видящаго бунтъ въ крикѣ истязуемаго бичемъ крѣпостного, если этотъ бичъ уже существуетъ много лѣтъ, имѣетъ древнее происхожденіе, вообще является бичемъ историческимъ, потомственнымъ.

Этотъ же молодой боецъ, Карлъ Марксъ, сказалъ относительно тѣхъ же двадцатыхъ годовъ, что въ послѣдней литературной области, въ которой пульсировалъ еще духъ жизни, въ философіи разучились говорить по нѣмецки, потому что нѣмецкій

языкъ перестал быть языкомъ мысли. Языкъ духа сталъ полнъ таинственныхъ выраженій, потому что понятное должно было перестать быть понятнымъ. Но для того, чтобы происхожденіе научнаго коммунизма тоже не осталось для насъ таинственнымъ, намъ необходимо нѣсколько глубже проникнуть въ смыслъ таинственныхъ выраженій этой философіи.

2. Классическая философія.

Основной вопросъ всякой философіи, споръ матеріализма съ идеализмомъ, отношеніе субъекта къ объекту, вопросъ о томъ, что явилось раньше, мысль или бытіе, духъ или природа, созданъ ли міръ Богомъ, или онъ существуетъ отъ вѣчности, занималъ уже древнихъ мыслителей и не вполнѣ замолкъ въ періодъ средневѣковой церковности. Этотъ вопросъ всплылъ съ новой силой, когда въ началѣ буржуазной эпохи экономическое развитіе и слѣдующія за нимъ естественныя науки получали все болѣе быстрый ходъ. Соотвѣтственно этому Англія была родиной новѣйшаго матеріализма, которому Бэконъ первый сталъ прокладывать путь.

Будучи продуктомъ буржуазной мысли, матеріализмъ, однако, на первыхъ порахъ сталъ оружіемъ противъ революціонно выступающей буржуазіи; въ Англіи въ семнадцатомъ вѣкѣ она выступала въ бой еще подъ религіознымъ знаменемъ. Гоббсъ, первый послѣдовательный матеріалистъ, былъ крайнимъ абсолютистомъ, хотя и буржуазнаго склада. Онъ не исходилъ изъ установленнаго Богомъ сословнаго порядка, изъ освященной королевской власти и тому подобныхъ феодальныхъ пугалъ, а просто отрицалъ, что человѣкъ есть политическое, организующееся въ государства животное. Первобытнымъ состояніемъ человѣчества Гоббсъ считалъ войну всѣхъ противъ всѣхъ, и это мѣткое выраженіе впослѣдствіи вошло въ поговорку по отношенію къ буржуазной конкур-

ренціи. Государство онъ выводилъ изъ договора, заключеннаго въ цѣляхъ укрощенія человѣческаго себялюбія и имѣющаго поэтому абсолютную силу. Наслѣдственную монархію онъ считалъ лучшей, но далеко не единственной формой абсолютной государственной власти. Всякая церковь, по ученію его, абсолютно должна быть подчинена государству, а къ абсолютной государственной власти онъ относилъ и право распоряжаться религіей и всѣмъ образомъ мыслей подданныхъ. Въ этомъ отношеніи Гоббсъ зашелъ такъ далеко, что суевѣрный страхъ передъ невидимыми силами, вымышленными или традиціонными, онъ готовъ былъ признать за религію, если государство такъ приказывало.

Англійская революція семнадцатаго вѣка кончилась компромиссомъ между аристократіей и буржуазіей, создавшими себѣ общую королевскую власть. Тогда и англійскій матеріализмъ отъ абсолютистской формы государства склонился въ пользу конституціонной. Локкъ училъ, что все содержаніе нашего духа получается нами черезъ посредство органовъ чувствъ, и обосновалъ философію здраваго человѣческаго смысла; этимъ онъ хотѣлъ сказать, что не существуетъ философіи, которая противорѣчила бы показаніямъ здороваго человѣческаго мышленія и основанному на немъ разуму. Онъ отдѣлялъ политику отъ религіи, въ противоположность Гоббсу отрицалъ за государственной властью право управлять или подавлять людскія убѣжденія, проповѣдовалъ гражданскую терпимость. Не менѣе ясно онъ разграничивалъ законодательную и исполнительную власть. Законодательную власть онъ признавалъ только за народомъ, избирающимъ законодательное собраніе. Король стоитъ не выше, а ниже закона, а злоупотребляя своею властью, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ себя своего положенія.

Несмотря на то англійскій матеріализмъ остался эзотерическимъ ученіемъ, тайной верхняго десятка

тысячъ и скорѣе даже аристократіи, чѣмъ буржуазіи. Дѣло въ томъ, что съ того момента, какъ англійская буржуазія получила кой какое, хоть очень скромное, участіе въ государственномъ управленіи, она стала чрезвычайно набожна и еще за двѣсти лѣтъ до императора Вильгельма I открыла глубокую мудрость, что для народа должно сохранить религію. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ дѣло зашло такъ далеко, что англійскіе матеріалисты въ родѣ Гартли въ одной и той же книгѣ сводили человѣческую мысль и чувство на мозговыя движенія, т. е. объясняли матеріалистическимъ путемъ, а затѣмъ теологическимъ путемъ доказывали несомнѣнность библейскихъ чудесъ и загробной жизни. Главою невѣрующихъ считался тогда не какой-нибудь матеріалистъ, но философъ Юмъ, который, правда, отвергалъ церковную вѣру, но въ не меньшей степени и матеріализмъ, такъ какъ онъ отрицалъ за человѣческою мыслью возможность исчерпывающаго познанія внѣшняго міра. И какъ Англія, первая промышленная страна, ни была богата великими естествоиспытателями, все-таки отъ Бойля и Ньютона и до Дарвина и Фарадэя они вѣрили или въ сверхъестественную творческую силу, или, по крайней мѣрѣ, допускали существованіе Бога.

Зато Локкъ явился крестнымъ отцомъ французскаго матеріализма, а Юмъ — германскаго идеализма. На европейскомъ материкѣ среди философовъ семнадцатаго вѣка, бывшихъ въ большинствѣ случаевъ, подобно Декарту, Спинозѣ, Лейбницу, выдающимися математиками и физиками, матеріалистическое и идеалистическое міровоззрѣніе уравновѣшали нѣкоторымъ образомъ другъ друга; одни изъ нихъ, подобно Декарту, съ земными предметами справлялись матеріалистически, а съ небесными представленіями — идеалистически; другіе, какъ Спиноза, въ обожествленіи субстанціи находили средство слить духъ и природу въ одну сущность; наконецъ третьи, какъ Лейбницъ,

утверждали, что между мыслью и бытіемъ существуетъ отъ вѣка предустановленная гармонія. Французскій матеріализмъ, какъ самостоятельное явленіе, развился только въ началѣ восемнадцатаго вѣка. Онъ усвоилъ себѣ намѣченный Локкомъ ходъ мыслей и сперва представлялъ собой аристократическое ученіе; однако революціонно настроенная буржуазія скоро поняла, какую службу можетъ сослужить ей это ученіе въ его борьбѣ противъ королевской власти, дворянства и духовенства.

Французскій матеріализмъ восемнадцатаго вѣка не ограничился тѣмъ, что покончилъ съ религіей; при этомъ, конечно, мало значенія имѣло то обстоятельство, объявляли-ли послѣдователи его, въ качествѣ атеистовъ, человѣка машиной, или же, въ качествѣ деистовъ, удѣляли Божеству гдѣ то тамъ во вселенной безобидное существованіе. Французскій матеріализмъ, кромѣ того, глубоко затронулъ политическую и соціальную жизнь Франціи. Если всѣ ощущенія и всякое познаніе человѣкъ почерпаетъ изъ чувственнаго міра и изъ чувственнаго опыта, то только здѣсь на землѣ остается ему искать свое счастье и свою долю. Совершенный строй человѣческаго общества заключался бы въ полномъ соотвѣтствіи его съ природой человѣка; то же, что противорѣчило человѣческой природѣ, надлежало изъ человѣческаго общества устранить. Истинный основатель французскаго матеріализма Гельвеціусъ въ своемъ сочиненіи о человѣкѣ положилъ въ основу морали слѣдующія понятія: физическія свойства даннаго лица и себялюбіе, удовольствіе и правильно понятый личный интересъ; основными воззрѣніями его системы являются: естественное сходство человѣческихъ умовъ, единство въ прогрессѣ разума и промышленности, естественная доброта человѣка и всемогущество воспитанія.

То, что французскіе матеріалисты считали природой человѣка, фактически было не что иное, какъ по-

литическія и соціальныя потребности тогдашняго третьяго сословія: эмансипацію буржуазнаго общества они отождествляли съ установленіемъ совершеннаго общественнаго строя. Французскій матеріализмъ сталъ могучимъ оружіемъ противъ абсолютистской феодальной и клерикальной Франціи. Высшимъ литературнымъ проявленіемъ его явилась знаменитая энциклопедія, а политическимъ—провозглашеніе человѣческихъ правъ; кончилъ же онъ тѣмъ, что развился въ утопическій соціализмъ. Легко видѣть, сколько могъ извлечь и дѣйствительно извлекъ этотъ соціализмъ изъ ученій французскаго матеріализма о первобытной добротѣ и равномѣрной умственной одаренности, о всемогуществѣ опыта, привычки, воспитанія, о вліяніи внѣшнихъ условій на человѣка, о высокомъ значеніи промышленности, о правѣ каждаго на наслажденіе. Фурье и Оуэнъ исходили изъ матеріализма, Дезами вернулся къ нему, какъ къ логической основѣ соціализма.

Но, несмотря на всѣ свои успѣхи, французскій матеріализмъ покоился еще на очень шаткой почвѣ. Естественныя науки дѣлали въ то время большіе успѣхи, но только одна механика достигла тогда нѣкоторой законченности. Химія и біологія находилась еще въ зачаточномъ состояніи. Ничего еще не было извѣстно о естественномъ развитіи, а, соотвѣтственно этому, и о развитіи историческомъ. Природа, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, совершала свой вѣчный круговоротъ, а человѣческій духъ всегда былъ тѣмъ же; иногда, какъ въ средніе вѣка, онъ затемнялся, а теперь снова осуществлялъ свои естественныя права. Матеріализмъ не касался еще тогда внутренней связи міровой тайны, и за разрѣшеніе ея снова взялся идеализмъ. Все это происходило въ странѣ, гдѣ буржуазія была достаточно зрѣла, чтобы выставить цѣлый рядъ талантливыхъ, даже геніальныхъ головъ, но недостаточно зрѣлой для того, чтобы разру-

шающей рукой снести обрушивающіяся крѣпости абсолютизма и феодализма.

Германская философія была продолженіемъ германской литературы, поскольку послѣдняя олицетворяла собою освободительную борьбу буржуазіи. Кантовская критика чистаго разума появилась въ годъ смерти Лессинга и стала общеизвѣстной съ началомъ французской революціи. Великіе германскіе философы были духовно связаны съ этимъ могучимъ переворотомъ. Кантъ, Фихте, Гегель говорили о немъ съ живѣйшимъ уваженіемъ; ихъ не ввелъ въ заблужденіе и терроръ, подвигнувшій Гете къ созданію его несчастнаго Бюргеръ-генерала и вдохновившій Шиллера къ сочиненію разныхъ виршей въ честь благословенной дщери небесъ, святого мелкобуржуазнаго порядка. Германскій идеализмъ былъ отвѣтомъ на англо-французскій матеріализмъ, но вовсе не реакціей противъ него. Кантъ побѣдоносно побилъ матеріализмъ въ его собственной области, введя въ толкованіе природы принципъ различія. Онъ уничтожилъ вѣру въ вѣчность солнечной системы, объяснивъ происхожденіе солнца и планетъ изъ вращающейся туманности. Болѣе того, въ популярныхъ лекціяхъ своихъ онъ говорилъ о происхожденіи человѣка изъ царства животныхъ, какъ о чемъ-то само собой понятномъ. Безъ колебаній отвергъ онъ ученіе стараго идеализма о томъ, что всякое опытное и чувственное познаніе призрачно и что только въ идеяхъ чистаго разума заключается истина. Онъ утверждалъ противоположное: всякое познаніе предметовъ однимъ только чистымъ разумомъ есть призракъ, и только въ опытѣ заключается истина.

Настоящій подвигъ Канта заключается въ томъ, что, примыкая къ Юму, онъ изслѣдовалъ познавательную способность человѣка и въ своей критикѣ чистаго разума перевернулъ весь опытъ, всѣ историческія и точныя науки; для этого онъ сдѣлалъ то простое

предположеніе, что не наши понятія согласуются съ предметами, но что предметы согласуются съ нашими представленіями, что внѣшніе предметы мы видимъ не таковыми, какъ они есть, но такими, какъ они представляются нашей несовершенной мысли, что весь міръ явленій, не исключая нашихъ чувственныхъ воззрѣній на пространство и время, существуетъ для человѣка только въ его представленіи, а за этимъ представленіемъ скрыта въ непроницаемомъ мракѣ абсолютная сущность вещей, вещь въ себѣ. Если, съ одной стороны, это было нѣкоторымъ примиреніемъ мысли и бытія, то, съ другой стороны, пропасть между ними стала еще глубже. Кантъ не разрѣшилъ міровой загадки, онъ только объявилъ ее неразрѣшимой. Въ вещахъ не можетъ быть противорѣчія, училъ онъ, потому что то, что содержитъ въ себѣ противорѣчіе, невозможно. Между тѣмъ бытіе ставитъ насъ въ неустранимыя противорѣчія, въ знаменитыя кантовскія антимоніи, какъ конечность и безконечность міра, дѣлимость и недѣлимость матеріи, свобода и необходимость.

Если Кантъ, такъ сказать, разрушилъ міръ вещей, отождествивъ ихъ существованіе съ дѣятельностью человѣческаго сознанія, то Фихте, развивая дальше и въ то же время измѣняя ученіе Канта, снова выстроилъ этотъ міръ, исходя изъ человѣческаго сознанія Фихте стоялъ далеко отъ естествознанія. „Я,“ т. е. человѣкъ не какъ индивидуумъ, но какъ разновидность, представлялъ для него настоящую вещь въ себѣ; человѣческое самосознаніе было для него зеркаломъ, но не творцомъ міра вещей; существованіе этого міра не было для него только формой мышленія, но форма существованія этого міра имѣла своимъ источникомъ чистое мышленіе. Изъ него Фихте выводилъ пространство и время, количество и качество, возможность, дѣйствительность, необходимость. Мышленіе, училъ онъ, есть самостоятельный процессъ, совершающійся съ внутренней необходимостью. Одновременно

съ каждымъ положеніемъ дается уже и отрицаніе его, и мысль движется впередъ только путемъ непрерывающагося разрѣшенія этого постояннаго противорѣчія при помощи болѣе высокихъ обобщеній. Этимъ Фихте вернулся къ діалектической методѣ древне-греческой философіи. Но разъ онъ допускалъ, что объектъ возникаетъ въ чистой глубинѣ субъекта, то духъ и природа этимъ самымъ отождествлялись, и Фихте дѣйствительно видѣлъ въ „я“ субъектъ-объектъ. Продолжая его ученіе и въ то же время перестраивая его, Шеллингъ и Гегель приходили къ такому выводу: если субъектъ и объектъ представляютъ собой то же самое, то ни тотъ, ни другой не являются самой вещью; субъектъ и объектъ, мысль и бытіе, духъ и природа, все это только одна сторона вещи, сама же вещь есть не что иное, какъ процессъ, происходящій и въ томъ и другомъ, и въ духѣ человѣческомъ сознающій себя.

Для Шеллинга „идентичность субъекта и объекта“ такъ и осталась только оригинальной мыслью, увлекшей его въ фантастическую натурфилософію и въ разнаго рода романтическую дребедень, пока онъ наконецъ не присталъ въ обмелѣвшей гавани вѣры въ откровеніе. Другое дѣло Гегель; онъ тоже не могъ сказать что - либо опредѣленное объ абсолютномъ духѣ, который онъ объявилъ душой міра и который по происхожденію своему былъ только болѣе широкимъ понятіемъ, чѣмъ субстанція Спинозы и самосознаніе Фихте. Но свой абсолютный духъ онъ разсматривалъ, какъ логическій и историческій процессъ. Духъ, само по себѣ существующее я, на различныхъ ступеняхъ развитія становится сперва сознаніемъ, затѣмъ самосознаніемъ, затѣмъ наблюдающимъ и дѣйствующимъ разумомъ, наконецъ самопознающимъ образованнымъ и религіознымъ духомъ. Въ природѣ онъ дѣйствуетъ, какъ слѣпая необходимость, въ исторіи же онъ работаетъ надъ собой, пока изъ дикаго состоянія онъ не достигнетъ самопознанія. Историче-

скій процессъ есть, слѣдовательно, только картина того логическаго процесса, который совершился неизвѣстно гдѣ и когда. Какъ ни туманно это представленіе, однако громаднѣйшей заслугой Гегеля было именно представленіе историческаго процесса процессомъ логическимъ. Если Кантъ ввелъ въ наше представленіе о природѣ понятіе о развитіи, то то же Гегель сдѣлалъ для исторіи. Если Фихте только примкнулъ къ діалектическому методу, то Гегель сдѣлалъ его источникомъ всякой жизни. Съ понятіемъ „бытіе" дано уже понятіе „ничто", а изъ борьбы этихъ двухъ понятій получается высшее понятіе „возникновеніе". Все существуетъ и въ то же время не существуетъ потому, что все течетъ, все непрерывно измѣняется, охвачено потокомъ возникновенія и исчезновенія. Діалектическое развитіе германской философіи пошло такимъ путемъ, что кантовское положеніе: „все, что содержитъ въ себѣ противорѣчіе, невозможно", приняло форму человѣческаго утвержденія: движетъ міръ только противорѣчіе.

Этимъ была достигнута ступень, которой англо-французскій матеріализмъ достигнуть не могъ, такъ какъ его знаніе природы стояло еще на сравнительно низкой ступени. Доказательство того, что и въ природѣ происходятъ діалектическіе процессы, стало возможнымъ только послѣ необычайныхъ успѣховъ естествознанія во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка. Здѣсь толчекъ, данный Кантомъ, завершился ученіемъ Дарвина, что вся органическая природа, растенія и животныя, не исключая человѣка, являются продуктомъ непрерывнаго, милліоны лѣтъ совершавшагося процесса развитія. Въ этомъ отношеніи и Гегель не могъ выйти за границы, въ которыя его ставило недостаточное въ то время знакомство съ природой. Онъ раздѣлялъ еще воззрѣнія французскихъ матеріалистовъ, что природа есть неизмѣнное цѣлое, совершающее всегда тотъ же самый круговоротъ, съ вѣч-

ными міровыми тѣлами, съ неизмѣнными органическими существами на нихъ. Онъ сломилъ это воззрѣніе постольку, поскольку англійскіе матеріалисты переносили его на исторію. На исторію человѣчества онъ смотрѣлъ какъ на процессъ непрерывнаго движенія, измѣненія, превращенія, на переходъ отъ низшаго къ высшему; съ громадной затратой труда пытался онъ во всѣхъ спеціальныхъ областяхъ исторической науки раскрыть внутреннюю связь, постепенный ходъ этого процесса, прослѣдить его по всѣмъ кажущимся уклоненіямъ и случайностямъ. Такъ какъ вещи онъ считалъ картинами понятій, то часто историческія построенія его были довольно произвольны, но такъ какъ такія упорныя вещи, какъ историческіе факты, не такъ легко даютъ надѣть на себя ярмо понятій, то онъ высказалъ не мало и геніальныхъ воззрѣній на внутреннюю связь исторіи человѣчества.

Своеобразное величіе, равно какъ и своеобразная слабость германской философіи объясняется экономическимъ и политическимъ своеобразіемъ германской дѣйствительности. Съ одной стороны, они позволяли, не справляясь съ грубой дѣйствительностью, прослѣдить буржуазные идеалы до самыхъ смѣлыхъ и отдаленныхъ выводовъ изъ нихъ. Основное положеніе кантовской этики: „поступай такъ, чтобъ какъ въ своей собственной личности, такъ и въ личности всякаго другого человѣка человѣчество всегда было цѣлью, а не средствомъ,“ — было возможно только въ такой странѣ, гдѣ буржуазія была только слаба, а пролетаріатъ еще совсѣмъ не былъ развитъ. Только въ такой странѣ Фихте могъ сказать, что ни одинъ человѣкъ не долженъ употреблять для себя силу другого человѣка, только въ такой странѣ онъ могъ писать: „Пусть человѣкъ работаетъ, но не какъ вьючное животное, которое подъ бременемъ своимъ засыпаетъ и котораго послѣ короткаго отдыха будятъ снова для носки той же тяжести. Пусть онъ работаетъ безъ

страха, съ радостью и удовольствіемъ, пусть у него останется время, чтобы поднять свои глаза къ небу, для созерцанія котораго онъ созданъ". Пролетарское происхожденіе Фихте можно прослѣдить на томъ огненномъ слѣдѣ революціонной мысли, который отличалъ всю его жизнь; эксплоататорское феодальное дворянство онъ клеймилъ глупымъ и невѣжественнымъ, трусливымъ, лѣнивымъ и подлымъ; терроризмомъ французской революціи дышатъ его слова, что право должно быть просто и что кто этого самъ не понимаетъ, того нужно принудить это понимать. И именно изъ плачевной исторіи Германіи, которая собственно даже не была для него исторіей, онъ заключалъ, что именно германцы призваны основать царство права, какого еще не было на землѣ; въ этомъ царствѣ граждане будутъ воодушевлены любовью къ свободѣ такъ, какъ это было въ древнемъ мірѣ, и большинство людей при томъ не будетъ обречено на рабство, безъ котораго древнія государства не могли существовать; эта свобода будетъ основана на равенствѣ всего, что носитъ человѣческій обликъ. Наконецъ, если Гегель одной игрой діалектики низвергъ всѣ авторитеты, небесные и земные, то это основательное и въ то же время легкое занятіе было возможно только среди народа, не знающаго великой и ожесточенной классовой борьбы.

Но, съ другой стороны, германскіе классики-философы только мысленно жили въ заоблачныхъ высотахъ. Идеализмъ ихъ очень чувствительно страдалъ отъ того, что мысли ихъ были связаны съ ихъ тѣломъ, жившимъ подъ гнетомъ деспотизма и ортодоксіи. Чистымъ разумомъ Кантъ изгонялъ Бога изъ вселенной, но черезъ заднюю дверь практическаго онъ вводилъ его обратно. Въ процессѣ, который былъ возбужденъ противъ Фихте по обвиненію его въ безбожіи и который привелъ къ изгнанію его изъ Іены, онъ обнаружилъ неподходящую для сильнаго человѣка смѣсь

неумѣстнаго упорства и неумѣстной уступчивости; впослѣдствіи онъ затуманилъ мистическимъ налетомъ ту ясную логику, при помощи которой онъ когда-то уничтожилъ представленіе о личномъ Богѣ. Что касается Гегеля, то онъ сумѣлъ справиться и съ триединымъ Богомъ, расчленивъ его соотвѣтственно со своей системой: Богъ, мысль котораго создала дѣйствительный міръ, своего Сына, какъ свой собственный образъ; познавъ себя самого въ Сынѣ, онъ, какъ Духъ Святой, возсоединился съ собой.

Область политики была, однако, гораздо тернистѣе чѣмъ область религіи. Германскимъ философамъ недоставало той точки опоры, при помощи которой французскіе матеріалисты подкопали основы абсолютистскаго феодально-клерикальнаго государства, именно понятія о гражданскомъ обществѣ. Понятіе это имъ было незнакомо потому, что ничего соотвѣтствующаго ему въ Германіи не было, а если и было, то только въ жалкомъ зачаткѣ. Государство было имъ знакомо только въ качествѣ стража человѣческой нравственности. Свой знаменитый набросокъ о вѣчномъ мирѣ Кантъ начинаетъ такими словами: „государство не есть такое же достояніе, какъ почва, на которой оно живетъ. Это есть общество людей, которымъ никто, кромѣ ихъ самихъ, не смѣетъ повелѣвать и приказывать“. Изъ этого онъ правильно заключалъ, что управленіе страной должно быть республиканскимъ. Однако, какъ же превратить государство, бывшее достояніемъ деспота, въ республику? И на это Кантъ отвѣчалъ: „путемъ нравственнаго прогресса рода человѣческаго“; „путемъ національнаго воспитанія“ отвѣчалъ Фихте. И какъ велики и глубоки ни были бы эти идеологіи, онѣ создавали только скучнѣйшее поколѣніе моральныхъ проповѣдниковъ и школьныхъ учителей, но не расшатывали ни одного камня въ зданіи деспотическаго государства, представители котораго только все подозрительнѣе подглядывали за ними.

Но вотъ передъ нами работа Фихте о замкнутомъ торговомъ государствѣ; онъ самъ назвалъ её лучшимъ и наиболѣе продуманнымъ изъ своихъ сочиненій; въ ней начертанъ такой идеалъ фридриховскаго государства, какимъ это историческое государство должно было бы стать, чтобъ придти въ соотвѣтствіе со строгими требованіями буржуазнаго разума. Прусскій министръ финансовъ Струензе, человѣкъ фридриховской школы, благосклонно принялъ въ 1800 году эту посвященную ему книгу. Онъ находилъ, что Фихте набросалъ идеалъ такого государства, къ которому обязанъ стремиться всякій государственный дѣятель, принимающій участіе въ управленіи, хотя и сомнительно, чтобы такой идеалъ когда-нибудь былъ достигнутъ. Струензе при этомъ, конечно, могъ вспомнить о своемъ братѣ, который тридцать лѣтъ тому назадъ поплатился жизнью за попытку направить абсолютистки-феодальную общественность въ русло буржуазнаго разумнаго права. Фихте совершенно не понимаетъ буржуазнаго общества; въ свободной торговлѣ онъ видитъ несостоятельную традицію „способа мышленія нашихъ предковъ"; то, что было подходящимъ для средневѣковой объединенной христіанской Европы, не пригодно болѣе для современныхъ народностей. Когда Фихте ставитъ передъ правительствомъ задачу предписать опредѣленнымъ слоямъ населенія опредѣленное занятіе, напр., земледѣліе, ремесло, торговлю, когда въ отливѣ наличныхъ денегъ за границу онъ видитъ обѣднѣніе народа, онъ является представителемъ фридриховскихъ воззрѣній. Когда Фихте предлагаетъ запретить путешествіе за границу для того, чтобы досужее любопытство и любовь къ развлеченіямъ не слонялись по чужимъ землямъ, то кажется, будто слышишь мудрыя разсужденія самого стараго Фритца.

Правда, Фихте желаетъ превратить фридриховское государство во вполнѣ гармоничную общественность,

чтобы отдѣльнымъ членамъ ея было обезпечено ихъ естественное право на счастливое и довольное существованіе. Но его разумное государство побиваетъ рекордъ и передъ фридриховскимъ: оно совершенно отрѣзано отъ сосѣднихъ странъ, у него совершенно особая денежная система; то, что оно есть совокупность монархическихъ государствъ, остается тайной царствующаго дома, а общее, что у него есть съ остальнымъ міромъ, это только наука. Здѣсь передъ нами въ области національной тотъ же самый трагическій конфликтъ между средствомъ и цѣлью, который въ интернаціональной области превратилъ послѣдніе годы Фихте въ потрясающую драму. Когда-то онъ страстно ожидалъ появленія французскихъ штыковъ, какъ защитниковъ свободной мысли, которую германскіе деспоты замышляли насильственно задушить, а теперь въ своихъ пламенныхъ рѣчахъ къ германскому народу онъ долженъ былъ призывать его къ борьбѣ противъ тѣхъ же штыковъ и умереть среди побѣдныхъ криковъ безъ надежды, безъ самообмана, съ поражающей ясностью предсказывая всѣ тѣ несчастья, которыя начались для Германіи послѣ Ватерлоо.

Гегель тоже понималъ, что означала побѣда европейской реакціи. Когда-то онъ свою философію называлъ предвѣстницей того времени, когда народъ будетъ уже свободенъ; послѣ пораженія французовъ онъ говорилъ, что естественное призваніе германцевъ, главная выгода вновь пріобрѣтенной независимости, заключается въ безпрепятственномъ храненіи священнаго философскаго огня. Когда же призванный въ Берлинъ онъ писалъ свою философію права съ цѣлью представить право въ видѣ разумнаго самостоятельно развивающагося организма, онъ исходилъ изъ положенія: существующее разумно и разумное дѣйствительно. Его идеалъ правового государства снова въ той же мѣрѣ отражалъ прусское государство 1821 года, какъ замкнутое торговое государство Фихте отражало

прусское государство 1800 года: здѣсь была только та понятная разница, что подъ давленіемъ карлсбадскихъ постановленій Гегель гораздо меньше идеализировалъ свою картину, чѣмъ это сдѣлалъ Фихте, воодушевленный результатами французской революціи. Гегель знаетъ уже наконецъ буржуазное общество, но цѣнитъ его очень низко. Оно уже представляетъ собой государство, но только государство по внѣшности, государство за отсутствіемъ лучшаго, государство въ отвлеченіи, арену излишества и нищеты, физической и нравственной испорченности. Напротивъ того, государство, какъ таковое, есть осуществленіе нравственной идеи, абсолютная самоцѣль; отсюда вытекаетъ верховное право его по отношенію къ отдѣльной личности, для которой высшій долгъ — быть членомъ государства. Это воззрѣніе какъ нельзя болѣе подходило къ преслѣдованію демагоговъ.

Но по гегелевской философіи права государство всегда является монархіей. Передъ развитою мыслью республика не выдерживаетъ критики; народъ безъ монарха представляетъ собой безформенную нерасчлененную массу. Въ монархіи же словомъ „народъ“ обозначаютъ тѣхъ членовъ государства, которые не знаютъ, чего они хотятъ. Надъ этой громадной массой возвышаются сословія, какъ законодательная власть, задача которой руководить цѣлымъ, но и они мало къ чему пригодны. Безъ нихъ государственные дѣятели могутъ сдѣлать все, что отъ нихъ зависитъ, и въ сословныхъ собраніяхъ они тоже должны дѣлать все отъ нихъ зависящее. Они являются представителями второй власти, правительства, и въ качествѣ таковыхъ они являются настоящими государственными людьми, понимающими все лучше всѣхъ. Третьей властью является княжеская; ей принадлежитъ послѣднее рѣшеніе, она ставитъ точку надъ i, какъ нѣчто цѣльное, она объединяетъ въ себѣ идеальныя стороны всѣхъ трехъ властей. Будучи тождественной съ чистой во-

лей и идеальной стороной цѣлаго, княжеская власть представляетъ собой настоящую дѣйствительность передъ лицомъ жалкой всеразрушающей субъективности дурной прессы. Пресса является выразительницей общественнаго мнѣнія, а по Гегелю,—существующихъ противорѣчій; она пользуется и такими противорѣчіями, которыя иначе не могли бы даже обнаружиться совсѣмъ въ духѣ карлсбадскихъ постановленій; Гегель думаетъ подчинить прессу мѣрамъ полицейскаго пресѣченія и наказанія. Его философія права только въ томъ отношеніи становится выше Пруссіи двадцатыхъ годовъ, что она требуетъ публичности въ отправленіи закона и суда присяжныхъ.

Несмотря на все, въ ея темныхъ выраженіяхъ билась духовная жизнь того времени. Полемика, которую велъ Гегель въ томъ же сочиненіи противъ исторической школы права и романтической государственной науки, съ достаточной ясностью показала, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду безсмысленнаго возвеличенія существующаго или даже возврата къ средневѣковью. Къ его кропотливымъ стараніямъ открыть разумъ въ тогдашней дѣйствительности лучше всего примѣнимы его собственныя слова: въ наше время рефлексіи и резонерства недалеко ушелъ тотъ, кто не сумѣетъ найти для всего, даже для самаго дурного, разумное основаніе. Это не мѣшало ему, однако, признавать дѣйствительность разумною.

Разумъ есть не что иное, какъ историческая необходимость, вѣчный ходъ процесса историческаго развитія. Все, что онъ создаетъ, дѣйствительно и разумно, потому что оно необходимо; переставъ быть необходимымъ, оно перестаетъ быть дѣйствительнымъ и разумнымъ. Прусская монархія была дѣйствительна и разумна, потому что при данныхъ историческихъ условіяхъ она не могла быть другой, чѣмъ она была, потому что народъ не зналъ, чего онъ хотѣлъ, и потому, что онъ былъ очень неразуменъ. Разъ онъ

сдѣлался бы разумнымъ, прусская монархія должна была бы стать дѣйствительнымъ государствомъ, а монархъ, по гегелевскому опредѣленію государства, долженъ былъ бы стать идеальнымъ и на общую пользу упразднить себя.

Гегель очень хорошо понималъ революціонный характеръ своей діалектики и даже опасался, что его философія права будетъ запрещена. Особенно хорошо прусское государство, несмотря на все это возвеличиваніе, себя не чувствовало. Гордо опираясь на полицейскую дубинку, оно вовсе не довольствовалось разумнымъ оправданіемъ своей дѣйствительности. Даже тупоумный король разглядѣлъ скрывавшуюся подъ розами змѣю; когда до него дошли неопредѣленные слухи объ ученіи его государственнаго философа, онъ недовѣрчиво замѣтилъ: „А если я не поставлю точки надъ і?“ Что касается прусской бюрократіи, то она была очень благодарна за лавры, которые ей расточались въ такомъ изобиліи, особенно же, когда строгіе гегельянцы переложили гуманныя слова на обыкновенную обывательскую рѣчь, а одинъ изъ нихъ еще написалъ исторію прусскаго права и государства; въ ней доказывалось, что прусское государство есть не что иное, какъ гигантская арфа, поставленная въ Божьемъ саду, чтобъ направлять міровую симфонію. Несмотря на свои подозрительныя тайны, философія Гегеля была объявлена прусской государственной философіей, и это была, конечно, одна изъ остроумнѣйшихъ ироній міровой исторіи: Гегель собралъ въ одну громадную систему всѣ плоды германскаго идеализма, всѣ источники и потоки германской классической эпохи, онъ направилъ въ одно русло, гдѣ они и замерзли подъ холоднымъ дыханіемъ реакціи. Непредусмотрительные глупцы, которые считали эти ледяныя массы надежной защитой, которые дерзко ликовали, когда съ ихъ гладкихъ и крутыхъ высотъ срывались отважные борцы, не подозрѣвали даже, что весенніе

грозы дадутъ свободу скованнымъ потокамъ и, опустошая все вокругъ, зальютъ ихъ самихъ.

До перваго порыва такой грозы суждено было дожить и Гегелю. Онъ отвергъ іюльскую революцію, онъ называлъ первый проектъ англійскаго билля о реформѣ раной, нанесенной „благороднымъ внутренностямъ“ великобританской конституціи. Тогда густыми толпами стали покидать его слушатели его, сплачиваясь вокругъ его ученика Эдуарда Ганса; послѣдній читалъ курсъ философіи права своего учителя, выдвигалъ революціонную сторону и рѣзко полемизировалъ съ исторической школой права. Въ Берлинѣ тогда говорили, что великій мыслитель скончался не отъ холеры, а отъ вызванныхъ этимъ огорченій.

Глава четвертая.

Тридцатые годы.

1. Вліяніе іюльской революціи.

Іюльская революція нашла себѣ могучій откликъ въ Бельгіи, Италіи, Польшѣ, вызвала новую жизнь въ Германіи. Однако здѣсь она не зажгла національнаго движенія, для котораго еще не было ни одной экономической предпосылки. Она потрясла болѣе мелкія изъ свыше тридцати германскихъ княжествъ, въ другихъ мѣстахъ она только послужила поводомъ для національной демонстраціи.

Предметомъ этой демонстраціи были остатки польскаго войска, разбитаго въ геройской борьбѣ съ русскимъ царемъ. Печальное шествіе польскихъ бѣглецовъ черезъ Германію превратилось въ настоящій тріумфъ. Германскіе буржуазные круги инстинктивно чувствовали, что геройская борьба поляковъ съ русскимъ де-

спотомъ была въ то же время направлена и противъ германскихъ деспотиковъ. Сочувствіе къ полякамъ дало германской мелкой буржуазіи величайшаго изъ ея агитаторовъ въ лицѣ Роберта Блюма, но оно же посѣяло въ душѣ подрастающаго Бисмарка ту неизлѣчимую ненависть къ полякамъ, которая впослѣдствіи обнаружилась въ его неосмотрительной политикѣ насилія. Насколько эта политика была правильна, обнаружилось потомъ, когда прусскія вооруженія противъ польскаго возстанія поглотили около сорока милліоновъ талеровъ и надолго потрясли финансы и военное дѣло абсолютизма.

Если германская буржуазія не созрѣла еще къ тому времени для національнаго движенія, то германскій пролетаріатъ не созрѣлъ еще для движенія соціальнаго. Въ Ахенѣ и въ Эупенѣ рабочіе подъ вліяніемъ горькой нужды разрушали машины и машиностроительные заводы. Торговыя камеры, промышленные суды и даже мѣстная администрація съ достаточной проницательностью видѣли причину буйствъ: они просили запретить систему расплаты товарами и произвольныхъ вычетовъ изъ заработной платы. Но берлинское провидѣніе оставалось глухимъ. Зато оно не на шутку перепугалось, когда портные—подмастерья появились подъ королевскими окнами, недовольные ужасающей конкурренціей швейныхъ машинъ; довольно забавно звучала жалоба министра иностранныхъ дѣлъ въ его дипломатическихъ депешахъ: „это новый симптомъ,—писалъ онъ,—того вѣтренаго и безумнаго духа, который скоро можетъ превратить всю Европу въ большой домъ для сумасшедшихъ", а то обстоятельство, что бунтующіе портные были разогнаны вооруженною силой при помощи одного только холоднаго оружія и безъ употребленія пушекъ, сочтено было за подвигъ, достойный похвалы. Прусскіе же буржуазные классы остались совершенно спокойными.

Нѣсколько больше бодрости проявили они въ остальной сѣверной Германіи. Въ Брауншвейгѣ они изгнали изъ своихъ предѣловъ злого деспотика; въ Касселѣ они пытались подобнаго же рода ничтожность обезвредить при помощи соправителя. Но гораздо больше значенія имѣлъ тотъ фактъ, что въ среднихъ сѣверо-германскихъ государствахъ до извѣстной степени покончили съ феодальнымъ соромъ. Въ Ганноверѣ это было достигнуто студенческими безпорядками въ Геттингенѣ и угрожающимъ настроеніемъ крестьянскаго населенія, въ Саксоніи — бунтами въ Дрезденѣ и въ Лейпцигѣ; первоначально послѣдніе были направлены противъ скрытой тиранніи городской аристократіи, но, вслѣдствіе общаго броженія въ странѣ, имѣли въ своемъ результатѣ нѣкоторыя реформы. Въ общемъ сѣверо-германское движеніе выказало такую мягкость и устранило такія невыносимыя неустройства, что союзный сеймъ волей-неволей примирился съ его результатами.

Совсѣмъ иначе союзный сеймъ отнесся къ возбужденію въ южно-германской мелкой буржуазіи. Отчасти и здѣсь, какъ въ Баденѣ и Гессенѣ, напр., дѣло шло объ устраненіи феодальныхъ службъ, барщинъ и тяготъ, но по существу своему южно-германское движеніе направлено было противъ позора карлсбадскихъ постановленій. Цѣлью его было преимущественно расширеніе сословныхъ полномочій и свободы печати, и только самыя смѣлыя желанія простирались „до объединенныхъ свободныхъ германскихъ государствъ“. Движеніе носило насквозь мелко-буржуазный характеръ: наряду съ нѣсколькими сильными элементами много болтуновъ, смѣлый задоръ часто въ очень дерзкой формѣ, большая неясность, не столько скрывавшаяся, сколько раскрывавшаяся въ громкихъ словахъ, въ общемъ—много дыма и мало огня. Центромъ этого движенія былъ баварскій рейнскій Пфальцъ, не только потому, что французское право давало ему здѣсь

больше простору, но и потому, что мелко-крестьянское и мелко-буржуазное населеніе этой страны сильно страдало въ матеріальномъ отношеніи. Скованная баденскими, гессенскими, прусскими и французскими таможнями страна задыхалась отъ богатства своихъ продуктовъ. Шопенъ вина стоилъ крейцеръ и столь же низко стояли цѣны на хлѣбъ и мясо. Крестьяне и ремесленники не могли уже больше сколотить свои общинныя и государственныя подати, свои ипотечные платежи; какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ принудительная продажа имущества стала обычнымъ явленіемъ. Кромѣ того, Пфальцъ еще долженъ былъ выплатить баварскому казначейству остатокъ въ нѣсколько милліоновъ; это тяжелое бремя, конечно, не становилось слаще отъ сознанія, что Пфальцъ не имѣетъ ничего общаго съ Баваріей ни въ исторіи, ни въ обычаяхъ, ни въ правахъ и съ тѣми же добрыми чувствами смотрѣлъ на Мюнхенъ, какъ рейнско-прусское населеніе на Берлинъ.

Во главѣ пфальцской агитаціи стояло нѣсколько писателей; между ними наиболѣе одареннымъ и наиболѣе дѣятельнымъ былъ Виртъ изъ Франкена. Со своей газетой онъ переходилъ изъ одного пфальцскаго города въ другой, какъ только гдѣ-нибудь опечатывали ему его станокъ; а если что-нибудь дѣйствительно хоть сколько-нибудь защищало его отъ преслѣдованій баварской полиціи, то это было французское судопроизводство. Онъ организовалъ союзъ печати, цѣлью котораго было провозглашено „основаніе германской имперіи на демократической основѣ“; на 27 мая 1832 года онъ съ товарищами созвалъ собраніе „всѣхъ германцевъ“ въ Гамбахскій замокъ для празднованія „германскаго мая“. Подъ развѣвающимися германскими и польскими знаменами горячилось здѣсь болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, произносились страшно звучащія, а на дѣлѣ безобидныя напыщенныя рѣчи. Этотъ „всегерманскій праздникъ“

послужилъ только прекраснымъ поводомъ для осуществленія давно лелѣемыхъ плановъ реакціи; четыре недѣли спустя были изданы извѣстныя шесть статей. На южно-германскіе сеймы онѣ одѣли ярмо союзнаго сейма, а для соблюденія этихъ статей они назначили особую союзно-полицейскую коммиссію.

Основной нервъ южно-германскаго движенія былъ этимъ уничтоженъ; еще нѣсколько послѣднихъ порывовъ, и оно испустило свой послѣдній вздохъ. Небольшое число радикальныхъ элементовъ, преимущественно изъ студенческихъ круговъ, тайно организовалось, чтобы продолжать сопротивленіе. Не превосходя своимъ числомъ шестидесяти человѣкъ, эта кучка предприняла нападеніе на союзный сеймъ въ лицѣ франкфуртскаго караула его. Незрѣлый заговоръ былъ заранѣе черезъ предателей извѣстенъ полиціи и потерпѣлъ крушеніе еще раньше, чѣмъ заговорщики приступили порядкомъ къ дѣлу. Австро-прусская реакція не полѣнилась, однако, использовать эту необдуманную попытку. Подобно тому, какъ послѣ Гамбаха Меттернихъ воскликнулъ: „Если хорошо использовать гамбахскій праздникъ, то онъ можетъ стать праздникомъ благонамѣренныхъ“, такъ теперь Анциллонъ писалъ изъ Берлина: „Франкфуртское покушеніе можетъ спасти Германію, если поторопиться использовать это происшествіе“. Послѣдовалъ рядъ ужасныхъ насилій надъ страной; неугодныя книги были уничтожены; неугодныя газеты воспрещены; неугодныя личности изгнаны или арестованы, безъ всякихъ или на основаніи неосновательныхъ подозрѣній подвергались мученіямъ слѣдственнаго заключенія, угодствующими судами осуждались на медленную смерть въ крѣпостныхъ казематахъ или въ камерахъ смирительныхъ домовъ.

Послѣдняя вспышка южно-германскаго движенія произошла въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ. Здѣсь въ 1830 году власть перешла къ неспособному

князю, и министръ дю Тиль вошелъ въ сеймъ съ предложеніемъ взять на государственный счетъ два милліона гульденовъ долговъ, сдѣланныхъ новымъ отцомъ страны во время приготовленій своихъ къ полученію высокаго званія. Это было столь дерзкое предложеніе, что въ обычное время весьма покладистый сеймъ и то отклонилъ его. Уже и такъ надъ 700,000 обитателей страны тяготѣли непосильные налоги; двойнымъ бременемъ ложились они на нищенское крестьянское населеніе, которое особенно въ верхнемъ Гессенѣ теряло силы подъ бременемъ феодальныхъ тяготъ, наложенныхъ на нихъ медіатизированнымъ баронствомъ. Осенью 1830 года возстали крестьяне верхняго Гессена; они стали кучками бродить по странѣ,—въ одномъ мѣстѣ разграбятъ таможню, въ другомъ мѣстѣ подожгутъ чиновнику домъ. Дю Тиль увидѣлъ, что насталъ самый удобный моментъ поднять при дворѣ свой престижъ, сильно поколебленный его пораженіемъ въ сеймѣ. Брата великаго герцога онъ поставилъ во главѣ отважнаго войска, и этотъ герой при деревнѣ Сёдель пустилъ своихъ драгунъ на безоружныхъ крестьянъ, не потребовавъ даже отъ нихъ предварительно, чтобы они разошлись; вслѣдствіе этого были ранены и убиты и такія лица, которыя какъ разъ, призывая къ разсудку крестьянъ, пытались убѣдить ихъ въ безнадежности ихъ начинанія. „Кровавая баня въ Сёделѣ“, какъ называлъ народъ это событіе, снова сдѣлала дю Тиля всемогущимъ пашой, но въ массахъ оставила сильное озлобленіе.

Вождемъ гессенскихъ либераловъ былъ ректоръ Вейдигъ въ Буцбахѣ; онъ издавна принадлежалъ къ студенческому союзу христіанско-германскаго направленія, мечталъ объ императорѣ и имперіи, ненавидѣлъ французскую революцію, но отличался силой характера и уваженіемъ къ праву. Среди не арестованныхъ и не изгнанныхъ вождей южно-германскаго движенія только онъ одинъ не воспользовался трусли-

вымъ предлогомъ законности и не отказался отъ общественной дѣятельности, когда насильническая политика союзнаго сейма объявила незаконной общественную агитацію. При помощи тайныхъ обществъ, тайныхъ памфлетовъ, онъ старался увеличить сопротивленіе коварному деспотизму дю Тиля. Около января 1834 года къ нему присталъ Георгъ Бюхнеръ, двадцатилѣтній студентъ естественникъ, два года пробывшій въ страсбургскомъ университетѣ. Бюхнеръ замѣчательно рано созрѣлъ, онъ былъ не только свободомыслящимъ въ религіозныхъ вопросахъ, но, что гораздо важнѣе, такъ ясно понималъ политику, какъ никто изъ выступившихъ тогда на политическую арену въ Германіи. Не то, чтобы онъ былъ соціалистомъ въ англо-французскомъ или современномъ смыслѣ слова; надъ сенъ-симонистами, съ удивительнымъ экземпляромъ которыхъ онъ встрѣтился какъ-то въ Страсбургѣ, онъ смѣялся. Французскую революцію онъ понималъ совсѣмъ иначе, чѣмъ утописты; онъ вынесъ изъ нея убѣжденіе, что деспотизмъ можетъ быть свергнутъ только силою, но что всякая политическая революція, не имѣющая матеріальной основы, не являющаяся необходимой потребностью широкихъ массъ, осуждена на неудачу. Никогда, писалъ онъ своимъ родителямъ изъ Страсбурга, онъ не приметъ участія въ гессенскомъ политиканствѣ и въ какихъ-нибудь революціонныхъ шалостяхъ; онъ отъ души сожалѣлъ о жертвахъ франкфуртскаго покушенія, но онъ не могъ понять ослѣпленія тѣхъ, кто въ нѣмцахъ видѣлъ народъ, готовый къ борьбѣ за право.

Какъ гессенскій уроженецъ, Бюхнеръ въ 1833 году долженъ былъ переселиться въ Гессенъ для завершенія своего университетскаго образованія. Въ этомъ небольшомъ городкѣ, окруженномъ неинтереснымъ ландшафтомъ, на него напала меланхолія; политическія условія стѣсняли его; по собственному выраженію его, ему стыдно было быть рабомъ среди рабовъ, уго-

ждать истлѣвающему княжескому роду и пресмыкающейся чиновной аристократіи. Не менѣе противенъ былъ ему образъ жизни студенчества. Хотя въ Гессенѣ студенчество уже издавна было сравнительно радикально, но и здѣсь оно не хотѣло разстаться съ романтической мишурой и пестрыми лентами; напрасно Бюхнеръ пытался ихъ убѣдить въ томъ, что ихъ долгъ вступить въ сплоченные ряды освободительной арміи; ихъ дѣтское тщеславіе не позволяло имъ сидѣть на одной скамьѣ съ ремесленными подмастерьями. „Друзья мои покидаютъ меня; какъ глухіе, кричимъ мы другъ другу въ уши“, писалъ Бюхнеръ своей невѣстѣ. Однако, пара студентовъ пристала къ нему; сильнѣе всѣхъ привязался къ нему теологъ Августъ Векеръ, умная голова, только слишкомъ мало заботившаяся о себѣ. Отъ Бекера Бюхнеръ узналъ о заговорѣ Вейдига, и жажда революціоннаго дѣла увлекла его попытаться дать болѣе широкую почву, поставить болѣе высокія цѣли тайной агитаціи. На этой почвѣ онъ очень скоро столкнулся съ Вейдигомъ; единственный летучій листокъ, написанный Бюхнеромъ, „Вѣстникъ Гессенской Земли“, Вейдигъ сильно изуродовалъ и исказилъ библейскими вставками, воспользовавшись тѣмъ, что тайная типографія въ Оренбургѣ находилась въ его распоряженіи. Но и въ такомъ видѣ этотъ листокъ разсыпалъ искры изъ огня великой французской революціи. Языкъ его чуждъ напыщенности тогдашнихъ либераловъ; онъ простъ, ясенъ, блещетъ мѣткими сравненіями и полонъ революціонной страстности. Соціалистическихъ мотивовъ въ немъ совсѣмъ не слышно. Бюхнеръ призываетъ гессенскихъ крестьянъ разрушать замки угнетателей, соотвѣтственно тому, что многочисленныя возстанія французскихъ крестьянъ были прелюдіей 1789 года.

Успѣха этотъ листокъ не имѣлъ. Либеральнымъ членамъ заговора онъ показался „слишкомъ рѣзкимъ, даже отвратительнымъ“, а смѣлость крестьянъ подъ

ярмомъ дю Тиля тоже была основательно сломлена. Тѣ листки „Вѣстника Гессенской Земли", которые имъ ночью подсунули въ окна и двери, они трусливо представили властямъ, а остальные были предательски выданы правительству. И Іуда Куль изъ Буцбаха уже въ мартѣ 1833 года заключилъ соотвѣтственный контрактъ съ дю Тилемъ и самимъ великимъ герцогомъ, но какъ разсчетливый барышникъ онъ предавалъ заговорщиковъ постепенно, одного за другимъ, продолжая въ то же время работать среди нихъ какъ агентъ-провокаторъ. Только весною 1835 года сѣть окружила наиболѣе драгоцѣнную добычу, Бюхнера и Вейдига. Истекшую зиму Бюхнеръ провелъ у своихъ родителей въ Дармштадтѣ и здѣсь основалъ незначительное тайное общество, которое по ночамъ собиралось въ садовомъ домикѣ; уже подъ неотступными преслѣдованіями сыщиковъ дю Тиля онъ написалъ свою драму „Смерть Дантона"; это—безпорядочное, но могучее произведеніе, грандіозный набросокъ отрывочныхъ, въ лихорадочномъ возбужденіи написанныхъ, сценъ, воскрешавшихъ тяжелое величіе временъ террора. Однако въ послѣдній моментъ Бюхнеру удалось бѣжать сперва въ Страсбургъ, а оттуда въ Цюрихъ, гдѣ въ февралѣ 1837 года, не достигнувъ еще двадцатичетырехлѣтняго возраста, онъ скончался отъ горячки.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Бюхнера ужасающимъ самоубійствомъ покончилъ свою жизнь и Вейдигъ. Его дю Тиль захватилъ своевременно; опытный во всѣхъ реакціонныхъ фокусахъ, онъ зналъ, какъ превратить юстицію въ развратную слугу администраціи; передавъ этого благороднаго мечтателя въ руки слѣдователя Георги, онъ собственно отдалъ его на произволъ жестокаго, страдающаго запоемъ палача. Безконечныя мученія сломили духовную силу Вейдига; когда затѣмъ онъ и физически былъ опозоренъ ударами кнута, онъ предпочелъ доброволь-

ную смерть. Стекляными осколками онъ вскрылъ себѣ жилы. Когда это было замѣчено, еще можно было спасти его, но Георги и его помощники дали несчастному истечь кровью. Дю Тиль вознаградилъ палача орденомъ и при помощи правительственной поддержки провелъ его выборы въ палату. Неслыханная дерзость исторгла крикъ безсильнаго гнѣва изъ груди связаннаго народа, и она не осталась неотомщённой. Судьба Вейдига опредѣлила судьбу одиннадцатилѣтняго тогда мальчика, бывшаго съ нимъ въ близкомъ родствѣ: его звали Вильгельмъ Либкнехтъ.

2. Экономическіе успѣхи. Новая литература.

Около середины тридцатыхъ годовъ въ Германіи снова воцарилось кладбищенское спокойствіе. Но въ это время, когда князья съ чувствомъ самоудовлетворенныхъ государственныхъ дѣятелей взирали на результаты своихъ патріотическихъ усилій, они, конечно, меньше всего думали, что гораздо успѣшнѣе демагоговъ подкапываютъ свою божьею милостью дарованную власть. Въ началѣ 1834 года вступилъ въ силу прусско-германскій таможенный союзъ, открывшій свободу сношеній на пространствѣ приблизительно 8000 квадратныхъ миль съ тридцатимилліоннымъ приблизительно населеніемъ и противопоставившій эту область, какъ единое цѣлое, иностраннымъ торговымъ державамъ. Годъ спустя окончилась постройка первой гѐрманской желѣзной дороги между Нюрнбергомъ и Фюртомъ. Довольно медленно, но неудержимо Германія уносилась въ великій потокъ мірового обращенія.

Исторія возникновенія таможеннаго союза представляетъ собой трагикомическій примѣръ того, какъ непониманіе правителей находитъ себѣ укротителя въ экономической необходимости. Въ то время всѣ почти европейскія государства оградили себя таможенными пошлинами, растерзанная же Германія оставалась откры-

той для заграничной побѣдоносной конкурренціи и особенно была наводнена англійскими товарами, столь долго запруженными континентальной системой. И вотъ какъ изображали положеніе дѣлъ нижне-рейнскіе фабриканты въ жалобѣ своей на имя прусскаго короля: „наша промышленность, благодаря таможеннымъ линіямъ, не имѣетъ доступа ни на одинъ изъ европейскихъ рынковъ; для европейской же промышленности Германія является свободнымъ рынкомъ". Зато у германской промышленности не было и внутренняго рынка, такъ какъ вся Германія была изрѣзана безчисленными таможенными линіями, такъ что французу де Прадту нѣмцы напоминали заключенныхъ, которые только черезъ рѣшетку могутъ сноситься между собой. Но что особенно смѣшило иностранцевъ, такъ это идеалъ германскихъ деспотовъ, торговля и хозяйственная политика которыхъ руководилась исключительно династическими интересами и причудами. Но они были бѣдны, и нужда въ золотѣ смиряла упорство верховныхъ правителей. Уже въ 1818 году финансовыя соображенія вынудили Пруссію уничтожить всѣ внутреннія таможни и окружить государство одной таможенной линіей, хотя далеко растянувшаяся глубоко изрѣзанная граница очень затрудняла взиманіе пошлинъ. Среднія и мелкія германскія государства, почти всѣ соприкасавшіяся съ прусской границей, благодаря этой мѣрѣ попали, что называется, изъ огня да въ полымя. И какъ бы ясно для нихъ ни было то обстоятельство, что прусско-германскій таможенный союзъ обозначалъ собою начало прусскаго господства, другого выбора для нихъ не оставалось. Они щетинились и ерошились, пока была возможность, много лѣтъ еще прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, но растущая финансовая нужда рѣшала: одинъ за другимъ являлись они и вступали въ таможенный союзъ. Такъ какъ для всѣхъ правительствъ имѣлъ значеніе только финансовый доходъ отъ пошлинъ, а вовсе

или въ незначительной мѣрѣ—не покровительство промышленности, то тарифъ оказался болѣе либеральнымъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ государствахъ континента. Большинство фабрикантовъ, конечно, вопіяло о повышеніи пошлинъ, но для правительства этотъ вопль имѣлъ тѣмъ меньше значенія, что благодаря вывозу ржи крупное землевладѣніе стало горячимъ сторонникомъ свободы торговли.

Напротивъ того, главнымъ рычагомъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ явилась молодая буржуазія. Въ Германіи было очень мало хорошихъ сухопутныхъ и водныхъ путей; къ 1831 году въ Пруссіи шоссе не имѣли протяженія 1100 миль. Тѣмъ скорѣе поняли рейнская и саксонская промышленности, большіе торговые города, вродѣ Лейпцига и Магдебурга, какую важность представляютъ для нихъ желѣзныя дороги. Деспотамъ и ихъ слугамъ дѣло сначала показалось въ высшей степени подозрительнымъ. Прусскій генералъ-почтмейстеръ Наглеръ, остервенѣлый преслѣдователь демагоговъ, занимавшійся люстраціей писемъ въ крупныхъ размѣрахъ, усердно агитировалъ противъ этого „въ высшей степени ограниченнаго и второстепеннаго средства сообщенія“. Этимъ онъ заслужилъ благоволеніе своего монарха, который полагалъ, что ему, какъ помазаннику Божьему, угрожаетъ опасность отъ того, что онъ въ одномъ поѣздѣ со своими возлюбленными подданными поѣдетъ изъ Берлина въ Потсдамъ. Только такіе князья-фантасты, какъ король баварскій и кронпринцъ прусскій, болѣе или менѣе благосклонно относились къ желѣзнымъ дорогамъ; но объ ихъ глубокомъ экономическомъ значеніи и они ничего не подозрѣвали. Верховное непониманіе часто неумѣстно вмѣшивалось въ дѣло постройки германской сѣти желѣзныхъ дорогъ, но задержать ея оно не могло. Желѣзныя дороги пробили первую большую брешь въ китайской стѣнѣ партикуляристскихъ предразсудковъ. Недолго спустя Карлъ Бекъ въ образѣ, отличающемся сомни-

тельной красотой, но пророческимъ смысломъ, воспѣвалъ въ желѣзно-дорожныхъ рельсахъ брачныя узы, блестяще отлитыя обручальныя кольца странъ. Желѣзныя дороги раскрыли сокровища германской земли въ желѣзѣ и въ углѣ; онѣ дали могучій толчокъ крупной промышленности, которая стала проникать теперь въ южную Германію, обосновываться въ Аугсбургѣ, Нюрнбергѣ, Мангеймѣ. Машиностроительные заводы вырастали съ небывалой быстротой, напр., Борзигъ въ Берлинѣ, Крамеръ-Клеттъ въ Нюрнбергѣ.

Однако, ремесло все еще сильно преобладало въ Германіи, и даже пережило новый и послѣдній расцвѣтъ во время экономическаго подъема тридцатыхъ годовъ. Правда, отдѣльные промыслы уже начинали страдать отъ конкурренціи большихъ предпріятій, напр., мыловаренные и кожевенные заводы, перчаточники, шляпники, горшечники, но зато другіе, напр., механики, слесаря, каменотесы были въ выигрышѣ отъ занятій, которыя давала имъ крупная промышленность. Такимъ образомъ потеря и ущербъ уравновѣшивали другъ друга. Въ общемъ же ремесло подымалось; число занятыхъ въ немъ людей возрастало сравнительно быстрѣе, чѣмъ общее число населенія; особенно это обнаружилось въ важномъ промыслѣ булочниковъ и мясниковъ, число которыхъ обыкновенно держится въ строгомъ соотвѣтствіи съ количествомъ населенія, растетъ ли, или убываетъ оно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе проявился и соціальный антагонизмъ между мастерами и подмастерьями. Въ теченіе двадцатыхъ годовъ свободныя мѣста въ ремеслѣ мало-по-малу заполнились; чтобы обосноваться самостоятельно, особенно въ болѣе крупныхъ городахъ, требовались уже нѣкоторыя средства: здѣсь предпріятія увеличивались, но не умножались. Часть подмастерьевъ должна была отказаться отъ надежды стать когда-нибудь мастерами. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ,

когда ремесло переполнялось, избытокъ направлялся въ ряды наемниковъ; этотъ отливъ теперь прекратился или, поскольку онъ еще существовалъ въ видоизмѣненной формѣ, онъ уже больше не привлекалъ здоровыхъ элементовъ изъ среды подмастерьевъ, принимавшихъ уже участіе въ революціонномъ движеніи послѣ 1830 года. Политическая и соціальная нужда гнала ихъ за границу, въ Англію, Францію, Швейцарію. По той же причинѣ въ этомъ десятилѣтіи впервые сильно возросло выселеніе въ Соединенные Штаты: болѣе 130,000 германцевъ переселилось туда противъ 8000 въ двадцатые года.

Какъ всегда, экономическій процессъ шелъ рука объ руку съ естественно-научнымъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь шла химія, геніальнымъ піонеромъ которой явился Либихъ, основавшій въ Гессенѣ первую лабораторію въ высшей германской школѣ. Въ Берлинѣ вокругъ Александра фонъ-Гумбольдта сплотились такіе выдающіеся естествоиспытатели, какъ Эренбергъ, Добэ, оба Розе, Іоганнъ Мюллеръ. Въ расцвѣтавшихъ городахъ начало обнаруживаться сильное недовольство историческими науками въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ тогда преподносились въ германскихъ университетахъ и гимназіяхъ; они основывали политехникумы, промышленныя школы, торговыя училища. Южногерманскія правительства, съ цѣлью содѣйствія ремеслу, приняли въ томъ нѣкоторое участіе; то, что Пруссія дѣлала въ цѣляхъ содѣйствія промышленному развитію, пошло на пользу исключительно крупному капиталу; при всемъ своемъ недовѣріи къ революціонному характеру промышленности, прусскій деспотизмъ инстинктивно привѣтствовалъ крупный капиталъ, какъ новое оружіе эксплоатаціи и угнетенія.

И вотъ началъ таять ледъ и въ области литературы и политики. Сперва горячее дыханіе іюльской революціи коснулось мертвыхъ массъ. Желѣзными стихами сталъ клеймить Платенъ палачей Польши,

деспотизмъ и его прислужниковъ, кнутъ и палку. Горячій перекрестный огонь по германскому деспотизму открыли Берне и Гейне. Оба они поспѣшили въ Парижъ и съ страстнымъ сочувствіемъ пережили послѣдніе восторги и первое разочарованіе іюльской революціи. И скоро Берне высмѣивалъ уже конституціонную монархію, называя ее уродомъ съ двумя спинами, предназначенными для полученія побоевъ и съ той и съ другой стороны. Онъ выросъ въ гетто Франкфурта на Майнѣ, въ томъ свободномъ городѣ, гдѣ уже ничего не осталось отъ духа Гете, величайшаго изъ его сыновей, гдѣ, наряду съ суетой средневѣковаго величія, осязательно въ лицѣ союзнаго сейма давало себя чувствовать политическое убожество современности, гдѣ изъ самой грязной въ мірѣ еврейской улицы вышла величайшая финансовая династія вѣка, гдѣ продажная денежная олигархія сумѣла соединить жестокосердое угнетеніе и дряхлое мѣщанство съ космополитической погоней за прибылью. Всѣ эти рѣзкія противоположности очень рано уже запечатлѣлись въ мягкой душѣ Берне, и глубокій умъ его даже въ зрѣлые годы не сумѣлъ ихъ примирить. Онъ любилъ Германію, любилъ свободу, крѣпкіе удары умѣлъ онъ наносить поносителямъ ихъ, но спасти ихъ не могъ тотъ, кто называлъ Гете — рифмованнымъ, а Гегеля — перерифмованнымъ рабомъ. Гораздо болѣе богатой была натура Гейне; это былъ сынъ трудолюбивой области нижняго Рейна, сладчайшій изъ пѣвцовъ, которыхъ видѣла Германія со временъ юности Гете, сознательный ученикъ Гегеля. Когда вѣсть о великой іюльской недѣлѣ дошла къ нему на Гельголандъ, онъ запѣлъ радостную пѣснь, исполненную огненной отваги. Въ своихъ путевыхъ наброскахъ, проникнутыхъ культомъ Наполеона, онъ спѣлъ романтикѣ ея лебединую пѣснь и защищалъ буржуазную культуру Рейнской области передъ феодальной некультурностью прусскаго юнкерства; съ геніальнымъ пониманіемъ

проникъ онъ въ глубочайшую сущность французскаго соціализма. Французамъ онъ раскрывалъ тайны германской философіи и предсказывалъ то, чего никто еще не подозрѣвалъ: что германскіе мастеровые и рабочіе станутъ наслѣдниками своихъ великихъ философовъ.

Платенъ, Берне, Гейне боролись за границей; германская цензура дѣлала невозможной ихъ свободную смѣлую рѣчь. Но въ серединѣ тридцатыхъ годовъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ экономическомъ положеніи вещей и въ самой Германіи стали пробиваться изъ-подъ ледяного литературнаго покрова разные ручьи и ручейки. Въ томъ же году, когда Германія увидѣла первую желѣзную дорогу, появился цѣлый рядъ значительныхъ литературныхъ произведеній: „Исторія германской литературы" Гервинуса, пытавшаяся сдѣлать изъ германской классической литературы орудіе въ борьбѣ за политическую эмансипацію германской буржуазіи, „Эпигоны" Иммермана, въ которыхъ обрисовывалась борьба феодализма и индустріализма, первыя произведенія Фрейлиграта, развертывавшія въ яркихъ краскахъ область міровой торговли, „Мадонна" Мундта и „Валли" Гуцкова, гнавшіяся по окольнымъ путямъ философіи и религіи за лаврами Берне и Гейне, наконецъ, „Жизнь Христа"—Штрауса.

И только эта послѣдняя научная работа швабскаго теолога, которая, повидимому, была очень далека отъ борьбы современности, имѣла революціонизирующее дѣйствіе. Книга Гервинуса осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, потому что самъ онъ былъ еще слишкомъ большимъ филистеромъ для того, чтобы поучать филистеровъ; классической литературы онъ довольно часто не понималъ, а классической философіи онъ вообще не понималъ. Молодой Фрейлигратъ жилъ въ состояніи политической невинности, а старый Иммерманъ самъ сознавался, что въ немъ нѣтъ политической жилки; съ высокомѣріемъ не то стараго прус-

скаго чиновника, не то маленькаго Гете смотрѣлъ онъ сверху внизъ на попытки дворянства реставрировать средневѣковье, на богатство третьяго сословія, на студенческую демагогію, на министровъ, занимающихся гегелевской философіей; онъ заявлялъ, что ему совершенно безразлично, заплатитъ ли мастеръ Гинцъ грошомъ больше налоговъ, запретятъ ли профессору Кунцу напечатать свой скверный памфлетъ. Наконецъ, „Молодая Германія“, Мундтъ, Гуцковъ, Лаубе, всѣ страдали проклятіемъ половинчатости. Они хотѣли вернуть простымъ смертнымъ ихъ права, но они не хотѣли того, что Гуцковъ порицалъ въ Берне: во всемъ винить королевскую власть. Это значило запрягать лошадей позади телѣги, потому что тогда въ Германіи всему виной были деспоты, и Георгъ Бюхнеръ съ обычной для него ясностью говорилъ, что этой половинчатости онъ понять не можетъ.

Въ писаніяхъ Молодой Германіи дѣлалъ свои первые шаги сѣверо-германскій либерализмъ, немножко безтолковый отъ рожденія, окрашенный гегельянствомъ, начиненный романтикой съ сенъ-симонистскимъ душкомъ. У Мундта можно уже найти „слѣды чисто прусскіе“; считавшійся демагогомъ Лаубе ѣздилъ по порученію прусскаго министра полиціи въ Страсбургъ, чтобы составить докладъ о бонапартистскихъ стремленіяхъ; онъ написалъ чахлую исторію литературы въ противовѣсъ Гервинусу, „доктринерство“ котораго казалось ему слишкомъ грубымъ. Мысль о сомнѣвающейся „Валли“ зародилась у Гуцкова подъ вліяніемъ штраусовской „Жизни Христа“; но это было слабо-сентиментальное произведеніе; выведенныя тамъ сомнѣнія были столь невинны, что піэтистская реакція пятидесятыхъ годовъ допускала эту книгу въ школьныя библіотеки; появленіе ея однако вызвало анаѳему союзнаго сейма на произведенія Берне, Гейне и Молодой Германіи. Берне и Гейне это обстоятельство придало только больше одушевленія,

но Молодая Германія стала безнадежно чахнуть. Наиболѣе одаренный и честный изъ ея представителей Карлъ Гуцковъ послѣ появленія галльскихъ ежегодниковъ призналъ, что продолженіе великой борьбы новаго времени требуетъ другого оружія, чѣмъ то, которымъ онъ умѣетъ владѣть.

3. Борьба философіи съ романтикой.

Давидъ Штраусъ такъ же мало отличался революціонной жилкой, какъ и Иммерманъ, а въ особенности Гуцковъ. Это былъ швабскій магистръ и теологъ, обыкновенный мѣщанинъ, даже не мелкій буржуа; это былъ вѣчно озабоченный человѣкъ, который все лучше и лучше понималъ погоню растущаго капитализма за все большей прибылью, но съ революціей въ буржуазныхъ ея формахъ всегда боролся, а революцію въ пролетарскихъ формахъ всегда позорилъ. Наполовину поэтъ, наполовину философъ, онъ сперва увлекся мистической натуръ-философіей Шеллинга, затѣмъ бродилъ въ дебряхъ магнитизма и сомнамбулизма, пока при помощи гегелевской діалектики ему не удалось примирить свое сердце съ головой. Вооруженный этой діалектикой, онъ написалъ критику евангельскаго преданія; для того же, чтобъ его могъ понять только оффиціальный ученый міръ, онъ нарочно писалъ темнымъ языкомъ учености.

Несмотря на то, книга его стала началомъ новой эры. Когда реймаровская критика библіи, отличающаяся связностью изложенія, но незначительной глубиной выводовъ, побудила философскій духъ Лессинга изслѣдовать значеніе религіи въ жизни человѣчества, то, послѣ ряда глубокомысленныхъ работъ, германская философія религіи получила свое завершеніе въ трудахъ Гегеля: божество было введено въ исторію, а исторія въ понятіе о божествѣ; и вотъ Штраусъ со своей критикой библіи снова пошатнулъ это гордое духовное зданіе. Тамъ, гдѣ просвѣщеніе восемнадца-

таго столѣтія перестало быть практическимъ, тамъ это начала дѣлать германская философія девятнадцатаго вѣка. Что же, однако, давала „Жизнь Христа“ Штрауса общественнымъ интересамъ? Самъ Штраусъ никогда не сумѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, и эта мучительная загадка отравила ему всю его жизнь. Но загадка эта далеко не относится къ числу неразрѣшимыхъ.

Іюльская революція была той озаряющей молніей, при свѣтѣ которой стало видно, что мостъ, переброшенный Гегелемъ между вѣчнымъ разумомъ и прусской дѣйствительностью, сотканъ изъ паутины. Положеніе, которое принялъ Гансъ по отношенію къ исторической школѣ права, было только прелюдіей совсѣмъ новой оперы. Если никто другой, то это поняла единственная изъ дѣйствительно существовавшихъ тогда партій — феодальная. Съ большою смѣлостью она водрузила знамя романтической государственной науки, знамя Адама Мюллера и Галлера; въ прусскомъ кронпринцѣ она нашла себѣ могущественнаго защитника; въ Ярке, Лео и Генгстенбергѣ, трехъ бывшихъ членахъ студенческихъ союзовъ, талантливыхъ выразителей; изъ „Евангелической Духовной Газеты“ и изъ „Политическаго Еженедѣльника“ они сдѣлали два вліятельныхъ органа. Ихъ сильно католизирующее направленіе было слѣдствіемъ ихъ средневѣковыхъ идеаловъ и преобладающаго вліянія французской романтики. „Политическій Еженедѣльникъ“ на заглавной страницѣ былъ украшенъ девизомъ изъ Мэстра, а редакторъ его Ярке открыто перешелъ въ католицизмъ; что касается папской ортодоксальности Генгстенберга и историческихъ воззрѣній Лео, то они и безъ того имѣли много точекъ соприкосновенія съ католицизмомъ. Послѣ того, какъ южно-германскій либерализмъ былъ разбитъ, а сѣверо-германскій еще только шевелился, какъ во снѣ, само собой случилось такъ, что романтическая реакція

прежде всего выступила въ религіозной области. Религію она сдѣлала интересомъ короля и юнкерства. Она предпочла оспаривать гегелевскую философію религіи, чѣмъ его философію права.

Вопросъ объ истинности евангельскаго преданія былъ для германской классической литературы и философіи вопросомъ рѣшительнымъ. Самъ Гегель заявилъ, что поскольку священная исторія затрагиваетъ обыкновенныя историческія, конечныя, внѣшнія явленія, ее надо разсматривать, какъ всякую обыкновенную исторію, что въ дѣлѣ вѣры знаніе обыденныхъ дѣйствительныхъ событій значенія не имѣетъ. Романтическая же реакція основывалась именно на дѣйствительности этихъ исторій; отъ устойчивости послѣднихъ зависѣла и ея устойчивость. Въ этой области, слѣдовательно, и должно было произойти первое столкновеніе между философіей и романтикой. Штраусъ выступалъ въ защиту того воззрѣнія, что историческая критика имѣетъ неограниченное право провѣрки евангельской исторіи. Критика, которой онъ, дѣйствительно, подвергъ послѣднюю, дѣлала окончательно невозможной искреннюю вѣру въ историческую правду Евангелія. Но если въ качествѣ гегельянца Штраусъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи совсѣмъ другое оружіе, чѣмъ Реймарусъ въ свое время, то и результаты, къ которымъ онъ пришелъ, были совсѣмъ иные. Вмѣстѣ съ Гегелемъ онъ признавалъ гармонію божественной и человѣческой природы. Соотвѣтственно съ этимъ Евангеліе было для него не исторіей, не поэтическимъ вымысломъ, а миѳомъ, народнымъ сказаніемъ, безсознательнымъ продуктомъ творчества христіанской общины. Въ сущности говоря, это ничего не объясняло, но гегелевская абсолютная идея была нѣсколько поколеблена. Изъ обѣихъ противоположностей, высшимъ обобщеніемъ которыхъ она являлась, изъ субстанціи и изъ самосознанія, Штраусъ приписалъ роль творца христіанскаго миѳа таинственной субстан-

ціи. Оставалось ожидать, что самосознаніе не примирится съ такой неожиданной отставкой.

Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія становится понятнымъ необычайное впечатлѣніе, произведенное появленіемъ „Жизни Христа" Штрауса. Она наносила уничтожающій ударъ интересамъ королевской власти и увлекала далеко за ея собственные предѣлы гегелевскую абсолютную идею, въ которой всемірная исторія нашла свое завершеніе. Въ то время какъ старые гегельянцы продолжали повторять по тетрадкѣ слова учителя, молодые ученики его поняли, что внутренняя суть его философіи не въ покоѣ, а въ движеніи, не въ застоѣ, а въ развитіи, не въ системѣ, а въ методѣ. Они сплотились подъ знаменемъ „Галльскихъ ежегодниковъ", которые съ 1838 года издавались двумя молодыми учеными, Теодоромъ Эхтермейеромъ и Арнольдомъ Руге. Душой предпріятія былъ Арнольдъ Руге, померанецъ съ острова Рюгена; еще студентомъ онъ за принадлежность къ студенческому союзу поплатился, благодаря неистовому преслѣдованію демагоговъ, заключеніемъ въ Кепникѣ и Кольбергѣ. Онъ обладалъ многими качествами хорошаго публициста: философскимъ образованіемъ, прилежаніемъ, энергіей, жаждой борьбы, и вообще онъ былъ достаточно тяжелымъ молотомъ для толстой колоды реакціи. Однако за всѣми разнообразными ругательствами, которыя постоянно расточались имъ, скрывался не столько настоящій революціонеръ, сколько ворчливый и упрямый филистеръ. Счастливыми браками Руге обезпечилъ себѣ беззаботное существованіе и объявилъ „длинноухимъ кисляямъ", что онъ, галльскій домовладѣлецъ, городской гласный, мировой судья, санитарный коммиссаръ и нѣкогда даже преслѣдуемый демагогъ, на основаніи „многихъ своихъ юридически-запутанныхъ столкновеній" считаетъ прусское государственное управленіе свободнымъ и справедливымъ. При помощи „Галльскихъ ежегодниковъ" онъ

хотѣлъ только вдохнуть свѣжую струю въ стоячее болото существовавшихъ литературныхъ газетъ; онъ снова хотѣлъ сблизить науку съ жизнью въ противоположность „Берлинскимъ ежегодникамъ“, которые были превращены старыми гегельянцами въ органы, полные сухой пыли. Во время своей агитаторской поѣздки онъ старался пробудить къ жизни все молодое, независимо отъ направленія; къ сотрудникамъ „Галльскихъ ежегодниковъ“ принадлежалъ пока и Лео.

Самъ Руге сказалъ какъ то, что то, что его органъ такъ рано вступилъ въ бой съ романтикой „это было очень противъ его желанія“.

Реакція инстинктивно чувствовала, что почва колеблется подъ ея ногами, но своими неловкими, тяжелыми ударами она только вызвала то сопротивленіе, котораго сама опасалась. Тѣ же самые геттингенскіе профессора, которые осенью 1837 года свысока отнеслись къ Руге, еще въ томъ же году были изгнаны изъ страны своимъ исконнымъ королемъ за то, что честь для нихъ стояла выше ихъ службы. Свободная и справедливая Пруссія поддержала насильственный актъ „Вельфа“, а министръ фонъ Роховъ нашелъ даже крылатое слово объ ограниченномъ разумѣ подданныхъ для того, чтобы выставить въ смѣшномъ свѣтѣ сочувствіе прусскихъ городовъ къ смѣлому поступку семи гетингенцевъ. Въ то же самое время прусскій деспотизмъ навѣки осрамилъ себя тѣмъ, что, вопреки своимъ средневѣково-романтическимъ симпатіямъ, сцѣпился съ римской куріей въ вопросѣ о смѣшанныхъ бракахъ; его жандармская политика по отношенію къ католическимъ епископамъ тогда въ первый, но далеко не въ послѣдній разъ, сплела интересы гражданской свободы съ интересами ультрамонтанства. Прусскіе романтики были этимъ поставлены въ затруднительное положеніе. Когда Лео узналъ объ арестѣ кельнскаго архіепископа, онъ говорилъ, что будетъ подстрѣливать гегельянцевъ, какъ зайцевъ, но затѣмъ

по своей или чужой волѣ долженъ былъ писать противъ „Вельфа“ Герре, который съ ультрамонтанской точки зрѣнія осыпалъ прусское государство ѣдкими насмѣшками. Этотъ моментъ Руге счелъ самымъ подходящимъ для того, чтобы развѣнчать своего друга Лео, какъ философа, и разбить въ дребезги весь его багажъ, представлявшій собой, правда, не болѣе, какъ возъ разбитыхъ горшковъ. Съ своей стороны Лео, могущій безъ особаго труда помѣряться съ Руге въ остроуміи, образованности, а особенно въ грубости, сталъ доказывать, что секта гегельянцевъ представляетъ государственную опасность, такъ какъ она отрицаетъ личнаго Бога, Евангеліе объявляетъ миѳомъ, оспариваетъ безсмертіе, проповѣдуетъ религію земной жизни и, несмотря на все это, выдаетъ себя за христіанскую партію. Это и былъ моментъ, когда между философіей и романтикой завязалась открытая борьба.

Но „Галльскіе ежегодники“ все еще оставались „гегельянскими христіанами и гегельянскими пруссаками“. Прусское чиновничье и военное государство все еще оставалось ихъ идеаломъ; за филистерскую статью о Гейне Руге даже заслужилъ сочувствіе министра народнаго просвѣщенія, въ залахъ котораго оффиціальное гегельянство нашло себѣ послѣдній пріютъ. Но передъ кронпринцемъ и его романтической свитой министръ просвѣщенія Альтенштейнъ и его тайный совѣтникъ Шульце оказались слишкомъ слабыми или слишкомъ трусливыми: большаго, они немогли сдѣлать, какъ только стыдливо терпѣть младо гегельянцевъ. Слезныя просьбы Руге о государственномъ признаніи его заслугъ оказались безуспѣшными, и „Галльскіе ежегодники“ постепенно все болѣе склонялись въ сторону политической оппозиціи. Они говорили, что принципъ прусскаго государства, протестантизмъ со всѣми его разумными послѣдствіями, какъ прежде, такъ и теперь, остается истиной, но что современное состояніе Пруссіи будетъ уничто-

жено его развитіемъ и противорѣчитъ его сущности. Руге хотѣлъ, какъ и въ литературѣ, такъ и въ политикѣ „на смерть затравить“ романтику, но эта, какъ онъ ее называлъ, „старая непрактичная дама“ предупредила его; въ лицѣ Фридриха Вильгельма VI она заняла престолъ и толкнула „Галльскіе ежегодники“ въ ту самую яму, которую Руге копалъ для нея.

Глава пятая.

Коммунизмъ подмастерьевъ.

I. Тайныя общества германскихъ бѣглецовъ.

Лео и Руге были главными боевыми пѣтухами романтики и философіи и, ожесточенно нападая другъ на друга, оба одинаково горячо утверждали, что каждый изъ нихъ остался вѣренъ своему студенческому прошлому; въ извѣстномъ смыслѣ слова каждый изъ нихъ дѣйствительно могъ это утверждать. Подъ вліяніемъ ускорившагося хода экономическаго развитія различныя теченія, входившія въ составъ студенческаго движенія, должны были раздѣлиться. Болѣе того, большинство академически образованныхъ „смутьяновъ“ такъ основательно примирились съ господствующею властью, что прусскіе мандарины изъ тѣхъ, которые никогда не совращались на стезю нечестивыхъ, завистливо покачивали своими косами и пошучивали: самую быструю карьеру дѣлаетъ раскаявшійся демагогъ.

Но подобное же раздѣленіе вслѣдствіе подобныхъ же причинъ произошло и среди революціонныхъ элементовъ, закинутыхъ волной реакціи за прусскую границу. Разница только была въ томъ, что свободный воздухъ другихъ странъ или развивавшаяся тамъ уже классовая борьба, а также въ не

малой степени и непрекращавшіяся преслѣдованія германскихъ правительствъ, перемѣстили центръ тяжести этого раздѣленія не въ сторону реакціи, но въ сторону революціи. На нейтральной почвѣ Швейцаріи германскіе бѣглецы встрѣчались съ итальянскими и польскими товарищами по несчастью, которые подобно имъ терпѣли преслѣдованія отъ Меттерниха и его прислужниковъ; во Франціи же они близко должны были подойти къ соціалистическому движенію. Это обстоятельство подвергало серьезному испытанію то, что еще оставалось въ германскихъ бѣглецахъ специфически нѣмецкаго; среди главныхъ составныхъ группъ германской эмиграціи мастеровые лучше выдержали эту пробу, чѣмъ студенты, изъ которыхъ только самые дѣльные элементы сумѣли развиться дальше болѣе или менѣе застывшаго радикализма.

Парижъ былъ тогда столицей европейской революціи; когда легальное „народное общество для поддержки южно-германской оппозиціонной прессы“ было закрыто французскимъ правительствомъ, здѣсь въ 1834 году возникла первая тайная организація германскихъ бѣглецовъ, „союзъ опальныхъ“. Согласно уставу, цѣлью его было: освобожденіе и возрожденіе Германіи, достиженіе и сохраненіе соціальнаго равенства, свободы, гражданской доблести и народнаго единства. Этотъ союзъ преслѣдовалъ тѣ же демократически-республиканскія цѣли, какъ и французское „Общество человѣческихъ правъ“; подобно послѣднему, онъ былъ организованъ, какъ конспиративное общество, въ іерархическія ступени, съ безусловнымъ повиновеніемъ по отношенію къ тайнымъ главамъ. Среди руководителей этого союза было два бывшихъ приватъ-доцента: Теодоръ Шустеръ изъ Геттингена и Яковъ Венедей изъ Гейдельберга; послѣдній былъ уроженцемъ города Кельна; по требованію мѣстныхъ властей онъ былъ арестованъ, какъ участникъ амбахскихъ торжествъ, но молодой Іоганъ Филиппъ Беккеръ

освободилъ его въ городкѣ Франкенталѣ на пути черезъ Рейнскій Пфальцъ въ прусскую тюрьму. Главную массу членовъ союза составляли нѣсколько сотъ мастеровыхъ, не только изъ поселившихся въ Парижѣ, но и изъ странствующихъ подмастерьевъ, которые черезъ болѣе или менѣе короткое время возвращались въ Германію. Союзъ долженъ былъ поддерживать именно такого рода отношенія, если онъ хотѣлъ упрочить связь съ Германіей; это ему и удалось по отношенію къ цѣлому ряду большихъ городовъ, какъ-то: Ганноверъ, Бременъ, Берлинъ, Лейпцигъ, Мюнхенъ, Франкфуртъ, Майнцъ. Но уже въ 1841 году, когда полиція пронюхала объ этомъ союзѣ, онъ уже чахнулъ и былъ, такъ сказать, безнадеженъ.

Зародыши этого разложенія можно найти уже въ первыхъ выпускахъ „Опальнаго", ежемѣсячника, игравшаго роль органа союза и издававшагося Венедеемъ съ 1834 года. Этотъ органъ дебютировалъ мечтательной статьей Берне относительно „Рѣчей вѣрующаго", опубликованныхъ только что Ламеннэ; статью свою Берне озаглавилъ „Спасеніе", а время появленія этого соціализма религіознаго чувства, который въ библейскомъ стилѣ проповѣдывался этимъ бывшимъ піонеромъ мірового владычества папъ, Берне назвалъ весной народовъ. Венедей тоже примкнулъ къ Ламеннэ именно къ слѣдующему его положенію: всякій въ правѣ сохранить то, что ему принадлежитъ, иначе потеряло бы смыслъ всякое владѣніе; всякій въ правѣ трудомъ добыть себѣ то, чего онъ не имѣетъ, иначе бѣдность стала бы вѣчнымъ состояніемъ. Какъ эта мудрость ни дешево стоитъ, однако тотъ самый Венедей, имя котораго потомъ вошло въ поговорку о специфической нѣмецкой глупости, сказалъ по этому поводу не мало крѣпкихъ словъ. Ему улыбалась пропаганда голода, на кровавомъ боевомъ знамени котораго было написано: у насъ нѣтъ работы и нечего ѣсть. Развивающійся же классовый антагонизмъ буржуазіи и пролетаріата онъ старался замазать. Онъ

отрицалъ, что нужда ліонскихъ и манчестерскихъ фабричныхъ рабочихъ отличается чѣмъ-то особеннымъ отъ нужды всѣхъ угнетенныхъ. Онъ утверждалъ, что политическая свобода будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ соціальное равенство, которое установится путемъ поддержки нуждающихся, обезпеченія всѣмъ необходимымъ, путемъ обложенія налогомъ предметовъ роскоши. Споры о томъ, что будетъ послѣ революціи, онъ считалъ излишними". „Если свирѣпый звѣрь,—говорилъ онъ,—прорвется черезъ заборъ въ стадо и начнетъ неистовствовать въ немъ, то пастухи прежде всего убьютъ его, а потомъ только начнутъ обсуждать, какъ построить лучшую изгородь для защиты отъ хищныхъ звѣрей".

Противъ этого въ пятомъ выпускѣ „Опальнаго" возсталъ Шустеръ. Онъ говорилъ, что различныя возрѣнія на лучшее государственное устройство имѣютъ своимъ источникомъ лицемѣрный классовый эгоизмъ. Для неиспорченнаго же ума существуетъ только одна соціальная истина: человѣческое равенство, а при настоящихъ условіяхъ одно только средство достиженія его: революція. „Распространяйте это ученіе энергично среди тѣхъ классовъ, которые не испорчены еще извращеннымъ знаніемъ и шаткой моралью, среди которыхъ живъ еще здравый смыслъ и честное безкорыстіе, кто сильнѣе всѣхъ заинтересованъ въ измѣненіи нашего государственнаго строя въ смыслѣ справедливости,—словомъ, среди рабочихъ; развивайте передъ ними умѣло возможность и пользу такого измѣненія, и тогда, конечно, не придется опасаться какихъ бы то ни было партій". При помощи историческихъ доказательствъ Шустеръ остроумно показалъ безсмысленность игры въ революцію ради самой революціи; свободные законы и конституціи никогда не принесутъ пользы, если они не приспособлены къ тому организму, который они должны регулировать.

Особенно подробно показываетъ Шустеръ на Сѣверо-

Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, что соціальныя условія опредѣляютъ политическій строй, а не наоборотъ. „Къ счастью бѣдныхъ гражданъ Сѣверной Америки населеніе тамъ рѣдко и разсѣяно по громадной территоріи; послѣдствіемъ этого является то, что значительнѣйшая доля населенія снискиваетъ себѣ пропитаніе въ земледѣліи и, благодаря ему, сравнительно обезпечена и довольно независима. Дѣятельное занятіе земледѣліемъ въ Сѣверной Америкѣ косвенно вліяетъ на фабричную и ремесленную промышленность въ городахъ. Число рабочихъ рукъ тамъ не такъ велико, на трудъ, слѣдовательно, большій спросъ, заработокъ рабочихъ повышается, а съ заработкомъ— ихъ развитіе, независимость". Это именно тѣ причины, которыя замедляютъ ростъ маммоны въ Соединенныхъ Штатахъ; „да и то послѣднія сцены при выборахъ въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи показываютъ, что два класса, враждебные другъ другу по интересамъ своимъ и политическимъ цѣлямъ, не могутъ мирно ужиться другъ съ другомъ и въ демократическомъ строѣ; борьба ихъ необходимо должна кончиться или уничтоженіемъ конституціи, формально или по существу, или же полнымъ уничтоженіемъ привилегированнаго класса путемъ соціальной революціи". Фактически будто бы политическія условія въ Соединенныхъ Штатахъ „вовсе не ушли такъ далеко, сравнительно съ европейскими монархіями. И тамъ, и здѣсь роскошествуютъ бездѣльники, нуждаются въ необходимомъ труженики, и тамъ, и здѣсь властвуютъ богатство и порокъ, повинуется бѣдность и добродѣтель, и тамъ, и здѣсь нѣтъ другого выхода изъ тяжелыхъ условій современности, какъ черезъ шлюзы соціальной революціи".

Затѣмъ Шустеръ обращается къ цѣлительнымъ средствамъ Веведея: къ обложенію богатыхъ для поддержки бѣдныхъ. Онъ соглашался съ тѣмъ, что налоги въ Америкѣ не такъ высоки, какъ въ Европѣ, но становится ли отъ этого распредѣленіе ихъ болѣе

справедливымъ? Главнѣйшимъ образомъ они состоятъ изъ косвенныхъ налоговъ и ввозныхъ пошлинъ, а они давятъ на бѣднаго большей тяжестью, чѣмъ на богатаго. Еще ничего не слышно о томъ, чтобы американскіе государственные люди на доходы отъ налоговъ создали что-нибудь общеполезное, сдѣлали что-нибудь для учрежденій первѣйшей необходимости и пользы, для учрежденій, могущихъ способствовать благосостоянію трудящихся классовъ: для распространенія среди нихъ ассоціацій предоставленіемъ безпроцентныхъ капиталовъ, для освобожденія рабочихъ изъ грабительскихъ рукъ капитала при помощи этихъ ассоціацій, для учрежденія на государственный счетъ промышленныхъ учрежденій въ пользу нуждающихся рабочихъ, для учрежденія многочисленныхъ и хорошихъ пріютовъ для сиротъ, голодающихъ калѣкъ и необезпеченныхъ стариковъ. Правда, по существу дѣла нельзя порицать американское правительство за то, что оно употребляетъ общественные доходы главнымъ образомъ для облегченія сношеній устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и т. п. Однако, ясно и то, что это увеличиваетъ богатство богатыхъ и бѣдность бѣдныхъ. „Я говорю: увеличиваетъ, потому что страна населяется, умножаются промышленные центры, какъ разъ пропорціонально сокращенію разстояній, увеличенію скорости путей сообщенія. Начинается оживленная конкурренція, конкурренція предпринимательскихъ капиталовъ и рабочихъ рукъ; падаютъ цѣны на продукты, а съ ними и вознагражденіе за трудъ. Все предсказываетъ крушеніе общественнаго счастія. И среди всеобщаго упадка подымается только богатство отдѣльныхъ лицъ, безграничный, жадный, ненасытный капиталъ. Ему принадлежатъ плоды чужихъ усилій, ему принадлежитъ наслажденіе промышленнымъ трудомъ многихъ, наслажденіе утонченнымъ искусствомъ, ему принадлежатъ благословенія за всѣ добрыя дѣла и за всѣ жертвы

общества. Съ богатствомъ растетъ жажда прибыли, съ жаждой прибыли—духъ предпріимчивой изобрѣтательности; появляются машины, замѣняющія человѣческій трудъ, новый источникъ голода и нищеты, и такимъ образомъ при нашемъ общественномъ строѣ каждый успѣхъ въ промышленности и въ искусствѣ обозначаетъ собой шагъ назадъ въ гражданскомъ счастьѣ и въ ходѣ развитія человѣчества".

На основаніи этихъ предпосылокъ Шустеръ приходитъ къ выводу, что германскій народъ и всѣ народы земли совершатъ преступленіе по отношенію къ своему спасенію, преступленіе по отношенію къ человѣчеству, если неудача республики Соединенныхъ Штатовъ не послужитъ для нихъ достаточнымъ урокомъ и если они найдутъ возможнымъ ограничиться тѣмъ, чтобъ свергнуть иго короля и потомъ подчиниться лавочникамъ. Если уже должно взойти солнце для народа, то предстоящая революція должна поставить себѣ задачей не сверженіе монарха, но сверженіе монархіи. Но сущность монархіи заключается не въ гербѣ, не въ королевской коронѣ, но въ существованіи правопреимуществъ, а преимуществомъ передъ всѣми преимуществами является богатство. Уложитъ топоръ революціи этого врага, и вмѣстѣ съ нимъ падутъ троны, дворянство, купеческое чванство, какъ каменная стѣна, со своимъ фундаментомъ. Останется врагъ этотъ невредимымъ, и все остальное снова возстанетъ на его плечахъ, пока новая буря не снесетъ новой постройки.

На эти краснорѣчивыя разсужденія Венедей отвѣтилъ радикальными общими мѣстами, которыя доказывали только то, что онъ даже не понялъ взглядовъ Шустера. Въ 1835 году французское правительство выслало его, а по милости союзнаго сейма германскіе ремесленники получили приказаніе оставить Парижъ. Эти мѣропріятія конечно, послужили къ тому только, что въ Союзѣ Опальныхъ пролетарскіе элементы выразились еще сильнѣе. Въ статьѣ о свободѣ,

появившейся безъ подписи, но, повидимому, принадлежавшей перу Шустера, „Опальный“ говоритъ: „Да! Мы заявляемъ это друзьямъ и врагамъ нашимъ: мы вовсе не намѣрены ограничиться театральнымъ фарсомъ перемѣны правительства и конституціи; въ послѣднее время это очень часто удавалось и притомъ насчетъ народа; наша цѣль лежитъ дальше, и такъ какъ не въ нашемъ характерѣ вводить кого-нибудь въ заблужденіе ни изъ расположенія, ни изъ злобы, то мы уже теперь провозглашаемъ громко: наша цѣль заключается въ радикальной соціальной и политической эмансипаціи трудящихся классовъ“.

Спустя недолго послѣ образованія этого союза и въ Щвейцаріи возникла первая организація германскихъ бѣглецовъ. Отсюда и Мадзини въ 1834 году въ февралѣ мѣсяцѣ предпринялъ свое вооруженное вторженіе въ Савойю при поддержкѣ германскихъ революціонеровъ. Савойскій походъ потерпѣлъ неудачу, и вотъ Мадзини организовалъ молодую народную Европу противъ старой королевской Европы. Эта молодая Европа состояла изъ Молодой Германіи, Молодой Италіи и Молодой Польши, къ которымъ позже примкнули Молодая Франція и Молодая Швейцарія. Какъ понятно изъ самаго факта верховнаго руководства Мадзини, молодая Европа была чужда соціалистическихъ тенденцій; въ актѣ объ учрежденіи „братскаго союза,“ помѣченномъ апрѣлемъ 1834 года, свобода, равенство и человѣчность объявлены тѣми тремя неприкосновенными элементами, которые одни только могутъ разрѣшить соціальную проблему; въ другомъ манифестѣ говорится даже о святости собственности. Между тѣмъ по тѣмъ же причинамъ, какъ Союзъ Опальныхъ, и Молодая Германія должна была ограничиться агитаціей среди германскихъ ремесленниковъ въ Швейцаріи. Швейцарская свобода союзовъ и собраній давала имъ больше простора, чѣмъ Союзъ Опальныхъ въ Парижѣ; члены Молодой Германіи основали рабочіе ле-

гальные союзы: образовательные, для чтенія, пѣвчіе, гимнастическіе и др.; въ нихъ они работали надъ германскими подмастерьями и набирали новыхъ рекрутовъ. Молодая Германія распространилась по Берну, Цюриху, Женевѣ, Билю, Солотурну, С. Галлену, Лозаннѣ и другимъ городамъ Швейцаріи.

Съ парижскимъ союзомъ она поддерживала духовную связь: въ числѣ своихъ программныхъ сочиненій она также распространяла выпуски „Опальнаго" и книгу Ламеннэ. Кромѣ того, союзъ располагалъ еще на половину прозаической, наполовину поэтической, на половину кровавой, наполовину напыщенной литературой; она отличалась стилемъ того якобинскаго крыла студенческихъ союзовъ, которое когда-то точило кинжалъ противъ измѣнниковъ князей, а теперь имѣло много представителей среди основателей Молодой Германіи. Южно-германскія династіи трусили не на шутку, въ особенности же они испугались, когда на одномъ собраніи германскихъ ремесленниковъ въ Штейнгельцли близъ Берна княжескій флагъ былъ снятъ и замѣненъ черно-красно-золотымъ. Меттернихъ былъ уже сильно напуганъ вторженіемъ Мадзини въ Савойю; черезъ союзный совѣтъ онъ даже настаивалъ передъ швейцарскимъ сеймомъ о лишеніи права убѣжища въ Швейцаріи членовъ Молодой Германіи. Когда швейцарскій сеймъ не сразу поддался этому требованію, то Австрія, Пруссія и Франція послали въ Швейцарію тайныхъ агентовъ; одинъ изъ нихъ, прусскій студентъ Лессингъ, былъ въ Цюрихѣ убитъ кинжаломъ, и виновники остались неразысканными. Германскій союзъ запретилъ германскимъ студентамъ посѣщеніе швейцарскихъ университетовъ, а подмастерьямъ странствовать въ Швейцарію; но тогда, какъ и впослѣдствіи, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ оказалась угроза прекратить торговыя сношенія. Швейцарскій сеймъ, наконецъ, сдался; неоднократными рѣшеніями 1834 и 1836 года онъ изгналъ германскихъ революціонеровъ и

распустилъ германскіе ремесленные союзы. По своей грубой гнусности республиканское преслѣдованіе бѣглецовъ мало чѣмъ уступало монархическимъ преслѣдованіямъ демагоговъ; оно еще разъ доказало, что отличія въ государственныхъ **формахъ** имѣютъ только проблематическое значеніе. Молодая Германія исчезла, за исключеніемъ незначительныхъ остатковъ въ кантонахъ Женевскомъ и Вадтъ, гдѣ власти оказались не столь рьяными въ полицейской службѣ.

Въ то самое время, когда была подавлена Молодая Германія, распался Союзъ Опальныхъ. Болѣе энергичные члены съ Шустеромъ во главѣ вышли изъ союза; утомленные безплодной игрой въ революцію, они поставили пропаганду выше заговора. Въ 1836 году они основали Союзъ Справедливыхъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ ремесленниковъ и организовавшійся на демократическихъ началахъ. Правленіе съ этого времени выбиралось. Среди членовъ его выдавались: Карлъ Шапперъ изъ Нассау, бывшій студентъ-лѣсникъ въ Гессенѣ; послѣ франкфуртскаго нападенія на союзный сеймъ, въ которомъ онъ участвовалъ, онъ бѣжалъ въ Швейцарію, а затѣмъ, изгнанный изъ нея, снискивалъ себѣ въ Парижѣ пропитаніе въ качествѣ наборщика; затѣмъ сапожникъ Генрихъ Бауэръ изъ Франконіи и портной Вильгельмъ изъ Магдебурга. Правда, обстоятельства вынуждали союзъ оставаться, можно сказать, конспиративнымъ обществомъ; онъ искалъ поддержки у „Общества временъ года“ подобно тому, какъ „Союзъ Опальныхъ“ искалъ ея у „Общества правъ человѣка“. Въ то же время въ средѣ его обнаружилась живая потребность пойти дальше грубой формы бабувизма. Въ 1838 году Вейтлингъ написалъ сочиненіе: „Человѣчество, какъ оно есть и какимъ оно должно было бы быть“; это коммунистическая исповѣдь, на форму которой сильно повліялъ Ламеннэ, а на содержаніе критико-утопическій соціализмъ. О томъ, какъ глубоко успѣли проникнуть эти воззрѣнія въ союзъ,

свидѣтельствуетъ самоотверженное рвеніе, проявленное членами его при распространеніи работы Вейтлинга. Они соглашались подвергнуться величайшимъ лишеніямъ, лишь бы только напечатать ее на тайномъ станкѣ въ 2.000 экземпляровъ и распространить среди германскихъ ремесленниковъ. Въ духѣ утопическаго соціализма былъ и тотъ фактъ, что Вейтлингъ основалъ коммунистическую столовую для германскихъ портныхъ подмастерьевъ въ Парижѣ; столовая эта принесла имъ большую пользу.

Въ это же время на Союзѣ Справедливыхъ, какъ на германской вѣтви Общества временъ года, сильно отозвалось пораженіе, испытанное этимъ обществомъ при попыткѣ возстанія 12-го мая 1839-го года. Карлъ Шапперъ и Генрихъ Бауэръ послѣ продолжительнаго заключенія должны были покинуть Францію. Они поселились въ Лондонѣ, гдѣ совмѣстно съ Іосифомъ Моллемъ, часовщикомъ изъ Кельна, 7-го февраля 1840 основали легальный рабочій образовательный ферейнъ, существующій и по сіе время. Одновременно же они возстановили Союзъ Справедливыхъ и перемѣстили центръ его въ Лондонъ. Въ Парижѣ Вейтлингъ собралъ разсѣянные элементы союза и лѣтомъ 1840 года переселился на короткое, а весной 1841 года на продолжительное время въ Швейцарію; здѣсь онъ занялся коммунистической пропагандой.

Ему пришлось столкнуться съ большими затрудненіями. Естественно, что вначалѣ онъ искалъ соглашенія съ остатками Молодой Германіи, но „сѣмена Гамбаха и Штейнгельцли“ оказали ему сильное сопротивленіе. Члены Молодой Германіи и слышать не хотѣли о коммунизмѣ. Въ женевскомъ рабочемъ образовательномъ союзѣ они господствовали и вытѣсняли изъ него тѣ, преимущественно швейцарскіе, элементы, которымъ непріятны были всевозможные политическіе вопросы. Теперь они вовсе не хотѣли въ свою очередь быть вытѣсненными коммунистами. Вейтлингу удалось

спропагандировать отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ, Августа Беккера, друга Георга Бюхнера, но весь образовательный рабочій союзъ ему не удалось привлечь на свою сторону. Даже послѣ того, какъ ему удалось освоить большинство союза съ планомъ общей столовой, членамъ Молодой Германіи удалось провести по отношенію къ его личности вотумъ недовѣрія; хотя онъ предложилъ исполнять должность управляющаго столовой безъ вознагражденія, если столовая не дастъ ожидаемаго дохода, они сумѣли воспрепятствовать выбору его. Болѣе того, „гамбахскіе политики“, не задумываясь, исключили изъ союза пять членовъ, заподозрѣнныхъ въ коммунизмѣ, и постановили, что если большинство станетъ когда-нибудь коммунистическимъ, право на имущество союза остается за меньшинствомъ. Чѣмъ трусливѣе и раздражительнѣе держали себя члены молодой Германіи, тѣмъ свѣжѣе и радостнѣе чувствовалъ себя Вейтлингъ въ этихъ бояхъ. По его мнѣнію, эти бои нужны были для того, чтобы посмотрѣть, соотвѣтствуетъ ли молодой принципъ коммунизма своимъ высокимъ цѣлямъ, привыкнутъ ли трусливые дипломаты, магистры и лавочники къ шуму коммунистическаго ученія, какъ привыкаетъ морякъ къ рокоту волны.

Большую, хотя только тайную, помощь Вейтлингъ, повидимому, получилъ со стороны нѣсколькихъ богачей изъ Вадта, склоненныхъ въ сторону коммунизма Буонаротти во время его изгнанія въ Швейцарію. Затѣмъ ему удалось пріобрѣсти въ кожевникѣ Симонѣ Шмидтѣ изъ Швабіи выдающійся административный талантъ. Въ сообществѣ со Шмидтомъ Вейтлингъ основалъ тайный „Союзъ Справедливыхъ“, распространившійся сперва по французской, а затѣмъ по германской Швейцаріи. При поступленіи члены должны были произнести слѣдующую формулу: „Намъ, рабочимъ, наконецъ надоѣло работать на лѣнтяевъ, страдать отъ лишеній, когда другіе утопаютъ въ избыткѣ; мы не поз-

волимъ больше эгоистамъ налагать на насъ тяжелое бремя, мы перестанемъ уважать тѣ законы, которые держатъ въ униженіи, лишеніяхъ, позорѣ и невѣжествѣ многочисленнѣйшіе классы людей для того только, чтобъ дать немногимъ людямъ средство господствовать надъ этими трудящимися классами. Мы желаемъ стать свободными, мы желаемъ, чтобы всѣ люди на землѣ были свободны, какъ мы, чтобъ ничья доля не была лучше или хуже доли другого, чтобы всѣ дѣлили общія тяготы и труды, радости и наслажденія, другими словами, чтобы всѣ жили въ союзѣ". Члены союза говорили другъ другу ты и называли другъ друга братьями; они обязывались взаимно не слушать сплетенъ даже тогда, когда онѣ содержатъ въ себѣ правду, а стыдить и гнать сплетника, быть умѣренными во всемъ, изучать и оцѣнивать всѣ соціальныя системы, вести устную пропаганду принциповъ союза, распространять его изданія, дѣлать небольшіе мѣсячные взносы и т. п.

Тайнымъ союзъ долженъ оставаться только для того, чтобы сдѣлать дѣятельность его возможной и въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ во Франціи и Германіи, не было свободы союзовъ. Помимо же этихъ причинъ Вейтлингъ, въ противоположность членамъ Молодой Германіи, былъ сторонникомъ братскаго объединенія всѣхъ рабочихъ и открытой пропаганды. Въ тайномъ союзѣ онъ хотѣлъ объединить самыя свѣтлыя головы и энергичныя силы коммунизма; въ качествѣ центральнаго учрежденія этотъ союзъ долженъ былъ руководить легальными союзами образовательными, пѣвчими читальнями и столовыми. Живая жизнь въ союзахъ казалась ему лучшей подготовительной школой для жизни въ государствѣ; онъ называлъ эти союзы первой вѣрной уменьшенной картиной будущаго общества. Для избѣжанія насилія члены общества должны были въ частныхъ квартирахъ, мастерскихъ и трактирахъ сходиться въ небольшомъ только числѣ. „Никакая человѣческая

сила не въ состояніи задержать пропаганду истины и добра; нельзя заставить людей молчать при работѣ, за столомъ, въ спальнѣ, на прогулкѣ". Наряду съ этимъ Вейтлингъ дѣйствовалъ и при помощи печати: уже въ сентябрѣ 1841 года онъ началъ издавать ежемѣсячный журналъ: „Крикъ о помощи германской молодежи"; девизомъ этого журнала было: „противъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, поскольку они вредятъ интересамъ общимъ, въ пользу интересовъ всѣхъ безъ всякаго исключенія". Съ января 1842 года этотъ органъ появлялся подъ названіемъ „Молодое поколѣніе", а въ декабрѣ того же года Вейтлингъ опубликовалъ „Гарантіи гармоніи и свободы", главное свое сочиненіе; по достоинствамъ своимъ оно завершаетъ все, что онъ писалъ раньше, а то, что онъ написалъ позже, все больше уступало ему по своимъ достоинствамъ. На этомъ сочиненіи и основывается слава Вейтлинга, какъ перваго теоретика германскаго коммунизма.

2. Вильгельмъ Вейтлингъ.

Вильгельмъ Вейтлингъ родился въ Магдебургѣ въ 1808 году; рожденный внѣ брака, онъ выросъ въ тяжелыхъ лишеніяхъ и нуждѣ. Онъ изучилъ ремесло портного и съ 1835 года странствовалъ по Германіи. Изъ этого времени о судьбѣ его мало извѣстно, а если что-нибудь и извѣстно, то едва ли достовѣрно. Говорятъ, что онъ въ качествѣ сатирика-стихотворца принималъ участіе въ саксонскихъ безпорядкахъ 1830 года, о необдуманности которыхъ онъ бросилъ бѣглое замѣчаніе въ главномъ своемъ сочиненіи; въ Вѣнѣ, говорятъ, онъ передъ какой-то молодой дѣвушкой оказался счастливымъ соперникомъ эрцгерцога и былъ изгнанъ имъ изъ города. Рѣшительный поворотъ въ его жизни относится къ серединѣ тридцатыхъ годовъ, когда онъ появился въ Парижѣ и жилъ здѣсь съ перерывами до 1841 года. Его бодрый и живой умъ жадно впитывалъ ученіе французскаго соціализма.

но въ то же время онъ въ Союзѣ Справедливыхъ принималъ страстное участіе въ революціонной борьбѣ трудящагося класса. Онъ пытался приспособить ученія соціализма къ этой борьбѣ. Такимъ образомъ онъ сталъ переходной ступенью отъ утопическаго къ пролетарскому соціализму.

Это промежуточное положеніе его вполнѣ соотвѣтствовало и его промежуточному соціальному положенію. Вейтлингъ былъ уже пролетаріемъ, но еще только подмастерьемъ. Онъ принадлежалъ къ тому мелко-буржуазному строю, который началъ неудержимо пролетаризироваться, но именно поэтому не получилъ еще яснаго пролетарскаго классоваго сознанія. Какъ представитель угнетеннаго класса, Вейтлингъ очень хорошо понималъ, какъ обманчивы были надежды утопистовъ на королей и милліонеровъ; окончательно онъ еще не разстается съ этой надеждой, но говоритъ о ней, какъ о чемъ-то, на что никоимъ образомъ не слѣдуетъ полагаться. Благодаря своему мелко-буржуазному происхожденію, ему ничего неизвѣстно о своеобразной исторической жизни пролетаріата. Основой его теоріи все еще продолжаетъ быть равенство, игравшее столь значительную роль въ исторіи французскаго соціализма; какъ ни блестяща его критика буржуазнаго общества, но онъ стоитъ еще въ ней цѣликомъ на точкѣ зрѣнія морали. По историческому пониманію онъ стоитъ даже далеко позади Сэнъ-Симона и Фурье. Его гипотезы о происхожденіи отношеній собственности висятъ въ воздухѣ, и онъ еще исповѣдуетъ историческія воззрѣнія Просвѣщенія: міровая исторія для него не больше, чѣмъ исторія гигантскаго грабежа, отъ котораго всегда страдали честные люди.

Правда, онъ, кромѣ того, идетъ еще значительно дальше этого воззрѣнія. Въ общественный прогрессъ онъ вѣритъ, какъ въ законъ природы, и онъ знаетъ, что законъ этотъ дѣйствуетъ и въ современномъ обществѣ. Примыкая къ Фурье, онъ въ человѣческихъ

страстяхъ видитъ элементъ общественнаго порядка съ тою только разницей, что онъ значительно упрощаетъ классификацію человѣческихъ побужденій Фурье. Вейтлингъ признаетъ только три основныхъ класса страстей: жажду знанія, жажду пріобрѣтенія и жажду наслажденія. Этимъ страстямъ соотвѣтствуютъ могущія удовлетворить ихъ способности; въ примѣненіи этихъ способностей и заключается духовная и физическая работа человѣка. Способности кладутъ естественный предѣлъ этимъ страстямъ. Для того, чтобы привести въ дѣятельность весь организмъ, природа вложила всѣ свои соблазны въ удовлетвореніе жажды наслажденій. Эти соблазны порождаютъ въ нашихъ чувствахъ новыя страсти, а изъ новыхъ страстей развиваются новыя способности. Такимъ путемъ и совершается прогрессъ человѣчества.

Съ этой точки зрѣнія въ данномъ обществѣ всегда существуетъ полнѣйшее соотвѣтствіе между человѣческими страстями и способностями. Со страстями растутъ способности, а со способностями растутъ страсти. Причина всякаго общественнаго зла заключается въ насильственномъ нарушеніи этого соотвѣтствія. „Изъ свободы и гармоніи страстей и способностей всѣхъ людей можетъ произойти только хорошее, а изъ подавленія ихъ, изъ борьбы съ ними для пользы немногихъ вытекаетъ все зло. Въ этихъ немногихъ словахъ исчерпывается все“. Въ современномъ обществѣ страсти одного обуздываются въ пользу другого, и изъ этого вытекаетъ отвратительное неравенство общественныхъ положеній; оно же порождаетъ и умножаетъ законы, преступленія и наказанія. Возможно же стало это потому, что страсти пріобрѣтенія и наслажденій взяли верхъ, а жажда знаній должна была склониться предъ брюхомъ своихъ чувственныхъ товарищей; жажда знаній выродилась въ безсмысліе, заблужденіе, суевѣріе, обманъ и ложь на выгоду алчности и жажды наслажденій.

Однако силу знанія нельзя сломить навсегда. Свои притязанія на руководство обществомъ оно проявляетъ тѣмъ путемъ, что оно медленно подкапываетъ основы современнаге общественнаго порядка и неожиданно открываетъ дорогу прогрессу; жаждѣ стяжанія и наслажденія оно бросаетъ приманки въ видѣ открытій и изобрѣтеній. Жажда стяжаній и жажда наслажденій бросаются на нихъ, не подозрѣвая, что онѣ этимъ подкапываютъ свое собственное господство. Примѣненіе пара къ машинамъ и искусство книгопечатанія—вотъ примѣры, на которые въ этомъ случаѣ опирается Вейтлингъ. Онъ говоритъ, что искусство книгопечатанія даетъ возможность ловить и сохранять искры знанія до тѣхъ поръ, пока оно не окрѣпнетъ настолько, чтобы низвергнуть страсти личной выгоды.

Ясно, что Вейтлингъ въ своемъ родѣ хорошо справляется съ экономической діалектикой. Но все-таки манера его—манера пролетаризированнаго мастерового, а не пролетарія съ развитымъ классовымъ сознаніемъ. Вейтлингъ далеко не оставляетъ безъ вниманія значеніе политической свободы для экономическаго освобожденія пролетаріата, онъ ясно требуетъ свободы печати, союзовъ, выборовъ. Но въ концѣ концовъ онъ все-таки приходитъ къ выводу, что при господствѣ денежной системы со всѣмъ этимъ все-равно ничего не сдѣлать. Онъ занимаетъ именно какъ разъ промежуточное положеніе между утопическимъ и пролетарскимъ соціализмомъ. Особенно рѣзко проявляется это положеніе его въ его сужденіи о свободѣ союзовъ. Вейтлингъ полемизируетъ съ Фурье, желавшимъ допустить въ своихъ фаланстерахъ наряду съ вознагражденіемъ труда и вознагражденіе капитала и таланта; онъ высмѣиваетъ эту химерическую надежду фурьеристовъ приманить такимъ образомъ денежныхъ людей. Онъ самъ стремится къ пролетарской ассоціаціи. Если послѣдняя уже является для него наполовину оружіемъ революціонной пропаганды, то наполовину она для него еще

оружіе коммунистскаго сектантства; высокое значеніе, которое Вейтлингъ придавалъ своимъ столовымъ, достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Мысль о томъ, что въ борьбѣ за политическое господство рабочій классъ пріобрѣтаетъ способность господствовать, не разъ готова прорваться у него, но съ не оставляющей сомнѣній ясностью не выразилась у него нигдѣ.

Однако, если Вейтлингу еще далеко до пролетарскаго классового сознанія, то онъ уже далекъ и отъ буржуазнаго утопизма. Онъ знаетъ, что рабочій классъ никогда не будетъ свободенъ, если онъ самъ себя не освободитъ. Пролетарская революція становится для него тѣмъ, чѣмъ для Фурье былъ спасительный милліонеръ; но по воззрѣнію Вейтлинга эта революція будетъ опираться не на возрастающую силу рабочихъ, но на растущую ихъ нищету. Существующіе безпорядки онъ хочетъ довести до максимума, трудящіеся классы— повернуть въ безграничную нищету. Сильнѣйшій рычагъ революціи онъ видитъ въ отчаяніи трудящихся массъ и надѣется даже на босяковъ, рекомендуя воровство, какъ послѣднее средство защиты бѣдняка передъ богачомъ.

При такихъ взглядахъ понятно, что у него долженъ быть наготовѣ планъ новаго общества, которое будетъ создано на мѣстѣ стараго, низверженнаго. Задача его заключается въ томъ, чтобъ возстановить естественное равновѣсіе между страстями и способностями и обезпечить за жаждой знанія, т. е. за наукой, завѣдываніе жаждой пріобрѣтенія и наслажденія, т. е., производствомъ и потребленіемъ, и обезпечить именно завѣдываніе, а не управленіе. „Совершенное общество знаетъ не управленіе, а только завѣдываніе, не законы, а только долгъ, не наказанія, а цѣлительныя средства... Здѣсь нѣтъ выраженій почета или подчиненія, нѣтъ внѣшнихъ отличій для славы и позора; здѣсь нечего приказывать и повиноваться, здѣсь только все регулируется, согласуется, и совер-

шенствуется. Здѣсь нѣтъ преступленій и наказаній, а только остатокъ человѣческихъ болѣзней и слабостей, которыя намъ природа поставила на пути; устраненіе ихъ развивало наши физическія и духовныя способности и стало такимъ образомъ движущимъ колесомъ прогресса“. Этотъ остатокъ болѣзней и слабостей устраняется не законами и наказаніями, но цѣлительными средствами; философской врачебной наукѣ Вейтлингъ посвящаетъ отдѣльную главу.

Со вдумчивымъ остроуміемъ измышляетъ Вейтлингъ организацію того управленія, которое въ будущемъ будетъ руководить великимъ семейнымъ союзомъ, какъ онъ называетъ коммунистическое общество. Во главѣ стоитъ тріо, или совѣтъ трехъ, состоящій изъ величайшихъ философовъ, являющихся въ то же время высшими геніями въ физикѣ, механикѣ и врачебной наукѣ. Затѣмъ слѣдуетъ рота центральныхъ мастеровъ, избирающихъ тріо и завѣдующихъ важнѣйшими службами великаго семейнаго союза. Затѣмъ слѣдуютъ роты мастеровъ, завѣдующихъ уѣздами, областями, округами и меньшими семейными союзами. Для облегченія и упрощенія управленія каждая рота избираетъ изъ своей среды исполнительный комитетъ, центральная же рота избираетъ главный исполнительный комитетъ, который стоитъ наряду съ тріо, какъ исполнительный составъ его. Наряду съ ротами мастеровъ стоятъ академіи для завѣдыванія пріятными и красивыми работами, пока послѣднія не получили еще общаго распространенія; изъ своей среды академіи избираютъ комитетъ — академическій совѣтъ. Наряду со всѣми этими учрежденіями управленія стоятъ комиссіи о здоровьѣ подъ особымъ руководствомъ соотвѣтственнаго совѣта, который, подобно главному исполнительному комитету, поддерживаетъ тріо въ завѣдываніи великимъ семейнымъ союзомъ.

Остается теперь поближе подойти и подвергнуть критикѣ эти подробности. Историческое значеніе утопій

заключается не во внѣшнемъ нарядѣ, который авторы ихъ выкраивали съ большимъ или меньшимъ умѣньемъ и которымъ авторы старались доказать выполнимость своей реформаторской мысли, но въ самой этой мысли, въ ясности и глубинѣ, съ которой она анализируетъ общественное зло. Къ Вейтлингу это тѣмъ болѣе примѣнимо, что въ извѣстной степени онъ былъ утопистъ поневолѣ. Сумѣвъ разглядѣть одну только отрицательную сторону пролетарской революціи, онъ вынужденъ положительную сторону ея придумать изъ головы. Но при этомъ онъ очень ясно чувствуетъ, что то, что онъ даетъ, не болѣе, какъ суррогатъ; уже въ предисловіи къ „Гарантіямъ" онъ расширяетъ свою задачу и ставитъ своею цѣлью показать обществу, чѣмъ отличается другая общественная организація и что могло бы быть при лучшей. Онъ предостерегаетъ того, кто придалъ слишкомъ много цѣны этимъ планамъ переустройства, такъ какъ ничто не совершенно подъ луной, и никогда нельзя будетъ придумать такой общественной организаціи, которая во всѣ времена неизмѣнно окажется лучшей. Реформаторская же мысль, которая лежитъ въ основѣ фантастическаго плана академическихъ совѣтовъ, совѣтовъ о здоровьѣ, въ ротахъ мастеровъ и въ центральной ротѣ, въ верховномъ тріо изъ величайшихъ геніевъ, эта реформаторская мысль заключается въ ясномъ пониманіи того, что общество эксплоатируется въ личныхъ интересахъ властей. Никто не долженъ быть бѣднѣе правительства, говоритъ Вейтлингъ; до тѣхъ поръ, пока завѣдующимъ общественнымъ богатствомъ позволено будетъ владѣть и пріобрѣтать для себя какія-нибудь особыя богатства, до тѣхъ поръ ихъ управленіе будетъ вредить общественнымъ интересамъ. Великимъ семейнымъ союзомъ Вейтлинга должны руководить не личности, а способности. При распредѣленіи должностей должно выбирать не людей, а способности, при соискательствѣ должно быть предложено рѣшеніе конкурсныхъ вопросовъ.

должны быть предложены темы на выборъ, напр., письменныя работы о какомъ-нибудь полезномъ научномъ предметѣ, открытіи или изобрѣтеніи, могутъ быть представлены какія-нибудь произведенія искусства, чертежи и планы построекъ, машинъ, инструментовъ и т. п. Соискатели вручаютъ свои работы тѣмъ властямъ, куда они желаютъ поступить на службу. Имена ихъ остаются неизвѣстными и объявляются только при благопріятномъ результатѣ испытаній.

Ради гармоніи человѣческихъ страстей и способностей Вейтлингъ не забываетъ о свободѣ. Еще разъ, по примѣру Фурье, онъ дѣлитъ работы на необходимыя, полезныя и пріятныя. Для каждаго работоспособнаго опредѣляется извѣстное рабочее время для выполненія необходимыхъ и полезныхъ работъ; взамѣнъ онъ получаетъ отъ общества необходимое и полезное для удовлетворенія жизненныхъ потребностей. Вейтлингъ знакомъ съ преимуществами общественнаго труда передъ трудомъ отдѣльныхъ лицъ и умѣетъ ясно освѣтить ихъ. Шестичасовой рабочій день онъ считаетъ достаточнымъ. Съ пріятными работами дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ съ необходимыми и полезными. Какъ природа никогда не принуждаетъ вкушать плоды наслажденія, такъ и къ пріятнымъ работамъ нельзя кого-нибудь принуждать. Гармоничное же сожительство всѣхъ и свобода отдѣльной личности, взаимно обусловливающія другъ друга, требуютъ съ необходимостью, чтобъ доброй волѣ каждаго было предоставлено рѣшить, много или мало угодно работать ему для полученія пріятнаго, соотвѣтственно тому, много ли, мало ли, или совсѣмъ ничего пріятнаго онъ не желаетъ. Въ этомъ отношеніи Вейтлингъ регулируетъ производство и потребленіе при помощи особыхъ торговыхъ книгъ, гдѣ на одной сторонѣ отмѣчается отработанное рабочее время, а на другой полученныя наслажденія. Эти торговыя книги страшно нравятся Вейтлингу. Онъ посвящаетъ имъ цѣлыя прочувствованныя строки: „Это одно-

временно дорожный паспортъ, свидѣтельство о крещеніи, о происхожденіи, правоспособности, аттестатъ, вексель, квитанція, разсчетная книга, дневникъ, свидѣтельство объ учебныхъ успѣхахъ, входной билетъ, рекомендательное письмо, копилка, денежная сумка, календарь; онѣ зеркало всѣхъ духовныхъ и физическихъ потребностей индивидуума, его портретъ, его біографія, короче, онѣ цѣлое картинное изображеніе индивидуума, какого до сихъ поръ еще не существовало". Въ этомъ восторженномъ описаніи слышится отзвукъ мученій отъ безконечныхъ хлопотъ, которыя доставляла мастеровымъ полиція со своими требованіями безмѣрнаго количества документовъ.

Какъ же, однако, построить новое общество послѣ паденія стараго? Промежуточное соціальное положеніе Вейтлинга было причиной того, что онъ колебался въ этомъ вопросѣ и наконецъ пришелъ къ такому выводу относительно наиболѣе желательной и переходной ступени, что когда-нибудь въ какомъ-нибудь государствѣ во время переворота государственная власть перешла бы въ руки человѣка, горячо преданнаго коммунистическимъ принципамъ; понятно, что такой человѣкъ найдетъ свое счастье и честь въ томъ, чтобъ посвятить жизнь осуществленію ихъ. Онъ часто возвращается къ этой мысли и заканчиваетъ слѣдующими воодушевленными словами: „Придетъ новый Мессія для осуществленія ученій перваго. Онъ разрушитъ гнилое зданіе стараго общественнаго порядка, источники слезъ онъ направитъ въ море забвенія, а земли превратитъ въ рай. Приготовимтесь же достойно встрѣтить его. Какъ же мы узнаемъ этого Мессію? А вотъ какъ: просто и спокойно пойдетъ онъ по землѣ, гордо презирая чары маммоны и раскрывая сердце свое страданіямъ человѣчества. Съ вершинъ богатства онъ сойдетъ въ пропасть нищеты, въ среду нищихъ и отверженныхъ, и слезы свои онъ смѣшаетъ съ ихъ слезами. Власть же, которая ему дана, онъ только тогда выпуститъ изъ рукъ, когда

смѣлое дѣло будетъ закончено. Тогда воля отдѣльнаго лица ужъ не будетъ болѣе господствовать надъ обществомъ, господство будетъ принадлежать знанію. И величайшій Мессія тихо и скромно подчинится этой новой власти. Это будетъ вѣнцомъ его дѣятельности, и весь миръ въ немъ признаетъ Мессію болѣе великаго, чѣмъ первый". Нѣтъ сомнѣнія, что великолѣпное видѣніе стоитъ гораздо выше спекуляцій фурьеристовъ на кошелекъ милліонера, но отъ этого и оно не перестаетъ быть утопіей чистой воды.

Но тѣмъ сильнѣе проявляется въ Вейтлингѣ пролетарій, когда онъ натыкается на препятствія, практически мѣшающія освобожденію рабочаго класса. Онъ насквозь видитъ всякую ложь, прикрывающуюся патріотизмомъ, который „жесточайшимъ врагамъ всякаго прогресса и свободы служитъ запаснымъ якоремъ для ихъ заблужденій, послѣдней поддержкой для ихъ преимуществъ"; онъ съ презрѣніемъ отвергаетъ этотъ патріотизмъ, чтобъ „бѣжать подъ знамя человѣчества, которое не будетъ знать высокихъ и низкихъ, бѣдныхъ и богатыхъ, господъ и рабовъ среди своихъ защитниковъ". Интернаціональную сущность современнаго рабочаго вопроса онъ раскрываетъ такимъ вопросомъ: „Какую любовь можетъ въ настоящее время питать къ своему такъ называемому отечеству тотъ, кто не можетъ потерять въ немъ что-либо такое, чего онъ не нашелъ бы въ любой чужой землѣ?" Господствуетъ ли Гинцъ или Кунцъ, Наполеонъ или Фридрихъ Вильгельмъ, рабочіе должны играть роль того же вьючнаго животнаго подъ властью одного изъ нихъ, какъ подъ властью другого.

Въ женскомъ вопросѣ Вейтлингъ не былъ вполнѣ свободенъ отъ предразсудковъ. Онъ вѣритъ въ естественное превосходство мужчины, и до тѣхъ поръ, пока природа не совершитъ чуда, до тѣхъ поръ, пока женщины не превзойдутъ мужчинъ въ полезныхъ наукахъ, открытіяхъ и талантахъ до тѣхъ поръ онѣ по

его мнѣнію, не должны занимать какую-нибудь самостоятельную должность въ новомъ обществѣ. Но это уже послѣдняя тѣнь, которую домашній строй ремесленника бросаетъ на воззрѣнія Вейтлинга въ вопросахъ брака и любви. Въ другихъ отношеніяхъ онъ одинаково зло и мѣтко критикуетъ буржуазный бракъ. „Любовь — ядро, а бракъ — шелуха орѣха. Денежная система есть червь, который точитъ и портитъ ядро. Большинству приходится глодать горькую и терпкую скорлупу. Вотъ вамъ и все опредѣленіе современнаго брака". Вейтлингъ требуетъ, чтобы бракъ былъ свободнымъ, ничѣмъ не стѣсненнымъ сожительствомъ. Если узы его не поддерживаются больше потребностью уваженія, дружбы и любви, „то освободите же ихъ, ради Бога, не создавайте себѣ двойного, тройного ада". И снова заканчиваетъ онъ увлекательными словами: „Осуши свои слезы, бѣдная, несчастная и обиженная женщина, подумай о томъ, что еще много слабыхъ страдаетъ на нашей землѣ. Когда-нибудь и для тебя блеснетъ золотой лучъ утренней зари освобожденія и осушитъ твои влажныя рѣсницы отъ жгучихъ и горькихъ слезъ рабства. Гордо ты взглянешь тогда твоему тирану въ лицо, потому что онъ тебѣ не нуженъ больше, и законъ не защищаетъ его; тогда и ты, бѣдная, обманутая, совращенная дѣвушка, найдешь смѣлаго человѣка, презирающаго предразсудки толпы; тогда и вы, цвѣтущіе, жизнерадостные юноши и дѣвушки, сумѣете жить и любить. Тогда вамъ можно будетъ дать выходъ тому душевному жару, который теперь такъ противоестественно сдерживается въ вашей груди, съѣдаетъ сердце, парализуетъ вашу энергію, пока, наконецъ, не приметъ вреднаго для общественной гармоніи и вашего здоровья направленія. Тогда сумѣютъ любить всѣ, кто можетъ". Воспитаніе дѣтей, достигшихъ трехъ или шестилѣтняго возраста будетъ лежать на обществѣ; они будутъ приняты въ школьную армію, обучены всѣмъ искусствамъ и наукамъ, пріучены ко

всѣмъ работамъ, особенно же къ наиболѣе отталкивающимъ; обученіе юношества будетъ соединено съ производительной работой для общества.

Поскольку церкви пользуются религіей для того, чтобы при помощи надежды на загробную жизнь сдѣлать призрачными ихъ земныя страданія, Вейтлингъ высмѣиваетъ религію. Сектантство только вызываетъ въ немъ презрительное подергиваніе плечами. Но, съ другой стороны, Ламеннэ сильно повліялъ на него въ смыслѣ формы, и онъ очень симпатизируетъ первобытному христіанству, какъ революціонному движенію угнетенныхъ классовъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобъ щадить чужую святыню, поскольку это не противорѣчитъ коммунистическому принципу, а въ своихъ „Гарантіяхъ" онъ проявляетъ по отношенію къ Христу симпатію, которая въ очень скоромъ времени выступила еще сильнѣе.

Само собой понятно, что фабричное производство въ экономической практикѣ Вейтлинга отступаетъ на задній планъ передъ торговлей. Ему хорошо извѣстно, что фабричная промышленность создаетъ самыя рѣзкія формы массовой бѣдности, но онъ думаетъ, что она въ настоящее время не даетъ такой значительной прибыли, какъ торговля. „Коммерція" для него—главный полипъ, высасывающій мозги народа; самые зажигательные нападки свои онъ направляетъ противъ торговли деньгами и товарами. Какъ нѣмецъ и урожденный пруссакъ, онъ находитъ крѣпкое слово и для торговли титулами, и для солдатчины; а то, что онъ написалъ объ истязаніи солдатъ, до сихъ поръ еще сохранило все свое жизненное значеніе.

При первомъ своемъ появленіи главное сочиненіе Вейтлинга произвело значительное впечатлѣніе, и это было вполнѣ въ порядкѣ вещей. Если духовно онъ и не стоялъ на такой высотѣ, какъ великіе утописты Запада, то онъ уничтожилъ ту преграду, которая отдѣляла ихъ отъ рабочаго класса, а по одушевленію своему,

по своей фантазіи и глубокому уму онъ былъ достойнымъ продолжателемъ ихъ. Во всемъ этомъ онъ стоялъ выше современнаго ему рабочаго коммунизма Кабэ, а особенно же выше той массы либераловъ, которая тогда какъ разъ начинала борьбу за политическое освобожденіе германской буржуазіи.

Охотнѣе всего признали это тѣ германскіе современники его, которые, собственно, въ правѣ были бы смотрѣть на Вейтлинга сверху внизъ. Когда Людвигъ Фейербахъ получилъ отъ одного мастерового работу Вейтлинга, онъ воскликнулъ: „Образъ мыслей и духъ этого подмастерья поразили меня. Воистину, это пророкъ своего сословія. Какъ поразила меня эта серьезность, достоинство и жажда знаній въ этомъ мастеровомъ! Что значитъ стадо нашихъ студентовъ передъ этимъ парнемъ“! Фридрихъ Энгельсъ назвалъ Вейтлинга первымъ германскимъ соціалистомъ, который дѣйствительно что-нибудь сдѣлалъ, а Карлъ Марксъ писалъ такъ: „можетъ ли буржуазія со своими философами и учеными писаками указать въ вопросѣ объ эмансипаціи, и притомъ политической эмансипаціи, произведеніе, подобное „Гарантіямъ гармоніи и свободы“ Вейтлинга? Если сравнить трезвую, трусливую половинчатость германской литературы съ этимъ громаднымъ блестящимъ литературнымъ дебютомъ германскихъ рабочихъ, если сравнить эту гигантскую дѣтскую обувь пролетаріата съ карликовой стоптанной политической обувью буржуазіи, то приходится предсказать германской замарашкѣ гигантскіе размѣры“. Подъ живымъ впечатлѣніемъ работы Вейтлинга Марксъ прибавляетъ, что германскій пролетаріатъ является теоретикомъ европейскаго пролетаріата, подобно тому, какъ англійскій является его національ-экономомъ, а французскій — его политикомъ. Должно будто бы признать, что въ соціальной революціи заключается классическое призваніе Германіи, совершенно неспособной къ революціи политической.

Что касается германской буржуазіи, то она постаралась оправдать это воззрѣніе.

Глава шестая.

Побѣда романтики.

Пока въ Швейцаріи германскій коммунизмъ достигалъ еще своего совершеннолѣтія, въ самой Германіи романтика еще разъ одержала полную побѣду. Это была Пиррова побѣда, за которую она скоро должна была поплатиться полною гибелью, но тѣмъ не менѣе это оставалось побѣдой, одержанной надъ первымъ штурмомъ буржуазной оппозиціи.

Перемѣна властителя на прусскомъ тронѣ, военная опасность 1840 года развязали силы буржуазіи, получившія съ середины тридцатыхъ годовъ новый толчокъ. Мысль о національномъ единствѣ изъ міра отвлеченной мечты перешла въ осязательную дѣйствительность. Никогда еще столь общее воодушевленіе не было вызвано болѣе тривіальными стихами, чѣмъ „Рейнская пѣснь" Николая Беккера, направленная противъ французскихъ военныхъ поползновеній; это было краснорѣчивымъ показателемъ того, что германское единство въ мірѣ поэзіи такъ же глубоко упало, какъ поднялось въ прозаическомъ мірѣ. Угрожавшая военная опасность заставила всѣхъ увидѣть, какъ ужасно германскій союзъ запустилъ военное дѣло и пути сообщенія, какъ скверно онъ защищалъ за границей германскіе экономическіе и торговые интересы. Требованія учрежденія консуловъ таможеннаго союза, учрежденія таможеннаго парламента изъ промышленниковъ и купцовъ наряду съ таможенными конгрессами правительствъ получали популярность. Чѣмъ сильнѣе развивались торговыя сношенія, тѣмъ настойчивѣе проповѣдывалась необходимость единаго государства пятью

различными денежными системами, десятью различными мѣрами длины, одиннадцатью различными единицами вѣса и безчисленными провозными тарифами таможеннаго союза.

Но вопросъ этотъ теснѣйшимъ образомъ перепутался съ вопросомъ о прусской конституціи. Пруссія была руководящимъ государствомъ таможеннаго союза, но ни въ одномъ изъ государствъ голосъ буржуазіи не значилъ такъ мало, какъ здѣсь. Давидъ Ганземанъ, вождь рейнской буржуазіи, основатель большого страхового отъ огня учрежденія въ Ахенѣ, еще въ 1830 году сдѣлалъ наивное предложеніе прусскому королю образовать двѣ палаты: одну изъ владѣтелей майоратовъ и людей, пользующихся королевскимъ довѣріемъ, другую изъ буржуа, платящихъ самые крупные налоги. Потерпѣвъ полную неудачу, онъ года два спустя опубликовалъ работу, въ которой хозяйничанье французской буржуазіи приводится какъ примѣръ для поученія прусскаго деспотизма. Главной задачей государства онъ считалъ бережливое отношеніе къ капиталу и, соотвѣтственно этому, требовалъ сокращенія бюджета, особенно же непроизводительныхъ расходовъ на войско. Онъ горько жалуется на тѣ препоны, которыя цензура полагаетъ развитію буржуазіи, воспрещая обсужденіе не только политическихъ, но и экономическихъ вопросовъ, въ какой бы приличной и умѣренной формѣ это обсужденіе ни велось. За старыми требованіями буржуазной идеологіи: за требованіями свободы и истиннаго народнаго представительства сталъ теперь капиталъ со своимъ растущимъ значеніемъ.

Въ вопросѣ о народномъ представительствѣ прусскій деспотизмъ хромалъ очень чувствительно. Онъ нарушилъ торжественное обѣщаніе, данное имъ въ дни нужды, но законъ 22 мая 1815 года, обѣщавшій „представительство народа“, стоялъ въ отдаленіи угрожающимъ призракомъ, и ни одно повелительное королев-

ское слово не могло уничтожить его. Въ дѣловомъ мірѣ прусскій деспотизмъ весьма справедливо не пользовался никакимъ кредитомъ; чтобъ съ грѣхомъ по поламъ держаться еще въ финансовомъ отношеніи, онъ въ 1820 году объявилъ, что бюджетъ государственныхъ долговъ не подлежитъ никакому увеличенію; передъ кредиторами же своими онъ обязался не заключать больше новыхъ займовъ безъ гарантіи государственныхъ сословій. Кредиторамъ своимъ прусскій деспотизмъ не могъ втирать очки такъ, какъ возлюбленнымъ своимъ подданнымъ.

Отъ послѣднихъ въ исполненіе обѣщанія 1815 года онъ отдѣлался провинціальными сеймами; это кажущееся представительство отдѣльныхъ провинцій обыкновенно составлялось наполовину изъ крупнаго землевладѣнія, на треть изъ представителей городовъ, а на шестую — изъ крестьянъ. Но провинціальныя сословія созывались короной такъ, какъ послѣдней угодно было; засѣданія происходили при закрытыхъ дверяхъ подъ предсѣдательствомъ правительствомъ назначеннаго маршала, при чемъ послѣдній былъ въ правѣ прекратить всякія нежелательныя сужденія; относительно проектовъ правительства они могли высказывать только скромное сужденіе; право рѣшенія, и то подъ условіемъ утвержденія королевской властью, принадлежало имъ только въ общинныхъ дѣлахъ, напр., въ вопросахъ о постройкѣ смирительныхъ и исправительныхъ домовъ, объ основаніи страховыхъ отъ огня учрежденій, домовъ для сумасшедшихъ и глухонѣмыхъ и т. д. Эти жалкія корпораціи не представляли никакой гарантіи для кредиторовъ прусскаго деспотизма, и такъ влачилъ онъ свое жалкое финансовое существованіе охая и кряхтя, съ трудомъ поддерживая его разными отсрочками и тяжестью налоговъ, которую уже невозможно было увеличить; однако, въ случаѣ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ требованій, а особенно въ случаѣ войны онъ оказался бы несостоятельнымъ. Одни

только вооруженія на случай польскаго мятежа нанесли ему ударъ, убѣдительное дѣйствіе котораго вынудило прусскій милитаризмъ ограничиться двухлѣтнимъ срокомъ службы. И чѣмъ больше Германія оправлялась отъ своей хозяйственной отсталости, тѣмъ менѣе можно было мириться съ прусскимъ финансовымъ положеніемъ. Особенно неотложна была по военнымъ и экономическимъ соображеніямъ постройка прусской желѣзнодорожной сѣти; за постройку менѣе доходныхъ линій капиталъ требовалъ государственной поддержки въ видѣ гарантированныхъ процентовъ; по существу дѣла это означало новый заемъ, требующій согласія государственныхъ сословій.

Таково было положеніе вещей, когда на прусскій престолъ вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ IV. Рѣшающія впечатлѣнія періода его духовнаго развитія сдѣлали изъ него настоящаго романтика, но онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы не чувствовать вѣяній новаго времени. Въ отличіе отъ своего предшественника и отъ своего преемника онъ не всегда пріятно чувствовалъ себя въ затхлой казармѣ и отъ времени до времени открывалъ форточку, чтобъ хоть разъ вдохнуть свѣжаго воздуха. Начало правленія его ознаменовалось большимъ числомъ вполнѣ романтическихъ и незначительнымъ числомъ полулиберальныхъ поступковъ и рѣчей. Возникалъ вопросъ, какой изъ борющихся классовъ привлечетъ на свою сторону колеблющійся духъ его.

Съ самаго начала положеніе противниковъ было далеко не одинаково. Какъ сказалъ Краузъ, способнѣйшій изъ германскихъ послѣдователей Адама Смита, прусское государство далеко не было неограниченной монархіей, а скорѣе нѣсколько скрытой аристократіей. Шамиссо, ясный французскій умъ котораго лучше понималъ условія жизни своего отечества, чѣмъ природные филистеры, уже въ 1826 году вкладываетъ въ уста французскаго іезуита то, что было на душѣ у остъ-эльб-

скаго юнкера: „король тогда неограниченъ, когда онъ выполняетъ нашу волю". Всѣ источники государственной силы и власти держалъ феодализмъ въ своихъ крѣпкихъ рукахъ, и для того, чтобы вырвать ихъ изъ нихъ, буржуазная оппозиція должна была быть очень сплоченной, понимающей и сильной. Но въ сравненіи съ феодальной партіей она представляла полную противоположность этимъ качествамъ. Это стало ясно съ перваго рѣшительнаго шага ея, выразившагося въ томъ, что, когда сословія прусской провинціи были призваны въ Кенигсбергъ привѣтствовать новаго короля, то вмѣсто обычной просьбы о сохраненіи ихъ преимуществъ они благоговѣйно выразили свое пожеланіе, чтобъ корона выполнила свое обѣщаніе конституціи, данное въ 1815 году.

Въ остъ-эльбской части Прусскаго государства прусская провинція стояла во главѣ буржуазной оппозиціи. Со времени владычества орденовъ въ ней сохранился въ нѣкоторой степени мятежный духъ, который, вслѣдствіе отдаленности отъ Берлина, никогда не былъ окончательно сломленъ. Здѣсь было даже сравнительно значительное число свободныхъ крестьянъ. Въ Кенигсбергѣ всю свою жизнь училъ Кантъ, и все, что въ провинціи не чуждо было гражданскаго самосознанія, глубоко уважало слова учителя. Во время наполеоновскихъ войнъ эта провинція пострадала больше какой бы то ни было провинціи и дружнѣе всѣхъ другихъ поднялась для борьбы. Но французское иго она свергла только для того, чтобы подпасть подъ худшее иго русскаго верховнаго господства. Это позорное наслѣдіе фридриховской политики, которое на вѣнскомъ конгрессѣ снова было закрѣплено, возмущало всякаго нѣмца, въ которомъ осталась еще искра нѣмецкаго достоинства, но особенно было сильно это возмущеніе въ прусской провинціи, гдѣ закрытіе русской границы перевязало всѣ жизненныя артеріи. Отъ прежняго торговаго расцвѣта Кенигсберга и Данцига осталась

одна тѣнь; Эльбингъ обѣднѣлъ окончательно. Сюда присоединялся еще позорный договоръ о взаимности, принуждавшій Пруссію къ выдачѣ всѣхъ русскихъ бѣглецовъ. Правда, этотъ договоръ обязывалъ Россію оказывать ту же полицейскую службу Пруссіи, но за русской границей ни одинъ германскій бѣглецъ не искалъ спасенія, а прусскихъ подданныхъ, уличенныхъ въ контрабандѣ или оказавшихся въ русскихъ предѣлахъ безъ паспорта, русское правительство безъ околичностей ссылало въ Сибирь. Въ 1809 году Фридрихъ Вильгельмъ III долженъ былъ взять общественныя деньги, предназначенныя для облегченія ужасной нужды, и предпринять роскошную поѣздку къ русскому двору для выраженія своего подчиненія; когда Фридрихъ Вильгельмъ IV по вступленіи на престолъ сдѣлалъ обязательный по этому случаю визитъ Николаю I, то послѣдній „по случаю празднества и по собственному высочайшему побужденію помиловалъ всѣхъ германскихъ подданныхъ, которые за контрабанду были сосланы въ Сибирь". И даже эту кровную обиду перенесъ прусскій король; онъ даже нашелъ въ ней новый поводъ кадить передъ царемъ, называть его своимъ лучшимъ другомъ, преданнѣйшимъ другомъ Пруссіи.

Эти ужасные порядки вызвали въ прусской провинціи очень сильное и глубокое озлобленіе, и оберъ-президентъ фонъ-Шенъ умѣло использовалъ его для активнаго шага во время привѣтствія короля по случаю вступленія его на престолъ. Его энергичная воля была душой этой демонстраціи. Шенъ былъ умный, свѣдущій человѣкъ, пользовавшійся уваженіемъ во всѣхъ слояхъ населенія за большія услуги, которыя его административный талантъ оказалъ Пруссіи. Но уже тотъ самый фактъ, что онъ могъ стать уважаемымъ вождемъ прусскаго либерализма, въ достаточной мѣрѣ показываетъ, какъ мало яснаго сознанія было въ буржуазной оппозиціи. Шенъ презиралъ господствовавшую въ прусскомъ государствѣ ограниченную

окостенѣвшую бюрократію, онъ даже прусскій милитаризмъ считалъ сомнительнымъ явленіемъ и энергично протестовалъ, когда членъ прусскаго провинціальнаго сейма однажды при исполненіи своихъ обязанностей надѣлъ офицерскій мундиръ. Но, съ другой стороны, онъ былъ ненавистникомъ таможеннаго союза, ненавистникомъ идеи національнаго объединенія и самое требованіе слить Пруссію съ Германіей онъ находилъ комичнымъ.

Какъ поклонникъ Канта, онъ хотѣлъ создать государство на основаніи чистаго разума. Къ сожалѣнію только, для него чистый разумъ въ концѣ концовъ былъ разумъ умнаго юнкера, хорошо понимавшаго, что крупное землевладѣніе не можетъ болѣе существовать въ феодальныхъ отношеніяхъ собственности, а только въ буржуазныхъ. Эту точку зрѣнія онъ не въ пользу крестьянъ защищалъ при такъ называемомъ освобожденіи крестьянъ; на ней онъ стоитъ и въ своей памятной запискѣ „Откуда и куда?“, поданной имъ королю въ доказательство необходимости конституціи. Здѣсь онъ говоритъ между прочимъ, что свѣтъ все болѣе распространяется какъ въ среднемъ сословіи, такъ и въ дворянствѣ; среднее сословіе отчасти еще можетъ примириться съ господствомъ чиновничества, потому что оно само старается попасть въ него, то же самое и служилое дворянство, не имѣющее какого-нибудь состоянія или земли; но опека бюрократіи становится невыносимой для независимаго человѣка, въ особенности для земельнаго дворянства, которое стоитъ передъ лицомъ бюрократіи съ воспоминаніями о прежнемъ своемъ господствѣ. Отъ либерализма Ганземана Шенъ стоялъ еще дальше, чѣмъ отъ романтики короля, съ которымъ его связывала нерасторжимая, несмотря на всѣ недоразумѣнія, дружба.

Тогда король, нельзя сказать, чтобъ немилостиво, принялъ просьбу прусскихъ сословій. Только, когда онъ снова вернулся въ Берлинъ, когда феодальная

романтика снова опутала его, онъ ясно заявилъ, что закона (о конституціи) 1815 года онъ не выполнитъ. Изъ личной милости онъ даровалъ провинціальнымъ сеймамъ право опубликованія своихъ протоколовъ, но при этомъ онъ запретилъ приводить имена ораторовъ; онъ обѣщалъ созывать ихъ регулярно каждые два года, а въ промежуточное время пользоваться „ихъ совѣтомъ" черезъ избираемый ими комитетъ. Эти жалкія мѣропріятія преслѣдовали только цѣль созданія одной видимости государственныхъ сословій для болѣе легкаго выхода изъ финансовыхъ затрудненій деспотизма. Но еще прежде, чѣмъ собрались созванные на весну 1841 года провинціальные сеймы, появился обращенный къ нимъ анонимный памфлетъ: „Отвѣтъ уроженца восточной Пруссіи на четыре вопроса". Авторъ его открылъ себя королю и оказался кенигсбергскимъ врачемъ Іоганномъ Якоби.

При всемъ духовномъ родствѣ съ памятной запиской Шена, въ „Отвѣтѣ" буржуазныя воззрѣнія проявились уже гораздо опредѣленнѣе; правда, пока только въ чисто идеологической формѣ. Прусское населеніе созрѣло, начинаетъ Якоби; даже наиболѣе горячіе противники Пруссіи, французы и англичане, и тѣ не могутъ не признать въ Пруссіи съ ея семью университетами, 20.085 школами, съ ея военнымъ строемъ, способствующимъ народному образованію, не превзойденный еще образецъ воспитателя. Цѣль его заключается въ переводѣ на народный языкъ „Политическаго акта прусскаго поздравительнаго сейма", и поэтому онъ спрашиваетъ: Чего желали сословія? Что давало имъ право на это? Какой отвѣтъ былъ имъ данъ? Что остается имъ дѣлать? Съ сокрушающей логикой, — сокрушающей не по сдержанности формы, а по побѣждающей силѣ доказательствъ, — онъ показываетъ, какъ мало соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ на законное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, которыя могли бы предъявить самостоятельные граждане,

и бюрократически изувѣченное городовое положеніе, и полное безсиліе провинціальныхъ сеймовъ, и тайное судопроизводство зависимой юстиціи и, наконецъ, правительственная монополія министровъ, имѣющихъ въ лицѣ полиціи и цензуры двухъ преданныхъ слугъ, слѣдящихъ за тѣмъ, чтобъ ни одно мнѣніе, ни одна дѣятельность, кромѣ ихъ мнѣнія и ихъ дѣятельности, не проявились. Онъ указывалъ на то, что законъ 1815 года о конституціи не потерялъ своей силы, и призывалъ сословія послѣ отказа короля требовать, какъ неоспоримаго права, того, чего они раньше просили, какъ милости.

Книга Якоби появилась въ Лейпцигѣ и избѣгла саксонской цензуры тѣмъ, что на ней ложно указано было другое мѣсто изданія. Но, по настоянію Пруссіи, она немедленно по появленіи была конфискована полиціей и запрещена потомъ союзнымъ сеймомъ. Король былъ очень разсерженъ этой книгой. Пока имя автора еще не было извѣстно, онъ старался выпытать его у Шена, обѣщая неизвѣстному автору безнаказанность; когда же Якоби самъ открылся королю, послѣдній написалъ Шену, что онъ принимаетъ вызовъ. Оказалось, что это смѣлое слово должно было означать только то, что онъ предаетъ Якоби суду. Уголовный сенатъ берлинской судебной палаты былъ достаточно проникнутъ рабскими чувствами, и авторъ „Отвѣтовъ“ на четыре вопроса былъ приговоренъ къ 3½ годамъ крѣпости и къ лишенію національной кокарды за оскорбленіе величества и другія дерзости; высшій же аппелляціонный сенатъ того же суда подъ предсѣдательствомъ Грольмана оправдалъ автора. Бѣшенство короля по этому поводу было безгранично. По верховному капризу своему онъ приказалъ, чтобы, вопреки существующимъ по этому предмету законодательнымъ постановленіямъ, оправданному не были сообщены мотивы оправданія, и прогналъ со службы стараго Грольмана, одного изъ тѣхъ рѣдко встрѣчавшихся

судей, которые своей личностью оправдывали легендарную славу прусской юстиціи. Затѣмъ новый законъ о дисциплинарномъ преслѣдованіи уничтожилъ тѣ немногія преграды, которыми государственное право оградило судей отъ королевскаго произвола. Ихъ теперь можно было отправлять на всѣ четыре стороны, какъ только они произносили неугодный приговоръ.

Въ провинціальныхъ сеймахъ памфлетъ Якоби не нашелъ себѣ никакого отклика; прусскія сословія даже просто отклонили петицію, поданную имъ кенигсбергскими гражданами и составленную въ смыслѣ сочиненія Якоби. Правда, среди буржуазнаго населенія эта запрещенная статья ходила по рукамъ, но смѣлое прямодушіе автора нашло себѣ очень мало подражателей. Въ Галле Руге со страшнымъ трудомъ набралъ семьдесятъ съ чѣмъ-то подписей подъ петиціей о дарованіи конституціи; петиція эта была составлена на основаніи отвѣтовъ Якоби и послана саксонскому провинціальному сейму въ Мерзебургѣ. Но едва только полковникъ Нацмеръ, незаконный дядя короля, пригрозилъ подписавшимъ процессомъ о государственной измѣнѣ, какъ семнадцать изъ нихъ поскакали на почтовыхъ въ Мерзебургъ, чтобъ вычеркнуть свои подписи. Одинъ врачъ говорилъ, что онъ потеряетъ практику за то, что онъ подписалъ петицію; дровяникъ заявлялъ, что хотя онъ и не имѣетъ казенныхъ подрядовъ, но можетъ же случиться, что онъ ихъ получитъ, а содержатель мелочной лавки завѣрялъ, что онъ подписался только для того, чтобъ заманить демагоговъ и чтобы король могъ такимъ образомъ узнать своихъ враговъ.

Вотъ на какой высотѣ стояла масса либеральныхъ филистеровъ; первое выраженіе ихъ недовольства немедленно было раздавлено ногой романтической реакціи.

Глава седьмая.

Разложеніе классической философіи.

Борьба за дѣйствительное народное представительство сплелась съ борьбой за свободу печати. И про эту борьбу нельзя сказать, чтобъ романтическій король совсѣмъ ея не понималъ. Духовное запустѣніе, царившее въ подцензурныхъ газетахъ, было непріятно его живому духу, и въ самообманѣ настоящаго романтика онъ увѣрилъ себя, что можетъ терпѣть свободное слово. Конечно, это было немного, но все-таки кое-что, когда къ Рождеству 1841 года появился министерскій циркуляръ, рекомендовавшій властямъ снисходительно относиться къ печати.

Какъ всегда, эта капля патріархальнаго либерализма исчезла въ громадной бочкѣ настоящей романтики. По смерти Альтенштейна къ управленію министерствомъ просвѣщенія былъ призванъ Эйхгорнъ—реакціонеръ-піэтистъ, уничтожившій послѣднюю свободу, которая кое-какъ сохранилась еще при старомъ королѣ,—академическую свободу. На каѳедру Ганса, освободившуюся тоже за смертью послѣдняго, попалъ баварецъ Юлій Шталь, крещеный еврей, пытавшійся перевести христіанско-германскій принципъ съ грубо-откровеннаго языка феодальной романтики на просвѣщенный языкъ современной философіи. Затѣмъ по зову короля явился въ Берлинъ состарѣвшійся и запутавшійся Шеллингъ, чтобы своей философіей откровенія уничтожить гегельянство. Министромъ юстиціи сталъ Савиньи, глава исторической школы права, который собственной персоной давалъ лучшее доказательство того, что ему недостаетъ какого бы то ни было законодательскаго призванія.

Къ довершенію всего, жаждавшій свободы печати деспотъ началъ съ того, что обрушился на единствен-

ный органъ, стоявшій на высотѣ своихъ задачъ. Въ маѣ 1841 года онъ приказалъ, чтобы „Гальскіе Ежегодники“ перенесли свою типографію изъ Лейпцига въ Галле, т. е. чтобъ они перешли подъ прусскую цензуру, въ противномъ случаѣ онъ ихъ запретитъ въ Пруссіи. Вслѣдствіе этого повелѣнія Руге переселился въ Дрезденъ и сталъ издавать свой органъ подъ именемъ „Германскихъ Ежегодниковъ“. Понятно, что чѣмъ болѣе оказывался пріятнымъ заблужденіемъ взглядъ ихъ издателя, что Пруссія представляетъ собой свободное и справедливое государство, тѣмъ рѣзче становилась ихъ тенденція. Если на „Галльскіе Ежегодники“ наложили свою печать Руге и Штраусъ, то „Германскіе Ежегодники“ стояли подъ духовнымъ вліяніемъ Бруно Бауэра и Людвига Фейербаха. Это былъ шагъ впередъ — противъ романтики, но вмѣстѣ съ тѣмъ и шагъ къ разложенію классической философіи.

Романтикѣ такъ посчастливилось, что то же самое экономическое развитіе, которое вызывало ее на рѣшительное сопротивленіе, одновременно уничтожило и опаснѣйшаго противника ея.

I. Бруно Бауэръ и Людвигъ Фейербахъ.

Классическая философія представляетъ собой въ извѣстной степени всемірноисторическій протоколъ мыслей и дѣлъ германской буржуазіи. Но лишь только послѣдней удалось развить свои матеріальныя силы, протоколы эти стали для нея襯 кускомъ ненужной бумаги. Туманныя созданія философіи разсѣялись тѣмъ быстрѣе, чѣмъ свободнѣе промышленность распускала свои знамена подъ дымомъ фабричныхъ трубъ.

Но просто превратиться въ буржуазную экономію для буржуазной философіи представлялось невозможнымъ. То былъ героическій вѣкъ германской буржуазіи, и не могъ же преемникъ его сразу перейти въ міръ пошлой погони за одной наживой въ міръ банка и биржи, въ міръ безграмотныхъ фабрикантовъ, кото-

рыхъ наслѣдство классической философіи вовсе не привлекло. Несмотря на общую борьбу ихъ противъ романтики, именно въ этой борьбѣ долженъ былъ проявиться антагонизмъ между философіей и буржуазіей. Въ періодъ менѣе десяти лѣтъ этотъ антагонизмъ прошелъ черезъ три фазы: первая, когда онъ существовалъ скрыто и не былъ еще ясно познанъ, вторая, когда онъ уже былъ познанъ, но не могъ быть устраненъ, и, наконецъ, третья, когда онъ разрѣшился тѣмъ, что философія нашла дорогу къ пролетаріату, а пролетаріатъ къ философіи.

Къ первой фазѣ относятся Руге и Штраусъ. Въ качествѣ философовъ они боролись съ романтикой, но въ концѣ концовъ они волей-неволей примирились съ тѣмъ, что боролись за буржуазію. Свою избушку они построили на развалинахъ философіи и въ бисмарковскомъ государствѣ германскаго народа они видѣли свои идеалы, плохо ли, хорошо ли, но все таки осуществленными. Напротивъ того, Бауэръ и Фейербахъ были типичными представителями второй фазы, Они никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что буржуазный міръ это ихъ собственный и вообще весьма устойчивый міръ. Впослѣдствіи Бауэръ такъ презрительно, но мѣтко выразился о Бисмаркѣ: „этотъ человѣкъ не дѣлаетъ исторіи, онъ только создаетъ эпизоды", и если Фейербаху уже приходилось говорить о „прусскомъ кнутѣ", то онъ не забывалъ прибавить крѣпкаго проклятія, но оба они ни въ соціальной, ни въ политической области не заняли опредѣленнаго положенія; безпомощно бродили они среди развалинъ философіи.

При этомъ между ними обоими была громадная разница. Они не шли плечо къ плечу, но стояли другъ къ другу спиною. Бауэръ тянулъ нить идеалистической философіи до тѣхъ поръ, пока она не порвалась у него въ рукахъ; Фейербахъ же открыто порвалъ съ ней и дѣлалъ первыя попытки одержать надъ ней рѣшительную побѣду. Уроженецъ одного изъ мелкихъ сак-

сонскихъ герцогствъ, Бруно Бауэръ всѣмъ существомъ своимъ былъ сѣверный германецъ. Его всегда тянуло въ Берлинъ, гдѣ онъ, дѣйствительно, провелъ большую часть своей жизни; онъ, любилъ Берлинъ „съ его густымъ пескомъ, жидкимъ чаемъ и необычайными его умниками". Въ этомъ отношеніи это была рѣзкая противоположность Штраусу, для котораго сѣверо-германская жизнь была такъ же непріятна, какъ личность и дѣятельность Бауэра. Если Штраусъ взялъ субстанцію изъ гегелевской абсолютной идеи для того, чтобъ сдѣлать ее творческимъ началомъ Евангелія, то Бауэръ оттуда же и для той же цѣли взялъ самосознаніе. Сколько штраусовская критика ни отрицала историческую вѣрность Евангелія, эта критика все-таки оставалась теологической, потому что въ сущности мало разницы между тѣмъ, продиктовано ли Евангеліе Святымъ Духомъ, или безсознательно создано христіанской общиной. Бауэръ разъяснилъ „таинственныя" воззрѣнія Штрауса въ томъ смыслѣ, „въ какомъ этого требовало развитіе самой субстанціи, въ смыслѣ всеобщности и опредѣленности идеи и дѣйствительнаго ея существованія, въ смыслѣ безконечнаго самосознанія"; или въ переводѣ съ гегелевскаго языка на обыкновенный: онъ показалъ, что Евангелія представляютъ собой литературныя произведенія опредѣленныхъ авторовъ, которые въ своей работѣ преслѣдовали опредѣленныя цѣли.

При такомъ воззрѣніи Бауэръ потерялъ всякое уваженіе къ евангелистамъ и объявилъ войну теологіи на жизнь и на смерть. Правда, Евангеліе создано самосознаніемъ, но какъ нѣчто внѣшнее, само себѣ противорѣчащее, какъ отчужденное и чуждое самосознаніе. Въ критикѣ евангельской исторіи, опубликованной въ 1841 году, содержатся уже зачатки тѣхъ научныхъ выводовъ, которые позже, послѣ смѣны цѣлаго человѣческаго поколѣнія, получили обоснованіе въ его составившихъ эпоху изслѣдованіяхъ объ исто-

ріи происхожденія христіанства. Онъ утверждалъ, что властитель міра въ Римѣ, которому принадлежатъ всѣ права, который можетъ распоряжаться жизнью и смертью, имѣетъ, хотя враждебнаго, но все-таки брата во властителѣ евангельской исторіи, который однимъ дуновеніемъ укрощаетъ сопротивленіе природы или повергаетъ враговъ своихъ, который уже на землѣ провозглашаетъ себя властителемъ и судьбой міра. Благодаря христіанской религіи, утверждалъ онъ, вампиръ духовной абстракціи высосалъ изъ человѣчества до послѣдней капли всѣ силы и соки, всю кровь и жизнь. На развалинахъ погибшаго міра единственной силой осталось тогда истощенное „я", но это всепоглощающее „я" испугалось самого себя. Оно завершило свое отчужденіе отъ себя тѣмъ, что противопоставило себѣ свои силы, какъ чужія, и старалось бороться съ этой силой въ страхѣ и трепетѣ за свою жизнь и блаженство. Но человѣчество выросло въ порабощеніи своему изображенію только для того, чтобъ тѣмъ основательнѣе подготовить свободу, тѣмъ основательнѣе постигнуть ее, когда она будетъ, наконецъ, получена. Вернувшееся къ себѣ, познавшее себя, уловившее сущность свою, самосознаніе получитъ власть надъ созданіями своего самоотчужденія. Такимъ-то образомъ Бауэръ покончилъ съ теологіей, да и не съ ней одной.

Безконечное самосознаніе вообще не переносило никакихъ ограниченій. Критическимъ оружіемъ оно низвергало всякую „позитивную опредѣленность, которая ограничиваетъ ея истинную всеобщность". Оно, конечно, въ представленіи отмѣняло всѣ общественныя учрежденія, въ которыхъ оно могло найти ограниченіе для себя. Дѣло въ томъ, что философія самосознанія не менѣе, чѣмъ христіанская религія, жила въ мірѣ духовной абстракціи. Болѣе того, она была наиболѣе совершеннымъ выраженіемъ христіанско-германскаго принципа; развѣ могла идеалистическая спекуляція выкидывать болѣе удивительныя колѣна, чѣмъ въ

„Критической критикѣ“, которая все разлагала съ точки зрѣнія чистаго духа и съ невыразимымъ отвращеніемъ взирала на массы. Бруно Бауэръ, который въ качествѣ привать-доцента былъ подвергнуть министромъ Эйхгорномъ взысканію, переселился въ Берлинъ; вмѣстѣ съ братомъ своимъ Эдгаромъ и другими младо-гегельянцами они здѣсь играли роль вольнодумцевъ, которые „все дальше заходили“ въ радикальномъ фразерствѣ, а въ области философіи создали то, что берлинскіе остряки высмѣяли, какъ „чрезмѣрную непринужденность“.

Но вслѣдъ за нимъ Людвигъ Фейербахъ вразумительно показалъ, что гегелевская философія—послѣднее убѣжище, послѣдняя раціоналистическая опора теологіи. Кто не отказывается отъ гегелевской философіи, тѣмъ самымъ не отказывается отъ теологіи. Гегелевское ученіе о томъ, что природа, реальность создана идеей, есть только раціоналистическое выраженіе теологическаго ученія, что природа создана Богомъ, матеріальный міръ — нематеріальнымъ, абстрактнымъ существомъ. Въ борьбѣ между Бауэромъ и Штраусомъ онъ видитъ борьбу внутри гегелевской философіи. Оба они заходили дальше Гегеля, такъ какъ каждый изъ нихъ послѣдовательно проводилъ одну сторону гегелевской абсолютной идеи: Штраусъ—субстанцію, природу, отдѣленную отъ человѣка, Бауэръ—самосознаніе, человѣка, отдѣленнаго отъ природы. Что касается Фейербаха, то онъ критиковалъ самого Гегеля и притомъ съ гегелевской точки зрѣнія, замѣнивъ абсолютную идею реальнымъ человѣкомъ на основѣ природы. Онъ проложилъ дорогу отъ идеализма къ матеріализму.

Фейербахъ, подобно Штраусу, былъ южно-германцемъ, но въ отличіе отъ него это былъ пылкій, страстный темпераментъ, боевая натура, созданная для горячихъ схватокъ практической жизни. Во многихъ отношеніяхъ онъ напоминаетъ Лессинга, на полемическихъ статьяхъ котораго онъ отдыхалъ съ удоволь-

ствіемъ; немало напоминаетъ онъ, къ сожалѣнію, Лессинга и въ томъ отношеніи, что и его жизненнымъ силамъ германская дѣйствительность никогда не дала полнаго простора. Какъ живо его „Мученическая остановка на Рехенбергѣ“ напоминаетъ „Мученичество въ Вольфебюттелѣ“ Лессинга. Великимъ дѣломъ Фейербаха было его сочиненіе о сущности христіанства, которое передъ глазами германскаго народа разрушило всѣ идеалистическія схемы. Освободительное значеніе этого сочиненія было такъ велико, что, какъ говоритъ Энгельсъ, самому нужно было пережить его вліяніе, чтобъ правильно оцѣнить его. Фейербахъ вернулъ реальному человѣку права его. Дитя природы, существующей независимо отъ всякой философіи, человѣкъ есть высшее существо для человѣка. Нѣтъ ничего внѣ человѣка и природы; небесныя существа созданы религіозной фантазіей и представляютъ собой фантастическія отраженія человѣческаго существа. Подобно тому, какъ человѣкъ—высшее существо для человѣка, такъ и высшій законъ—любовь человѣка къ человѣку. Таковъ былъ ходъ мыслей, развиваемыхъ Фейербахомъ; языкъ его исполненъ увлекающаго неудержимаго воодушевленія; какъ новая жизнь, звучалъ онъ послѣ шелеста сухихъ листьевъ, которые гналъ передъ собой туманный вѣтеръ гегельянства.

Фейербахъ поднялъ матеріализмъ изъ праха. Но вслѣдствіе германской отсталости ему не удалось передать во владѣніе матеріализма новое содержаніе идеализма, подобно тому, какъ Кантъ когда-то новое содержаніе матеріализма перенесъ въ идеализмъ. Первый представитель современнаго матеріализма, Беконъ, сказалъ какъ-то, что онъ вовсе не хочетъ быть ограниченнымъ эмпирикомъ, который, подобно муравью, только копитъ и потребляетъ, или абстрактнымъ идеалистомъ, который, подобно пауку, изъ себя тянетъ свою ткань; онъ предпочитаетъ соединить одно съ другимъ, подобно пчелѣ, собирающей матеріалъ съ цвѣ-

товъ въ садахъ и лугахъ, но обрабатывающей его собственной силой. Фейербахъ сравнивалъ себя со пчелой и находилъ только одно отличіе: пчелы зимой потребляютъ все, что они наготовили за лѣто, онъ же зимой отдаетъ то, что онъ, какъ дитя природы, воспринялъ лѣтомъ.

Разумное воззрѣніе его на природу было тѣмъ солнцемъ, къ которому тяготѣлъ этотъ духъ; но піетизмъ германскихъ правительствъ держалъ его вдали отъ профессорской каѳедры, и онъ лишенъ былъ возможности поспѣвать за постояннымъ прогрессомъ естествознанія. Фейербахъ понималъ недостаточность естественно-научнаго матеріализма, о которомъ онъ характерно выразился, что онъ всегда заднимъ числомъ подтверждаетъ его мнѣнія, но не ведетъ его впередъ. Однако, къ этому пониманію, не говоря уже объ исчерпывающей оцѣнкѣ того факта, что человѣкъ живетъ не только въ природѣ, но и въ обществѣ, что матеріализмъ обнимаетъ собой не только естественныя, но и общественныя науки, къ этому пониманію Фейербахъ не пришелъ. Великій заграничный міръ остался чужимъ для него и даже передъ небольшимъ міромъ своей германской родины онъ тоже замкнулся. Любовь къ природѣ сдѣлала добровольнымъ мѣстомъ его изгнанія ту деревню, къ которой прикрѣпила его почетная бѣдность. Только теоретическое отношеніе людей къ чему-либо было для него истинно человѣческимъ; теоретическую точку зрѣнія онъ называлъ точкой зрѣнія гармоніи между человѣкомъ и природой.

Общественная практика была знакома Фейербаху только въ грязной формѣ еврея-шахера. Въ „Сущности Христіанства“ онъ даетъ анализъ еврейской религіи, какъ религіи личнаго интереса. Онъ пишетъ: „для грека природа была чуднымъ алмазомъ; онъ не могъ наглядѣться на удивительную игру цвѣтовъ ея, на ея правильныя формы, на ея небесную чистоту и прозрачность, въ ней онъ видѣлъ зеркальное отраженіе

своего чистаго не тронутаго практическимъ эгоизмомъ духа; онъ видѣлъ въ природѣ разумъ и духъ, и поэтому она была для него вѣчной. Короче, грекъ смотрѣлъ на природу глазами восторженнаго минералога, еврей — глазами оцѣнивающаго свою прибыль торговца. Своебразныя черты свои евреи сохранили до настоящаго дня. Ихъ принципъ, ихъ Богъ это — практическій принципъ міра, эгоизмъ, и притомъ эгоизмъ въ формѣ религіи. Эгоизмъ есть тотъ Богъ, который не даетъ своимъ служителямъ погибнуть. Эгоизмъ по существу своему монотеистиченъ (концентрируетъ человѣка на себѣ), потому что онъ преслѣдуетъ только одну цѣль—себя. Эгоизмъ сосредоточиваетъ, концентрируетъ человѣка въ себѣ, но дѣлаетъ его теоретически ограниченнымъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ его равнодушнымъ ко всему, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ личному благу". Если Израиль и славитъ величіе природы, то только изъ тѣхъ же интересовъ, изъ какихъ побѣдитель преувеличиваетъ силу своего противника, т. е. для возвеличенія собственной славы. Величіе природы для него тождественно съ величіемъ Іеговы, которое прекраснѣе всего проявилось въ чудесахъ на благо Израиля.

Это воззрѣніе нашло себѣ сочувствіе у Бауэра. Онъ думалъ, что христіанское государство нѣкоторыми формами своими ограничило эгоизмъ буржуазнаго общества, но что въ бороздкахъ и щеляхъ его засѣли евреи для эксплоатаціи необезпеченныхъ элементовъ, подобно богамъ Эпикура, жившимъ въ промежуткахъ между мірами, гдѣ они были освобождены отъ опредѣленныхъ работъ. Для Бауэра еврейство было козломъ отпущенія, на который онъ взваливалъ все матеріальное для того, чтобы абсолютная критика, безконечное самосознаніе въ болѣе чистомъ видѣ могло заняться собой. Идеологъ съ головы до пятъ, онъ суживалъ еврейскій вопросъ до вопроса чисто религіознаго. И христіане, и евреи тогда только обрѣтутъ свободу, когда

они станутъ выше своихъ религій. Для христіанъ при неудержимомъ разложеніи ихъ религій это сравнительно легко. Для евреевъ же это необычайно трудно, почти даже невозможно, потому что, ненавидя всѣ народы, этотъ народъ живетъ авантюристской и замкнутой жизнью, потому что религія его — животная пронырливость и хитрость для удовлетворенія чувственныхъ потребностей. Пока евреи остаются евреями, они не могутъ получить эмансипаціи, меньше же всего ихъ можетъ эмансипировать христіанское государство.

Бауэру и Фейербаху капиталъ былъ знакомъ лишь въ его зачаточной формѣ, въ средневѣковой формѣ еврейскаго ростовщичества. До безчеловѣчной сущности его они дошли только философскимъ путемъ; экономически они не только осилить, но и понять этого не могли.

2. „Германскіе Ежегодники“. Политическая лирика.

Въ Дрезденѣ Руге скоро позналъ на опытѣ, что у прусскаго правительства длинныя руки. „Германскіе Ежегодники“ подвергались все большимъ цензурнымъ стѣсненіямъ. Въ письмахъ своихъ Руге бранитъ проклятую долю имѣть дѣло съ мѣднолобымъ цензоромъ, поправки котораго жестоко опошливаютъ самую тонкую иронію и прямо грѣшатъ противъ духа человѣческаго. Тотъ, о комъ онъ такъ лестно отзывается, былъ не кто иной, какъ профессоръ Ваксмутъ, авторъ исторіи французской революціи и не изъ худшихъ въ своемъ цехѣ; попытки его примирить „своего глубокоуважаемаго друга“ Руге съ вандализмомъ его краснаго карандаша остались безъ успѣха.

При такихъ условіяхъ „Германскій Ежегодникъ“ за 1842 годъ появился въ двоякой формѣ: какъ періодическій органъ въ Дрезденѣ и какъ два тома анекдотовъ въ Швейцаріи. Здѣсь Юлій Фребель, уроженецъ Тюрингіи, оставилъ свою каѳедру минералогіи въ Цю-

рихской Высшей Школѣ и взялъ на себя руководство швейцарскимъ радикализмомъ. Въ Цюрихѣ и Винтертурѣ онъ основалъ литературную контору, издававшую „Швейцарскаго республиканца“ и представлявшую радушное убѣжище для бѣглецовъ германской цензуры. Упомянутые два тома анекдотовъ содержали статьи Руге, Бауэра, Фейербаха, а также Маркса, Морица Флейшера, Кеппена и другихъ младо-гегельянцевъ; это были статьи о политической свободѣ, о свободѣ обученія и печати, о философіи и теологіи; эти статьи или не были дозволены саксонской цензурой, или же, не обманываясь на счетъ своей участи, не пошли вовсе въ цензуру.

Руге думалъ, что этими двумя томами онъ нанесетъ такой ужасный ударъ мѣдному лбу, что онъ нескоро отъ него оправится, и дѣйствительно, въ нихъ содержатся статьи высокой цѣнности. Но какъ бы ни былъ силенъ ударъ, нанесенный ими романтикѣ, они однако обнаружили, что сама философія переживаетъ броженіе, которому еще далеко до конца. Бауэръ признавалъ заслуги Фейербаха, поскольку онъ закончилъ объективный анализъ религіи вообще, но онъ крѣпко держался за гегелевскій идеалистическій принципъ и ставилъ идеальное мышленіе выше реальнаго бытія; Фэйербахъ же заявлялъ безъ околичностей, что это ни на шагъ не подвигаетъ насъ впередъ, потому что отрѣшенное отъ людей самосознаніе не есть что-нибудь больше, чѣмъ гегелевская абстракція безъ реальности.

Руге былъ слишкомъ опытнымъ редакторомъ, чтобъ не понимать того, какихъ сотрудниковъ онъ имѣлъ въ Бауэрѣ и Фейербахѣ. Фейербаха онъ называлъ трубой іерихонской, но и Бауэръ отличается огнемъ, талантомъ и содержательностью. Фейербахъ пишетъ рѣдко и только въ своемъ родѣ, тогда какъБауэръ владѣетъ нѣсколькими регистрами. Редакторскій интересъ Руге къ нимъ обоимъ имѣлъ однако болѣе глубокое основаніе. Скрывавшійся въ немъ бур-

жуа уже давно хотѣлъ основательно покончить со всякой теоріей, а жестокіе удары, которые онъ самъ получалъ и расточалъ за свою долгую публицистическую дѣятельность, достаточно ясно убѣдили его въ томъ, что абсолютная критика и безконечное самосознаніе не одолѣютъ весьма реальной романтики. Но тотъ же буржуа почуялъ въ фейербаховскомъ матерьялизмѣ таинственную силу и очень вѣрно замѣтилъ, что ошибка Фейербаха въ томъ, что онъ порвалъ съ Гегелемъ, вмѣсто того, чтобъ исправить его съ точки зрѣнія развитія. Руге цѣнилъ Фейербаха за то, что онъ освободилъ философію изъ оковъ христіанства, но онъ тутъ же снова впадалъ въ христіанскій спиритуализмъ, когда говорилъ, что для кого живое выше мыслящаго, тому остается поклоняться паразитамъ на своей головѣ и цѣнить жалкое существованіе своего черепа выше, чѣмъ голову Аристотеля.

Столь же неопредѣленное положеніе занялъ Руге въ статьѣ о гегелевской философіи права, которую ему удалось благополучно провести въ „Германскіе Ежегодники“, миновавъ подводные камни цензуры. Если уже вообще говорить объ этомъ, то послѣдній годъ этого органа былъ самымъ лучшимъ; въ сотый разъ подтвердилось здѣсь наблюденіе, оправдавшееся затѣмъ еще тысячи разъ, что лучшее даетъ пресса всегда въ неравной борьбѣ. Статьи Бауэра о еврейскомъ вопросѣ написаны были съ несомнѣннымъ талантомъ. Въ длинной критикѣ исторіи французской революціи Лео Кеппенъ далъ первое во всемірной исторіи правильное объясненіе французскаго террора. Подъ псевдонимомъ Жюля Елисара молодой Бакунинъ, пропитавшійся въ Берлинѣ гегелевской философіей и жившій теперь въ Дрезденѣ, опубликовалъ первую литературную работу свою „Реакція въ Германіи“. Онъ ясно указываетъ на подземный гулъ соціальной революціи, на бѣдный классъ, на настоящій народъ, начинающій уже считать рѣдкіе въ сравненіи со своими ряды враговъ, начи-

нающій требовать фактическаго осуществленія нѣкогда признанныхъ за нимъ правъ. „Даже въ Россіи, въ томъ безконечномъ, покрытомъ снѣгами, государствѣ, которое мы такъ мало знаемъ и которому предстоитъ, быть-можетъ, великая будущность, даже въ Россіи собираются темныя, грозовыя тучи. Воздухъ душенъ и уже полонъ скрытыхъ бурь... Довѣримся вѣчному Духу Господа, который только потому уничтожаетъ и разрушаетъ, что онъ самъ неизсякаемый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни. Страсть разрушенія есть въ то же время творческая страсть". Вся статья проникнута была своеобразнымъ настроеніемъ, представляющимъ странную смѣсь элегіи, фанатизма и аристократическаго равнодушія.

Что касается Руге, то гегелевскую философію права онъ критиковалъ съ той правильной точки зрѣнія, что она отрицаетъ діалектическій методъ. Гегелевское государство представляетъ собой нѣчто туманное, нѣчто заоблачное, чего нельзя основательно представить себѣ и надъ чѣмъ нельзя остановиться. Это государство не реальнѣе платоновскаго; какъ послѣднее—греческое, такъ первое напоминаетъ прусское государство; но Гегель при этомъ совершенно упускаетъ изъ виду историческій процессъ. Руге выставляетъ на видъ то, что Гегель, а до него Кантъ, должны были уступить внѣшнему давленію; Гегель успокоился на разумѣ абсолютизма только потому, что у абсолютизма хватило разума признать разумность гегелевской философіи. Но со стороны его философіи права было ошибкой покинуть живую историческую почву, стать на одностороннюю теоретическую точку зрѣнія и объявить ее абсолютной. При такихъ вѣчныхъ опредѣленныхъ понятіяхъ, какъ семейство, общество, государство, теорія, дѣйствительно, въ правѣ оставить безъ вниманія историческій процессъ, но она всегда должна отличать, имѣетъ ли она передъ собой логическую или историческую категорію. Такъ, напр., государственное устрой-

ство есть историческая форма, и Гегель неправъ, когда такія историческія существованія, какъ наслѣдственную королевскую власть, маіораты, двухкамерную систему, онъ разсматриваетъ, какъ логическую необходимость. Для того, чтобъ государство предстало передъ нами въ формѣ государства, необходимо осуществленіе всѣхъ тѣхъ великихъ учрежденій, изъ которыхъ ни одного еще нѣтъ въ Германіи,—національнаго собранія, суда присяжныхъ, свободы печати. Здѣсь сразу замѣтно, какъ наивный инстинктъ буржуа въ этомъ случаѣ беретъ верхъ надъ Руге: когда надо обезпечить достаточное участіе въ государственномъ управленіи за своимъ классомъ, этотъ буржуа объявляетъ феодально-абсолютистское государство исторической категоріей; но со спокойной совѣстью онъ же оставляетъ въ качествѣ логическихъ категорій семейство, общество и государство въ ихъ буржуазной формѣ. Этому броженію въ философіи соотвѣтствовало и броженіе въ поэзіи, развивавшейся подъ ея вліяніемъ. Появилось новое поколѣніе поэтовъ; пѣсни ихъ звучали, какъ набатъ, а въ риемахъ ихъ слышался лязгъ оружія. Совершенство формы снова вступило въ свои права, и въ кристаллической ясности ея пафосъ казался могучѣе, а сатира остроумнѣе, чѣмъ раньше. Нельзя сказать, однако, чтобы „Галльскіе и Германскіе Ежегодники“ прямо воспитали этихъ поэтовъ. Въ своихъ эстетическихъ сужденіяхъ Руге былъ одностороннимъ; письма Юніуса онъ ставилъ, какъ произведеніе искусства, въ тысячу разъ выше шекспировскихъ драмъ; противъ фривольности и распутства Гейне, какъ онъ выражался, онъ боролся съ той же настойчивостью, какъ противъ старо-гегельянскихъ париковъ, и даже къ Дингельштедту онъ не относился съ особой симпатіей, хотя этотъ молодой гессенецъ понималъ политико-соціальное ничтожество Германіи яснѣе, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ ему поэтовъ, и представилъ его въ рядѣ пластическихъ образовъ въ „Странствіи ночного сторожа по міру“. Большее

основаніе имѣлъ Руге быть недовольнымъ политически безсодержательными пѣснями Гоффмана, тѣмъ болѣе, что со своимъ плоскимъ остроуміемъ они слишкомъ угождали вкусу тривіальнаго резонерства трактирныхъ политиковъ. Все-таки и въ этой политической лирикѣ то сильнѣе, то слабѣе отражалась философская борьба. Старый другъ и сотрудникъ Руге померанецъ Прутцъ въ своихъ стихахъ командовалъ цѣлыми колоннами мыслей, двигавшихся часто довольно тяжелымъ шагомъ, потому что онъ былъ скорѣе риторъ, чѣмъ поэтъ; когда же швабъ Гервѐгъ бросилъ живой стихъ, какъ зажигающую молнію въ германскій народъ, Руге въ восторгѣ поднялъ его на щитъ.

Нигдѣ нужды и тревога борющейся эпохи не звучали такимъ бурнымъ аккордомъ, какъ въ произведеніяхъ Гервега. Крикъ радости пронесся по всей Германіи, когда они появились, и, какъ тріумфаторъ, шелъ поэтъ отъ юго-западной до сѣверо-восточной границы, черезъ Кельнъ, Дюссельдорфъ въ Іену и въ Веймаръ, Лейпцигъ и Дрезденъ, до Берлина и Кенигсберга.

Въ Дрезденѣ Гервегъ встрѣтился съ Руге, и они поѣхали въ Берлинъ. Здѣсь у нихъ произошло рѣзкое столкновеніе съ Бауэрами и ихъ сторонниками. Жизнерадостной поэтической натурѣ Гервега противно было безцвѣтное отрицаніе вольнодумцевъ, и Руге, который какъ разъ въ это время готовился къ практической борьбѣ противъ существующаго государства, говорилъ, что онъ „больше не позволитъ Бруно Бауэру водить себя за носъ“ и не позволитъ себя убѣдить въ въ томъ, что государство, собственность и семейство должны быть уничтожены въ представленіи, при полномъ игнорированіи положительной стороны дѣла. Здѣсь Гервегъ имѣлъ глупость согласиться на королевскую аудіенцію; услужливымъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ служилъ королевскій лейбъ-медикъ Шенлейнъ, швейцарскій уроженецъ, которому Гервегъ

привезъ поклоны съ родины. Въ стихахъ, которые между прочимъ были немедленно запрещены въ Пруссіи, поэту нетрудно было сердиться на короля, но съ разговоромъ вышла скверная исторія. Дѣло въ томъ, что въ королевскомъ церемоніалѣ написано: Маркизъ Поза только о томъ долженъ говорить, о чемъ его спрашивать будетъ Донъ Филиппъ. Крылатыя слова этого свиданія: „я люблю убѣжденную оппозицію; отъ души желаю вамъ дня Дамаска; вы окажете необычайное вліяніе на современниковъ; мы останемся честными противниками",—все это сказалъ король; о поэтѣ же исторія умалчиваетъ. „Болѣе чѣмъ развязный" радикализмъ поторопился отплатить нѣмому поэту ѣдкими насмѣшками.

Это вызвало со стороны Гервега запоздалый и неудачный шагъ. Въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ радушнѣйшій пріемъ, онъ узналъ, что прусская полиція съ неприличною поспѣшностью тотчасъ послѣ его аудіенціи у короля напередъ запретила предполагавшуюся имъ къ изданію въ Швейцаріи газету. Тогда онъ немедленно написалъ письмо къ королю, гдѣ разыгралъ забытую имъ въ свое время роль маркиза Позы. Вопреки его желанію, письмо это было опубликовано въ „Лейпцигской Всеобщей газетѣ", и Гервегъ немедленно же у своего друга Прутца въ Штетинѣ получилъ приказъ о выѣздѣ. Возвратный путь тріумфатора лежалъ теперь черезъ цѣпь жандармовъ, вытянувшуюся до границы, и изъ-за этой цѣпи раздавалось „распни его!" той же прессы, которая такъ недавно привѣтствовала его крикомъ „осанна!". Даже Фрейлигратъ принялъ участіе въ этомъ кошачьемъ концертѣ, а Гейне смѣялся надъ непріятнымъ похмѣльемъ этого пріятнаго въ своемъ опьяненіи народа. Гервегу, какъ человѣку, не суждено было дожить до дня Дамаска, предсказаннаго ему романтическимъ королемъ, но поэту Гервегу навсегда подбило крылья то обстоятельство, что народъ, впереди котораго онъ видѣлъ себя съ распущеннымъ знаме-

немъ въ рукахъ, оказался толпой злорадствующихъ лакеевъ.

Вмѣстѣ съ поэтомъ пали и „Германскіе Ежегодники". Конфликтъ съ Бруно Бауэромъ и кружкомъ вольнодумцевъ еще болѣе укрѣпилъ Руге въ намѣреніи непосредственно напасть на историческое государство. Въ органѣ своемъ за 1843 годъ онъ на первомъ мѣстѣ опубликовалъ самокритику либерализма; онъ доказывалъ, что германскій либерализмъ не есть какая-либо партія, но призрачный дымъ безплодной теоріи, что онъ ни въ какой области не получитъ реальнаго существованія, потому что онъ ни въ какой области не знаетъ, чего онъ хочетъ. Руге намѣренъ замѣнить его демократизмомъ съ его практическими задачами. Въ числѣ этихъ задачъ онъ указываетъ: превратить церкви въ школу съ цѣлью создать такимъ образомъ народное воспитаніе всѣхъ массъ народа, военное дѣло вполнѣ слить съ народнымъ воспитаніемъ, предоставить образованному и организованному народу самому управлять собой и отправлять судебныя функціи въ общественной жизни и въ публичномъ судѣ. Это было уже слишкомъ много для германскихъ князей. Сперва Саксонія и Пруссія, затѣмъ и союзный сеймъ воспретили „Германскіе Ежегодники".

Къ сожалѣнію, и гибель „Германскихъ Ежегодниковъ" не обошлась безъ грубо-тривіальнаго инцидента. Въ петиціи на имя собранія саксонскихъ сословій Руге протестовалъ противъ запрещенія своего органа и ссылался между прочимъ на свидѣтельство своего семейства, что онъ хорошій и полезный гражданинъ. Но бравые саксонскіе парламентаріи нашли запретъ справедливымъ на томъ разумномъ основаніи, что содержаніе „Германскихъ Ежегодниковъ" имъ совсѣмъ незнакомо, а то, что они слышали о нихъ, было имъ совсѣмъ непонятно.

Глава восьмая.

„Рейнская газета“.

Письмо Гервега къ королю послужило для романтики желаннымъ поводомъ для новыхъ гоненій на печать; смягченная цензурная инструкція дала было послѣдней возможность свободнѣе вздохнуть, и пока она не успѣла ничего еще выразить, кромѣ невольныхъ безсильныхъ вздоховъ. Недѣлю спустя по опубликованіи новой инструкціи раздался торжественный гласъ въ „Фоссовой газетѣ“, берлинскомъ органѣ втайнѣ резонерствующей, но публично виляющей мелкой буржуазіи: такъ какъ слову дана свобода, то она намѣрена использовать ее, конечно, въ надлежащихъ границахъ, и откровенно, но лойяльно высказать свое мнѣніе, что при посылкѣ желѣза въ Курляндію было бы полезно отправлять и кондуктора, такъ какъ одинъ кусокъ недавно былъ украденъ. На это въ „Шпенерской газетѣ“ послѣдовалъ столь грубый отвѣтъ почтоваго управленія, что „Фоссова газета“ въ полномъ смущеніи отступила отъ своего смѣлаго намѣренія и ограничилась наивнымъ вопросомъ о томъ, считаетъ ли себя почтовое начальство выше всякаго порицанія.

Изъ серьезныхъ газетъ три только получили болѣе или менѣе сильное вліяніе на прусское населеніе, притомъ одна изъ нихъ издавалась „за границей“: именно „Всеобщая газета“ въ Лейпцигѣ, тайно поддерживавшаяся недовольными элементами прусской бюрократіи, но запрещенная прусскимъ правительствомъ немедленно по опубликованіи письма Гервега. Въ самомъ прусскомъ государствѣ честно и мужественно держали себя „Кенигсбергская“ и „Рейнская газета“, или, какъ его романтическому величеству на своемъ гвардейскомъ жаргонѣ угодно было именовать ихъ: „Кенигсбергская срамная газета и ея срамная

сестра—проститутка на Рейнѣ". „Кенигсбергская газета" стояла на буржуазно-идеологической точкѣ зрѣнія Іоганна Якоби; ею руководилъ учитель Виттъ, который вслѣдствіе этого сталъ мишенью мелочныхъ придирокъ министра Эйхгорна; въ этой газетѣ заслужилъ себѣ литературныя шпоры и молодой Валлесроде. Но что касается широты кругозора, то и въ области политики, и въ области торговли, и въ области промышленности она стояла далеко позади „Рейнской газеты", выходившей съ перваго января 1843 года въ Кельнѣ.

Какъ сказано было въ заявленіи въ одномъ изъ первыхъ номеровъ „Рейнской газеты", она основана была обществомъ независимыхъ жителей Рейнской провинціи, преданныхъ прогрессу и преслѣдующихъ подъемъ этой провинціи, дальнѣйшее развитіе ея учрежденій, представительства ея частныхъ и общегерманскихъ интересовъ, интересы и внутреннее процвѣтаніе человѣческаго общества вообще. Ясно, что это заявленіе не отличалось чрезмѣрной ясностью; позже газета выставила свою политическую программу въ таковъ видѣ: введеніе общаго избирательнаго закона, распространяющагося на всѣ классы и интересы, публичность правительственныхъ актовъ, свобода печати и т. д.; тутъ мы тоже не имѣемъ того тщательнаго подраздѣленія на главы и параграфы, которое такъ обычно тамъ, гдѣ сформировались уже партіи. „Рейнская газета" объединяла различные элементы, которымъ ясно было, что ихъ объединяетъ, но неясно было, что ихъ разъединяетъ: за старыми вождями рейнской буржуазіи, за дѣльцами холоднаго разсчета, за Давидомъ Ганземаномъ и Людольфомъ Кампгаузеномъ, президентомъ Кельнской торговой палаты, стояло молодое поколѣніе, выросшее подъ духовнымъ вліяніемъ гегелевской философіи. Гораздо лучше, чѣмъ въ вопросахъ политики, „Рейнская газета" разбиралась въ вопросахъ торговли и промышленности: она требовала подробнаго и точнаго отчета государственнаго бюджета, уменьшенія государствен-

ныхъ налоговъ, постройки желѣзныхъ дорогъ, пониженія судебныхъ пошлинъ и почтовой таксы, общаго флага и общихъ консуловъ для таможеннаго союза.

Эти обстоятельства поставили ее гораздо выше остъ-эльбской оппозиціонной прессы. По смѣлости и глубинѣ мысли „Рейнская газета“ стояла по крайней мѣрѣ на такой же высотѣ, какъ „Германскіе Ежегодники“, въ пониманіи же промышленнаго развитія, увлекавшаго впередъ германскую жизнь, она стояла гораздо выше. Съ тою же энергіей, съ какою Шенъ боролся противъ таможеннаго союза, она выступила въ пользу его. На таможенномъ союзѣ, говорила она, основывается право прусскаго государства на гегемонію въ Германіи, и она готова сражаться подъ флагомъ этого государства, если оно не будетъ задерживать духовнаго и политическаго прогресса, являющагося результатомъ прогресса экономическаго. Съ проницательностью ненависти меттерниховскіе писаки доносили во „Всеобщей Аугсбургской газетѣ“ на прусскія тенденціи „Рейнской газеты“, а въ это время прусскіе государственные люди позволяли нашептывать себѣ, что эта газета существуетъ на средства французскаго правительства. Берлинское правительство было слишкомъ ограничено и не могло понять, какое острое оружіе „Рейнская газета“ желала дать ей въ руки. И чѣмъ сильнѣе „Рейнская газета“ старалась толкнуть его на высоту современнаго буржуазнаго общества, тѣмъ упорнѣе стояло прусское правительство на своей абсолютно-феодальной ретроградности. Конфликтъ обострялся со дня на день, а соотвѣтственно этому чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе радикальные элементы начинали задавать тонъ въ „Рейнской газетѣ.“

А послѣднихъ было немало. Изъ кружка берлинскихъ младо-гегельянцевъ сотрудничали въ газетѣ Бруно Бауэръ, Каппенъ, Науверкъ, Штирнеръ, да и Рутенбергъ, первый редакторъ германскаго отдѣла, былъ изъ Берлина. Изъ мѣстныхъ людей въ

газетѣ работали Генрихъ Бюргерсъ, Георгъ Юнгъ, Моисей Гессъ, Германъ Пюттманъ, Карлъ Марксъ. Газета не давала регулярныхъ передовыхъ статей и не носила еще узкихъ сапогъ однообразнаго производства на конкурренцію. Но зато приложенія ея были очень богаты въ техническомъ и научномъ смыслѣ, а фельетоны состояли изъ эстетическихъ, литературныхъ статей, изъ философскихъ изслѣдованій, а также изъ прекрасныхъ стихотвореній. Гервегъ и Прутцъ были здѣсь неизмѣнными гостями. Но скоро самый молодой сотрудникъ „Рейнской газеты" началъ становиться ея главной силой; еще и теперь, когда раскрываешь запыленные томы этой газеты, то въ этомъ изобиліи хорошаго работы Карла Маркса выдѣляются, какъ лучшее по широтѣ и глубинѣ мысли, по блеску и силѣ стиля, по яркимъ сопоставленіямъ діалектическихъ доказательствъ, по проницательности, которая всегда аналитически проникаетъ въ запутанную сложность германской жизни и всюду находитъ твердую почву. Осенью 1842 года Марксъ взялъ на себя обязанности редактора и исполнялъ ихъ всю зиму, прекративъ ихъ за нѣсколько только дней до гибели газеты.

Первыя работы его были посвящены свободѣ печати. Въ „Анекдотахъ" Руге онъ опубликовалъ замѣтки о новыхъ инструкціяхъ прусской цензурѣ и требовалъ въ нихъ полной отмѣны ея. Институтъ этотъ плохъ, а учрежденія сильнѣе людей. Марксъ смѣется надъ тѣмъ кажущимся либерализмомъ, который, имѣя передъ собой дурныя учрежденія, утѣшается тѣмъ, что смѣняются управляющія ими лица. Пунктъ за пунктомъ онъ разсматриваетъ новую инструкцію и раскрываетъ логическую несообразность, скрывающуюся въ ея романтически неопредѣленной оболочкѣ. Въ ней было сохранено старое цензурное предписаніе, что раскрытіемъ истины печать должна заниматься серьезно и скромно, и Марксъ замѣчаетъ на это: „вы удивляетесь восхитительному разнообразію, неистощимому богатству

природы. Вамъ не приходитъ въ голову желать, чтобъ роза пахла фіалкой, но то, что есть самаго богатаго въ мірѣ, духъ, долженъ существовать въ одномъ только видѣ. Я юмористъ, а законъ приказываетъ писать серьезно. Я смѣлъ, а законъ повелѣваетъ, чтобъ языкъ мой былъ скроменъ. Сѣро-сѣрый вотъ единственный правоспособный цвѣтъ свободы. Каждая капля росы, въ которой отражается солнечный свѣтъ, сверкаетъ непрекращающейся игрой красокъ, но въ какихъ личностяхъ, въ какихъ предметахъ не преломилось бы духовное солнце, оно должно давать одинъ только казенный цвѣтъ. Существенная форма духа это — радость и свѣтъ, а вы хотите, чтобъ онъ проявлялся только въ видѣ тѣни, чтобъ онъ носилъ только черную одежду, тогда какъ черныхъ цвѣтковъ не существуетъ".

Новая инструкція отъ стараго эдикта отличалась тѣмъ, что она призывала цензоровъ обращать вниманіе на то, благонамѣренна ли или нѣтъ самая тенденція прессы. Надъ этимъ Марксъ ѣдко смѣется. „Итакъ", пишетъ онъ, „писатель предоставленъ въ распоряженіе страшнѣйшаго терроризма, суду по подозрѣнію. Законы о тенденціяхъ (о скрытомъ умыслѣ), законы, не дающіе никакихъ объективныхъ нормъ, это — законы террора, изобрѣтенные государственной необходимостью во времена Робеспьера и государственной испорченностью во времена римскихъ императоровъ. Законы, преслѣдующіе не поступки, какъ таковые, но скрывающееся за ними убѣжденіе преступника, уже не законы, но положительная санкція беззаконія... Законъ о тенденціи наказываетъ не только то, что я дѣлаю, но то, что я еще, кромѣ того, думаю. Это такимъ образомъ насмѣшка надъ гражданскою честью, законъ, направленный противъ моего существованія. Я могу дѣлать, что мнѣ угодно, и изворачиваться, какъ мнѣ угодно, фактическія доказательства значенія не имѣютъ. Самое существованіе мое внушаетъ подозрѣніе, моя сокровеннѣйшая сущ-

ность, моя индивидуальность, объявляется дурной, и за это мнѣніе меня наказываютъ. Законъ наказываетъ меня не за несправедливость, содѣянную мною, но за несправедливость, мной несодѣянную. Я, собственно говоря, подвергаюсь наказанію за то, что поступокъ мой не противузаконенъ, потому что только этимъ вынуждаю я кроткаго, благонамѣреннаго судью ухватиться за мои воззрѣнія, которыя достаточно умны, чтобъ не высказываться. Законъ о тенденціи не есть законъ, изданный государствомъ для гражданъ, но законъ партійный, направленный противъ другой партіи".

Законы о тенденціяхъ, о скрытомъ умыслѣ, говоритъ Марксъ дальше, придумываются такимъ правительствомъ, которое находится въ принципіальномъ антагонизмѣ съ народомъ и свои противугосударственныя воззрѣнія считаетъ всеобщими и нормальными; неспокойная совѣсть правящей группы измышляетъ законы о тенденціи, какъ законы, мстящіе отъ имени тѣхъ воззрѣній, представителями которыхъ являются только члены правительства. „Законы противъ образа мыслей основаны на отсутствіи всякихъ убѣжденій. Это дерзкій крикъ нечистой совѣсти. Да и какъ выполнить такой законъ? Только средствомъ, которое еще возмутительнѣе, чѣмъ самъ законъ: при помощи шпіоновъ или по предварительномъ соглашеніи объявить вредными цѣлыя литературныя направленія. Если въ законѣ противъ образа мыслей форма закона противорѣчитъ его содержанію, если издающее его правительство усердствуетъ противъ того, что оно само есть, противъ противугосударственнаго образа мыслей, то оно и въ частностяхъ представляетъ оборотную сторону своихъ законовъ, такъ какъ оно мѣритъ двойной мѣрой. Право съ одной стороны этой мѣрки является преступленіемъ съ другой ея стороны. Самые законы ихъ уже противорѣчатъ тому, что они объявляютъ закономъ... Такъ, напр., инструкція хочетъ охранять религію, но она

оскорбляетъ наиболѣе общую основу всякой религіи— святость и неприкосновенность субъективнаго образа мыслей. На мѣсто Бога она ставитъ цензора судьей человѣческаго сердца. Она воспрещаетъ оскорбительныя выраженія и обидныя сужденія относительно отдѣльныхъ личностей, но она васъ каждый день отдаетъ въ жертву оскорбительному и обидному сужденію цензора. Инструкція стремится устранить сплетни, исходящія отъ злонамѣренныхъ и неосвѣдомленныхъ лицъ, а въ то же время вынуждаетъ цензора къ такимъ сплетнямъ, такъ какъ онъ долженъ полагаться на шпіонство неосвѣдомленныхъ и злонамѣренныхъ лицъ... Вотъ въ какой діалектикѣ запуталась инструкція цензорамъ. Противорѣчіе ея заключается въ томъ, что она вмѣняетъ въ служебный долгъ цензорамъ то, что она по отношенію къ прессѣ объявляетъ противогосударственнымъ". Въ этой статьѣ мощная рука его впервые поднялась противъ безправнаго произвола, и уничтожающій ударъ ея и сегодня еще можно направить противъ насильственныхъ актовъ по отношенію къ трудящимся классамъ, какъ полвѣка тому назадъ противъ инструкціи цензорамъ.

Въ самой „Рейнской газетѣ" Марксъ дебютировалъ пространной критикой засѣданій рейнскаго провинціальнаго сейма въ 1841 году. Этому сейму была представлена петиція изъ Кельна, покрытая болѣе, чѣмъ тысячью подписей, съ просьбой немедленно довести о ней до свѣдѣнія короля. Въ этой петиціи требовали: свободнаго доступа къ засѣданіямъ сейма, ежедневнаго полнаго воспроизведенія этихъ засѣданій, достаточно полнаго, свободнаго обсужденія въ газетахъ этихъ засѣданій, равно какъ внутреннихъ дѣлъ, и, наконецъ, замѣны цензуры закономъ о печати. Сеймъ только въ незначительной степени поддержалъ эту просьбу, именно онъ просилъ у короля разрѣшенія именовать ораторовъ въ протоколахъ сейма и просилъ не закона о печати, не отмѣны цензуры, но такого цензурнаго

закона, который предотвратилъ бы произволъ цензоровъ. Обѣ эти просьбы были отклонены короной.

И вотъ Марксъ въ шести послѣдовательныхъ статьяхъ строго осуждаетъ сеймъ. На утвержденіе одного оратора, что сословія могутъ опубликовать свои рѣчи, какъ имъ угодно будетъ, онъ отвѣчалъ съ холоднымъ презрѣніемъ: „Мы можемъ увѣрить его, что провинцію вовсе не интересуютъ слова сословій, какъ они высказаны отдѣльными лицами, тѣ слова, которыя они въ правѣ называть своими. Провинціи желательно, чтобъ слова сословій превратились въ открыто раздающуюся рѣчь страны". Марксъ и теперь уже бичуетъ то, что онъ впослѣдствіи заклеймилъ именемъ парламентарскаго кретинизма: „Вопросъ заключается въ томъ, должна ли страна имѣть сознаніе о своемъ представительствѣ, или нѣтъ? Развѣ мало намъ правительственной тайны, что намъ даютъ еще тайну представительства? Вѣдь и правительство представляетъ народъ. Представительство народа сословіями теряетъ поэтому всякій смыслъ, когда специфическій характеръ этого представительства не будетъ заключаться въ томъ, что здѣсь будетъ дѣйствовать сама провинція, а не кто-нибудь за нее, что здѣсь она будетъ сама себя представлять, а не будетъ кѣмъ-нибудь представлена. Представительство, недоступное сознанію своихъ поручителей, не есть представительство. То, что мнѣ неизвѣстно, ничуть не интересуетъ меня. Это—безсмысленное противорѣчіе, когда отъ той функціи государства, которая заключается преимущественно въ самодѣятельности провинціи, послѣдняя устраняется даже формально: она не должна даже знать о ней; это такое же безсмысленное противорѣчіе, какъ желать превратить мою самодѣятельность въ неизвѣстные мнѣ поступки другого лица".

Столь же безжалостенъ Марксъ и въ оцѣнкѣ преній сейма о свободѣ печати. На утвержденіе княжескаго и рыцарскаго сословія, что свободная печать можетъ дѣйствовать деморализующимъ образомъ, онъ зво-

ражаетъ, что гораздо болѣе деморализующее вліяніе имѣетъ цензурованная пресса. Съ ней неразрывно связано и въ ней всегда скрыто лицемѣріе; изъ этого же основного порока ея вытекаютъ всѣ остальные недостатки ея, въ которыхъ даже намека на добродѣтель нѣтъ; изъ этого же порока вытекаетъ отвратительный даже съ эстетической точки зрѣнія недостатокъ — пассивность. „Правительство слышитъ только свой собственный голосъ, оно знаетъ, что оно слышитъ только свой собственный голосъ, но поддерживаетъ въ себѣ самообманъ, что оно слышитъ голосъ народа, требуетъ, чтобъ онъ пребывалъ въ этомъ самообманѣ. Народъ же погрязаетъ отъ этого въ политическомъ суевѣріи или въ политическомъ невѣріи, или же совсѣмъ отвращается отъ жизни и превращается въ обывательскую чернь". Но Маркса не удовлетворяетъ и то, что городскимъ сословіемъ сказано было о свободѣ печати. На требованіе, чтобы пресса не была исключена изъ всеобщей промышленной свободы, онъ саркастически замѣчаетъ: „Здѣсь передъ нами оппозиція буржуя, а не гражданина". Относительной правильности этого воззрѣнія онъ, правда, не отрицаетъ: „Какъ ни оригинальна кажется на первый взглядъ точка зрѣнія оратора, однако мы не можемъ не признать за ней безусловнаго преимущества, сравнивая ее съ безтактными, туманными, половинчатыми разсужденіями германскихъ либераловъ; они думаютъ, что когда переносятъ свободу съ почвы реальнаго въ звѣздное небо воображенія, они этимъ воздаютъ ей честь. Но именно этимъ резонерамъ воображенія, этимъ сентиментальнымъ энтузіастамъ, которые видятъ профанацію въ столкновеніи ихъ идеала съ будничной дѣйствительностью, мы отчасти обязаны тѣмъ, что свобода до сихъ поръ осталась только цвѣткомъ нашего воображенія и сентиментальности". Нѣмцы вообще склонны къ сентиментамъ и къ фантазіямъ, они имѣютъ, говоритъ онъ, особое пристрастіе къ музыкѣ небесный лазури. Отъ при-

роды они уже отличаются глубочайшей, всеподданѣйшей и благоговѣйнѣйшею преданностью, и если они не осуществляютъ своихъ идей, то это только отъ чрезмѣрнаго уваженія къ нимъ. Но въ той же мѣрѣ, въ какой приведенный взглядъ на свободу печати относительно вѣренъ, въ такой же онъ и ложенъ. „Конечно, писатель долженъ зарабатывать, чтобъ у него была возможность жить и писать, но онъ вовсе не долженъ жить и писать, чтобъ зарабатывать... Первѣйшее условіе свободы печати заключается въ томъ, что она не должна быть промысломъ". Послѣднее положеніе во всей его ужасной правдивости лучше всего подтверждается истекшимъ съ того времени шестидесятилѣтіемъ буржуазной печати.

Оставляя въ сторонѣ отдѣльные голоса особенно изъ крестьянскаго сословія, Марксъ говоритъ, что засѣданія рейнскаго провинціальнаго сейма по вопросу о свободѣ печати и объ опубликованіи преній сейма производятъ непріятное, тяжелое впечатлѣніе; это—представители, колеблющіеся между умышленной несправедливостью привилегій и естественнымъ безсиліемъ половинчатаго либерализма. „Эти господа хотятъ получить въ свободѣ не естественный даръ всеобщаго яснаго свѣта разума, но сверхъестественный результатъ особо благопріятнаго сочетанія звѣздъ; разсматривая свободу только какъ индивидуальное свойство особыхъ лицъ и сословій, они логически вынуждены включить всеобщій разумъ и всеобщую свободу въ отдѣлъ дурного образа мыслей и въ число измышленныхъ призраковъ „чисто логическихъ системъ". Желая спасти частныя свободы привилегированныхъ лицъ, они изгоняютъ всеобщую свободу для всего, что носитъ человѣческій образъ". Марксъ отвергаетъ ту „свободу", которая можетъ существовать только во множественномъ числѣ; вмѣстѣ съ Вольтеромъ онъ говоритъ, что „свободы" это только исключенія изъ всеобщаго рабства. Различные виды свободы—только необходимыя слѣдствія изъ

общаго принципа ихъ; въ промышленной свободѣ промышленность слагается соотвѣтственно своимъ внутреннимъ жизненнымъ законамъ; при свободѣ суда судъ слѣдуетъ собственнымъ прирожденнымъ законамъ права. „И какъ въ мiровой системѣ каждая отдѣльная планета, двигаясь вокругъ себя, движется только вокругъ солнца, такъ и въ системѣ свободъ каждый изъ ея мiровъ, вращаясь вокругъ себя, вращается только вокругъ центральнаго солнца свободы".

Въ этихъ статьяхъ Марксъ стоитъ еще вполнѣ на точкѣ зрѣнiя гегельянцевъ; онъ страстно рвется изъ заоблачнаго мiра на землю, но это все-таки гегельянецъ, получающiй свои выводы изъ чисто идеологическихъ предпосылокъ. Въ то же самое время Марксъ занятъ уничтожающей полемикой съ „Кельнской газетой"; подкупленный правительствомъ редакторъ ея Гермесъ доносилъ полицiи и цензурѣ на младо-гегельянцевъ, „этихъ безталанныхъ болтуновъ", и на ихъ публицистическую дѣятельность, „вызывающiй отвращенiе продуктъ дѣтскаго высокомѣрiя". Эту полемику Марксъ заканчиваетъ въ такихъ выраженiяхъ: „прежнiе философы, изучавшiе государственное право выстраивали государство изъ человѣческихъ побужденiй, изъ чувства ли тщеславiя, или изъ чувства товарищества, или, наконецъ, изъ разума, но при этомъ изъ разума индивидуальнаго, но не общественнаго; болѣе идеальное и основательное воззрѣнiе новѣйшей философiи выстраиваетъ государство изъ идеи цѣлаго. Она разсматриваетъ государство какъ большой организмъ, въ которомъ должна получить осуществленiе правовая, нравственная и политическаясв обода, при чемъ отдѣльный гражданинъ, повинуясь государственнымъ законамъ, будетъ повиноваться естественнымъ законамъ своего собственнаго человѣческаго разума". Эта точка зрѣнiя въ рукахъ Маркса превращается въ блестящее и острое оружiе противъ исторической школы права; остановившись на учебникѣ исторической школы права

Гуго, онъ раскрываетъ, что методъ этой школы заключается въ доказательствѣ не разумности, но неразумности существующаго. Она искажаетъ ученіе Канта, когда утверждаетъ, что мы должны признать полную правоспособность невѣрнаго, разъ мы не можемъ познать истины. Съ ироніей самоудовольствія стягиваетъ эта школа отовсюду доказательства и старается сдѣлать очевиднымъ, что въ учрежденіяхъ, каковы собственность, государственный строй, бракъ, не скрывается никакой разумной необходимости, что эти учрежденія даже противорѣчатъ разуму, что въ лучшемъ случаѣ можно говорить и за и противъ нихъ. Не менѣе ясно выступаетъ идеологическое воззрѣніе Маркса въ томъ, что онъ говоритъ о законахъ о печати въ противоположность цензурѣ. „Въ законѣ о печати наказываетъ свобода. Цензура же наказываетъ свободу. Цензура это законъ, подозрѣвающій свободу. Законъ о печати это выраженіе довѣрія свободы къ себѣ самой. Законъ о печати наказываетъ за злоупотребленіе свободой. Цензура наказываетъ свободу, какъ злоупотребленіе. Цензура облечена только въ форму закона, законъ о печати есть дѣйствительный законъ, потому что это положительное проявленіе свободы... Отсутствіе законодательства о печати надо разсматривать какъ исключеніе свободы печати изъ сферы правовой свободы, потому что признанная правомъ свобода существуетъ въ государствѣ, какъ законъ". Нельзя не признать, что законодательство о печати въ сухой прозѣ сборниковъ узаконеній выглядитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ философскомъ гороскопѣ молодого Маркса.

Однако, немного времени прошло, и по собственному его выраженію онъ спустился „на землю", въ рѣзкомъ столкновеніи съ экономической дѣйствительностью позналъ недостаточность идеалистическаго воззрѣнія на общество и государство. Въ другихъ пяти послѣдовательныхъ статьяхъ критикуетъ онъ пренія рейнскаго провинціальнаго сейма по вопросу о законѣ

противъ кражи дровъ. И здѣсь онъ настаиваетъ на томъ, что каждый отдѣльный матеріальный вопросъ долженъ разрѣшаться политически, т. е. въ связи со всѣмъ государственнымъ разумомъ и нравственностью; онъ говоритъ, что это „пошлый матеріализмъ", „грѣхъ противъ святого духа народовъ и человѣчества", „безнравственная, непонятная, бездушная абстракція" при обсужденіи закона о дровахъ думать только о дровахъ и лѣсѣ, ставить сознаніе въ рабскую зависимость отъ матеріи. Но подобно тому, какъ въ преніяхъ о свободѣ печати передъ нимъ раскрылась разница между буржуемъ и гражданиномъ, такъ и въ преніяхъ о законѣ противъ кражи дровъ передъ нимъ раскрылось отличіе между буржуа и пролетаріемъ. Что его проницательный умъ дошелъ до этого, болѣе чѣмъ понятно. Возникающая эра крупной буржуазіи прилагала уже всѣ усилія къ тому, чтобъ уничтожить послѣдніе остатки общинной собственности на землю и начала уже ужасную войну съ цѣлью лишенія народныхъ массъ собственности. Изъ 207.478 уголовныхъ слѣдствій, произведенныхъ прусскимъ государствомъ въ 1836 году, 150.000, т. е. приблизительно три четверти имѣли своимъ предметомъ кражу дерева и проступки противъ правилъ о лѣсахъ, охотѣ и выгонахъ.

Одинъ изъ способовъ лишенія собственности заключался въ томъ, что сборъ хвороста былъ объявленъ лѣсной кражей. Марксъ замѣчаетъ на это, что даже драконовскіе уголовные законы шестнадцатаго столѣтія не осмѣлились этого сдѣлать. „Если законъ называетъ лѣсной кражей поступокъ, который нельзя назвать даже порчей деревьевъ, то законъ лжетъ, и бѣднякъ приносится въ жертву узаконенной лжи". Марксъ при этомъ опирается на слова Монтескье, что существуетъ два вида испорченности: одинъ видъ, когда народъ не исполняетъ законовъ, и второй, — когда его законы портятъ; послѣднее зло неустранимо, потому что само лѣкарство заражено имъ. „Мы же,

непрактичные люди, передъ лицомъ политически и соціально неимущей массы, занимается тѣмъ же, что ученая и поучительная услужливость, такъ называемыхъ, историковъ; это она изобрѣла, въ качествѣ философскаго камня, способы для превращенія всякаго грязнаго притязанія въ чистое золото справедливости. Мы отнимаемъ у нищеты освященное обычаемъ право, притомъ не мѣстное, но обычное право, принадлежащее нищетѣ всѣхъ странъ". Марксъ идетъ еще дальше и устанавливаетъ тезисъ, что обычное право по природѣ своей есть только право низшихъ, неимущихъ слоевъ населенія.

Доказываетъ онъ это очень просто. Привилегированные классы нашли въ законѣ признаніе своихъ разумныхъ правъ и часто даже своихъ неразумныхъ притязаній. Тѣхъ правъ, которыя они осуществляютъ вопреки закону, они требуютъ себѣ, какъ область для своихъ причудъ и удовольствій. „Это обычное право знатнаго населенія распространяется на привычки, противорѣчащія разумному праву, обычное же право нищеты противорѣчитъ только обычаямъ положительнаго права. Содержаніе обычнаго права нищеты вполнѣ укладывается въ форму закона; если оно чему-нибудь противорѣчитъ, то только собственной безформенности. Форма закона не противорѣчитъ обычному праву, оно только ея не получило. Источникъ всякаго обычнаго права бѣдныхъ Марксъ видитъ въ неопредѣленномъ характерѣ нѣкоторыхъ видовъ собственности, не дѣлающемъ ее несомнѣнно частной или несомнѣнно общей собственностью, въ смѣшеніи частнаго и публичнаго права, выступающемъ передъ нами во всѣхъ средневѣковыхъ учрежденіяхъ. Разумъ уничтожилъ эти промежуточные, неопредѣленные виды собственности, прибѣгнувъ къ заимствованной изъ римскаго права категоріи абстрактнаго права. „Въ обычномъ правѣ бѣдныхъ классовъ коренится, слѣдовательно, инстинктивное сознаніе права; корни этого права положительны и

законны; что же касается формы обычнаго права, то она здѣсь тѣмъ естественнѣе, что самая наличность бѣднаго класса тоже не болѣе, какъ обычай буржуазнаго общества, не нашедшаго еще соотвѣтственнаго мѣста въ кругу сознательныхъ государственныхъ формъ".

На примѣрѣ изъ преній рейнскаго провинціальнаго сейма Марксъ подробнѣе разъясняетъ свое воззрѣніе. Одинъ изъ представителей городовъ говорилъ противъ того опредѣленія, по которому въ отношеніи наказанія приравнивается къ кражѣ и сборъ брусники и лѣсныхъ ягодъ. Онъ указалъ на то, что дѣти бѣдняковъ собираютъ эти плоды и зарабатываютъ этимъ кое-какую мелочь для своихъ родителей; съ незапамятныхъ временъ лѣсовладѣльцы это разрѣшали, и такимъ образомъ возникло обычное право этихъ малышей. Другой депутатъ на это отвѣтилъ, что въ его округѣ эти плоды стали предметомъ торговли и бочками отправляются въ Голландію. Это доказательство Марксъ уничтожаетъ слѣдующими ѣдкими словами: „итакъ, они уже самымъ серьезнымъ образомъ дошли до того, что обычное право бѣдняковъ они превращаютъ въ монополію богатыхъ. Разъ только общее достояніе возможно монополизировать, то ничего больше и не требуется; изъ этого даже какъ-будто вытекаетъ, что оно должно быть монополизировано. Сама суть дѣла уже требуетъ монополіи, потому что интересы частной собственности придумали такую монополію. Новѣйшая выдумка нѣсколькихъ жадныхъ торговцевъ оказывается непреложной, лишь только она можетъ сдѣлать для дворянъ выгодными отбросы земли". Марксъ заканчиваетъ признаніемъ, что онъ съ отвращеніемъ слѣдилъ за этими скучными и мертвыми дебатами, но онъ считалъ своимъ долгомъ показать на примѣрѣ, чего можно ожидать отъ сословнаго собранія, преслѣдующаго свои частные интересы, если оно когда-нибудь будетъ призвано къ законодательной дѣятельности.

Статьи о кражѣ лѣса привели Маркса къ вопросу

о значеніи пролетаріата въ буржуазномъ обществѣ. Да и такъ вниманіе, которое „Рейнская газета" не переставала удѣлять экономическимъ вопросамъ, чувствительно разстраивало идеологическую самоудовлетворенность ея сотрудниковъ — младо-гегельянцевъ. Если государство дѣйствительно общность, то оно должно быть единымъ, а не разъединеннымъ. Что же мѣшаетъ тогда попыткамъ возстановить государство въ его „всеобщности"? За отвѣтомъ не далеко было ходить, и онъ, дѣйствительно, данъ былъ въ такой формѣ: свободѣ мѣшаетъ бѣдность, лишающая большую часть населенія возможности свободно развивать свои силы. Между швейцарскими корреспондентами газеты находились и друзья Вейтлинга: Августъ Беккеръ и Себастіанъ Зейлеръ. „Рейнская газета" въ концѣ сентября 1842 года упоминаетъ даже о статьѣ изъ „Молодого поколѣнія" Вейтлинга; въ этой статьѣ относительно правительственныхъ формъ, соотвѣтствующихъ коммунистическому принципу, говорится, что для управленія надо выбирать не лицъ, а способности, и „Рейнская газета" замѣчаетъ, что она не можетъ отказать этой идеѣ въ геніальности и оригинальности. На слѣдующій день она перепечатала изъ „Молодого поколѣнія" письмо случайнаго корреспондента о берлинскихъ семейныхъ домахъ, какъ не лишенный интереса матеріалъ для этого важнаго вопроса того времени. Корреспондентъ рисуетъ эти семейные дома передъ Гамбургскими воротами, какъ жилище самой крайней нужды: „это полдюжины ящиковъ, похожихъ на фабрику, кой-какъ сдѣланныхъ изъ глины, дерева и тонкихъ досокъ, сорока футовъ высоты, девяноста длины, окрашенныхъ въ бѣлую и синюю краску"; такъ оно и было въ дѣйствительности.

Почти въ то же самое время въ „Рейнской газетѣ" становится слышнымъ и слабый отзвукъ французскаго соціализма. На съѣздѣ ученыхъ въ Страсбургѣ „Рейнская газета" послала собственнаго корреспондента, по-

видимому, Моисея Гесса. На съѣздѣ было много германскихъ и французскихъ ученыхъ наряду съ такими германскими либералами, какъ Велькеръ, называвшій французскую революцію матерью естественнаго права, и французскими соціалистами, какъ Консидеранъ и Леру. Въ секціи государственнаго хозяйства разсматривались и системы французскаго соціализма. По этому поводу корреспондентъ „Рейнской Газеты" дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: теперь, говоритъ онъ, среднее сословіе занимаетъ то же положеніе, какъ дворянство въ 1789 году; тогда среднее сословіе потребовало и себѣ такихъ же преимуществъ, какъ дворянство, и получило ихъ; теперь сословіе, которое ничѣмъ не владѣетъ, требуетъ себѣ части богатства средняго сословія, руководящаго теперь государственною жизнью. Но среднее сословіе нашего времени оказалось болѣе предусмотрительнымъ, чѣмъ дворянство 1789 года, и задача эта мирнымъ путемъ вѣроятно не будетъ рѣшена.

Это замѣчаніе, равно какъ перепечатка о берлинскихъ семейныхъ домахъ послужили для „Аугсбургской Всеобщей газеты" пріятнымъ поводомъ обвинить „Рейнскую газету" въ коммунистической пропагандѣ. Марксъ, только что принявшій на себя редактированіе газеты, 16 октября 1842 года отвѣтилъ на это громовой статьей. Онъ смѣется надъ „Аугсбургской газетой" по тому поводу, что одному изъ ея парижскихъ корреспондентовъ, смыслившему въ исторіи столько же, сколько кондитеръ въ ботаникѣ, пришло въ голову, что монархія должна соотвѣтственнымъ для нея образомъ усвоить себѣ соціалистически-коммунистическія идеи. Марксъ ставитъ газетѣ вопросъ: „въ чемъ она насъ обвиняетъ? Не въ томъ ли, что мы тутъ же не прописали вѣрнаго рецепта и не подсунули удивленному читателю отчетъ, не оставляющій сомнѣнія о непригодности этого рѣшенія? Мы не обладаемъ искусствомъ съ одного маху разрѣшать такія проблемы, надъ ко-

торыми трудятся два народа". Но если Марксъ и защищается отъ несправедливыхъ нападокъ, то онъ въ то же время съ полною ясностью высказывается противъ всякаго кропанія въ такихъ вопросахъ, какъ бы доброжелательно оно ни было. Съ характерной честностью онъ заявляетъ, что у него еще нѣтъ самостоятельнаго мнѣнія о французскомъ соціализмѣ. Онъ развивалъ такую программу: „Рейнская газета" не придаетъ коммунистическимъ идеямъ въ современной ихъ формѣ даже теоретической цѣнности, не можетъ быть и рѣчи поэтому о томъ, чтобъ она желала или считала возможнымъ практическое осуществленіе ихъ, но она подвергнетъ эти идеи основательной критикѣ. Если бы „Аугсбургская газета" гналась и способна была на что-нибудь большее, чѣмъ салонныя рѣчи, то она согласилась бы съ тѣмъ, что такія работы, какъ сочиненія Леру, Консидерана, а въ особенности глубокая работа Прудона, можно подвергнуть критикѣ не при помощи поверхностныхъ замѣчаній, которыя случайно придутъ въ голову, но только послѣ упорнаго и старательнаго изученія. Мы твердо убѣждены въ томъ, что настоящая опасность коммунизма заключается не въ практическихъ его попыткахъ, на которыя можно отвѣтить пушками, когда онѣ станутъ опасны, но въ его идеяхъ; онѣ покоряютъ умъ, подчиняютъ себѣ нашъ образъ мыслей, съ которымъ разумъ неразрывно соединилъ нашу совѣсть; это цѣпи, отъ которыхъ нельзя освободиться, не растерзавъ своего сердца; это демоны, которыхъ человѣкъ можетъ побѣдить только тѣмъ, что онъ имъ подчинится".

Въ „Рейнской газетѣ" Марксу уже не привелось выполнить свое намѣреніе. Со времени вступленія его въ редакцію газета стала рѣзко оппозиціонной и своей ловкой тактикой причиняла цензору не мало хлопотъ; уже въ серединѣ ноября правительственный президентъ фонъ Герлахъ объявилъ издателю „рѣшительнѣйшее неудовольствіе правительства тенденціей га-

зеты“. Только въ надеждѣ на то, что она „направится по болѣе удовлетворительному пути“ правительство отказалось отъ закрытія газеты и удовольствовалось высылкой Рутенберга изъ Кельна. Чтобъ облегчить газетѣ путь къ исправленію, цензоръ ея полицейскій совѣтникъ Доллешаль, великолѣпный экземпляръ цензорской ограниченности, былъ смѣщенъ; этотъ господинъ однажды вычеркнулъ изъ „Кельнской газеты“ объявленіе о „Божественной комедіи“ Данте въ переводѣ Филалета, будущаго саксонскаго короля; основывался онъ при этомъ на томъ, что съ божественными предметами никто не долженъ ломать комедіи. На его мѣсто назначенъ былъ ассессоръ Витгаузъ, который искуснѣе долженъ былъ убивать мысли, но не сумѣлъ или не пожелалъ нести свою службу палача такъ, чтобъ власть имущіе въ Берлинѣ остались довольны.

Очень скоро начались новые конфликты. Изъ Берикастеля и вообще съ Мозеля „Рейнская газета“ получила спеціальныя корреспонденціи о печальномъ положеніи мозельскихъ крестьянъ. Область Мозеля между Триромъ и Кобленцомъ и между Эйфелемъ и Гюнсрюкомъ была очень бѣдна. У мозельскаго крестьянина не было, какъ у крестьянина съ Рейнскаго Пфальца, земли для земледѣлія или табаководства; владѣніе его ограничивалось виноградникомъ, и каждый неурожай ставилъ его въ безпомощное положеніе. Въ періодъ времени съ половины двадцатыхъ до половины тридцатыхъ годовъ послѣдовалъ рядъ неурожаевъ, а затѣмъ былъ основанъ таможенный союзъ; установленный имъ низкій тарифъ благопріятствовалъ ввозу французскихъ винъ, но вредно отозвался на сбытѣ мозельскихъ винъ и сбилъ ихъ цѣну. Другія жалобы мозельскихъ крестьянъ были направлены противъ того, что въ пользованіи общиннымъ лѣсомъ и пастбищемъ капиталистическій способъ хозяйствованія бюрократическихъ общинныхъ управленій создавалъ все больше стѣсненій, что налогъ на виноградное сусло

очень тяжелъ и неравномѣренъ, что ростовщичество высасываетъ ихъ; мелкіе участки ихъ массами продавались съ аукціона, потому что собственники не могли больше платить налоговъ и податей. Нужда этого нищаго населенія была такъ несомнѣнна, что даже, прусскій абсолютизмъ не могъ отрицать его, хотя, признавая его, онъ не забывалъ о тѣхъ оговоркахъ, съ которыми неспособная бюрократія обыкновенно подходитъ къ своимъ практическимъ задачамъ. Послѣднимъ средствомъ ея, какъ всегда, оказалась палка, которой она сшибала тѣхъ непріятныхъ людей, которые ожидали отъ нея больше, чѣмъ она могла сдѣлать.

Мозельскія письма „Рейнской газеты" были спокойно и съ сознаніемъ дѣла написанныя корреспонденціи. Одна изъ нихъ неодобрительно отозвалась о томъ, что въ одной общинѣ изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ еще до сихъ поръ не распредѣлено топливо, хотя кругомъ прекраснѣйшіе лѣса; въ другой радостно привѣтствовалась большая свобода печати, потому что мозельскіе крестьяне теперь сумѣютъ открыто бичевать язвы, изъ-за которыхъ они страдали, не навлекая на себя упрековъ въ дерзкомъ крикѣ. На эти двѣ корресподенціи оберъ-президентъ фонъ Шапперъ отвѣтилъ двумя опроверженіями. Въ первомъ онъ спрашивалъ, какъ называется община, въ которой произошла будто бы приведенная исторія съ топливомъ; во второй онъ оспаривалъ, чтобы какая-нибудь власть совершила столь „недостойный поступокъ" и назвала бы жалобы виноградарей на ихъ „признанную нужду" дерзкимъ крикомъ. Онъ просилъ въ точности указать ему тѣ случаи, когда и до появленія строгой инструкціи цензора власти запретили бы открытое публичное обсужденіе нужды мозельскихъ крестьянъ; онъ обѣщаетъ корреспонденту свою благодарность, если онъ открыто изложитъ бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ виноградари и въ особенности если онъ сумѣетъ предложить вѣрное средство противъ нихъ.

Выпустивъ весь свой вѣжливый ядъ, эта чиновничья душа становится грубой и объявляетъ сообщенія корреспондента, по коимъ не представлены доказательства противнаго, злонамѣренной клеветой.

„Рейнская газета“ приняла вызовъ. Она поручила своему корреспонденту, имѣвшійся у нея богатый матеріалъ, касающійся положенія мозельскихъ крестьянъ, и предоставила ему затѣмъ слово для основательнаго отвѣта на нападки оберъ-президента; отвѣтъ этотъ она еще дополнила и отдѣлала на основаніи другихъ источниковъ. 15 января 1848 года начался рядъ статей по этому вопросу, матеріалъ которыхъ былъ тщательно распредѣленъ по пяти рубрикамъ; предполагалось разсмотрѣть, во-первыхъ, вопросъ о раздачѣ топлива, во-вторыхъ, отношеніе мозельскаго края къ свободнымъ проявленіямъ печати, въ-третьихъ, язвы мозельскаго края, въ-четвертыхъ, вампиры мозельскихъ крестьянъ и, въ-пятыхъ, проектъ помощи. Первый пунктъ былъ исчерпанъ тѣмъ, что корреспондентъ уполномочиваетъ редакцію назвать оберъ-презединту ту общину, гдѣ раздача топлива имѣла опозданіе, по второму пункту на основаніи множества правительственныхъ и документальныхъ матеріаловъ было доказано, что правительство несомнѣнно насильственно подавляетъ жалобы мозельскихъ крестьянъ, что оно ни разу не сдѣлало серьезной попытки помочь, ограничиваясь одними словами, что въ бюрократіи вообще верхнія инстанціи полагаются на нижнія, а нижнія на верхнія, почему она совершенно безсильна передъ соціальнымъ зломъ. Этихъ мѣткихъ ударовъ для правительства было болѣе, чѣмъ достаточно; оно быстро отступило подъ прикрытіемъ краснаго цензорскаго карандаша. 20 января статьи вдругъ оборвались: трусливая и насильническая бюрократія не допустила даже обсужденія послѣднихъ трехъ пунктовъ.

Зато 28 января на первомъ мѣстѣ „Рейнской Газеты“ появилась замѣтка, что завѣдующія цензурой королев-

скія министерства постановили прекратить выходъ газеты съ 1 апрѣля текущаго года. Одновременно съ тѣмъ правительственный президентъ фонъ Герлахъ былъ уполномоченъ требовать ежедневно представленія полнаго нумера газеты послѣ того, какъ она уже прошла цензуру; печатаніе и выпускъ газеты до просмотра имъ могутъ быть воспрещены, наконецъ, нумеръ можетъ быть совсѣмъ задержанъ, если, не взирая на цензуру, въ немъ окажутся недопустимыя мѣста. Въ запрещеніи газеты, датированномъ 25 января, говорилось, что газета съ самаго возникновенія своего отличалась вреднымъ направленіемъ; она явно стремилась нападать на основы государственнаго строя, потрясти монархическій принципъ, очернить правительство въ общественномъ мнѣніи, возбуждать сословія другъ противъ друга, возбуждать недовольство существующимъ узаконеннымъ порядкомъ. Газета основывалась въ своей дѣятельности на безсодержательныхъ теоріяхъ и преслѣдовала такія преступныя цѣли, которыхъ ни одно государство не станетъ терпѣть. Языкъ и выраженія ея отличались необузданностью. Запрещеніе подтверждало безсиліе цензуры; въ немъ говорилось, что цензура не призвана долго бороться съ такимъ безчинствомъ, которое въ корнѣ своемъ имѣетъ упорную вкоренившуюся злонамѣренную тенденцію. Съ другой стороны, въ запрещеніи не былъ забытъ и христіанско-германскій принципъ, который при всемъ своемъ отвращеніи къ мірскимъ цѣлямъ отличается нѣжной чувствительностью къ звонкой монетѣ; газету давно уже слѣдовало закрыть, говорилось тамъ, но правительство не могло не принять во вниманіе денежные интересы акціонеровъ; это же обстоятельство побуждаетъ правительство отказаться отъ немедленнаго закрытія газеты, пріурочивъ его къ концу трехмѣсячнаго срока.

Когда надъ цензоромъ Витгаузомъ въ лицѣ правительственнаго президента былъ назначенъ оберъ-

цензоръ, онъ отказался отъ должности, зато кельнскій пѣвчій кружокъ выразилъ „цензору“ сочувствіе маленькимъ торжественнымъ концертомъ передъ его квартирой. На его мѣсто присланъ былъ изъ Берлина министерскій секретарь Сенъ-Поль; онъ обнаружилъ желательную правительству смѣсь грубости и умѣнія, и оберъ-цензура 18 февраля снова была отмѣнена. Возможно, что этому способствовали и слезныя просьбы боявшихся за свой карманъ акціонеровъ, собравшихся на общее собраніе 12 февраля. 17 марта Марксъ выступилъ изъ редакціи, и къ этому побудила его не борьба съ цензоромъ, неистовство котораго и сегодня можно видѣть на столбцахъ „Рейнской газеты“, но неосновательная надежда акціонеровъ на то, что болѣе умѣренное направленіе спасетъ газету отъ вынесеннаго ей смертнаго приговора.

Это обстоятельство было вмѣстѣ съ тѣмъ опытной повѣркой его воззрѣнія, что первое условіе свободы печати заключается въ томъ, чтобы не быть ремесломъ.

Надежда акціонеровъ, конечно, оказалась химерой. Депутація, посланная ею въ Берлинъ къ королю, даже не была къ нему допущена; на петиціи изъ Кельна, Трира и другихъ рейнскихъ городовъ получился отвѣтъ, что запрещеніе останется въ силѣ; чиновники, подписавшіе петицію, вдобавокъ получили выговоръ, въ которомъ имъ предлагалось запастись болѣе зрѣлыми воззрѣніями на общественныя отношенія. 31 марта 1843 года „Рейнской газеты“ не стало.

Но и этому гордому знамени не удалось опуститься такъ, чтобъ германскій лакейскій духъ не бросилъ на нее свою тѣнь. На тризнѣ газеты вмѣстѣ съ акціонерами пировалъ ея убійца-цензоръ, и къ стулу его была прикована газета. Прежде чѣмъ Сенъ-Поль послѣ славнаго культурнаго подвига своего оставилъ Кельнъ, онъ былъ приговоренъ къ наказанію исправительнымъ судомъ за то, что передъ домомъ терпимости поколотилъ ночного сторожа. Товарищемъ его

въ этомъ геройскомъ бою былъ другой цензоръ, знаменитый графъ Фритцъ Эуленбургъ, который тридцать лѣтъ спустя предсталъ предъ германской соціалъ-демократіей съ обнаженнымъ мечомъ и заряженнымъ ружьемъ. Къ сожалѣнію, прусскіе историки умалчивають о томъ, съ какимъ блаженнымъ чувствомъ романтическій король взиралъ на драку у дома терпимости между его смѣлыми борцами за религію и нравственность и стражами порядка; или, можетъ быть, онъ въ это время сочинялъ въ прекрасныхъ образахъ своей фантазіи что-нибудь веселое о „сестрѣ-проститукѣ съ Рейна".

№ 5.

Каталогъ изданій
Книгоиздательскаго Товарищества
„ПРОСВѢЩЕНІЕ".

С.-Петербургъ, 7 рота, соб. д. № 20;

Главное представительство для Россіи Библіографическаго Института (Мейеръ) въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія. 4 Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. ***С. Н. Южакова.*** 10,000 рис., картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отд. прил. — 200 в. по 50 к. или 20 т. въ роск. полукож. перепл. по	6	—
Географическій атласъ. 84 л. картъ и 16 л. плановъ городовъ въ 4°. — 15 в. по 40 к., въ роск. полукож. перепл.	7	80
Карта театра русско - японской войны. Разм. 21×15 в. Въ обложкѣ, съ алфав. указ. названій, 65 к., съ перес. 80 к., накл. на кол., съ кольц., 1 р. 50 к., съ перес.	1	75
Календарь на 1906 г., отрывной, на худож. иллюстр. картонѣ	—	40
Тоже — на металл. подст., съ дугами для перелист.	—	90

Всемірная библіотека.

Собранія соч. лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

	Р.	К.
Крыловъ, И. А. 1. 10 Редакція ***В. В. Каллаша.*** Худож. прил. — 4 т. по 75 к. въ изящн. кол. перепл.	5	—
Пушкинъ, А. С. 4. 8. 10 Редакц. ***П. О. Морозова.*** 30 худож. прил. — 8 т. въ изящн. кол. перепл.	9	—
Кольцовъ, А. В. Редакція ***А. И. Введенскаго.*** 6 худож. иллюстр. — 1 томъ 1 р., въ изящн. кол. пер.	1	50
Лермонтовъ, М. Ю. 4. 8. 10 Редакц. ***А. И. Введенскаго.*** 15 худож. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл.	5	—
Помяловскій, Н. Г. 8. 10 Портр. и біогр. автора, составл. ***И. А. Благовѣщенскимъ.*** *10-е изданіе.* — 2 т. 3 р., въ изящн. кол. перепл. . . .	4	—
Островскій, А. Н. 4. 8. 10 Ред. ***М. И. Писарева.*** Факсимиле, портреты автора и др. худож. прил. — 10 т. 16 р., въ изящн. кол. перепл. . .	21	—

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Потѣхинъ, А. А. [4. 8. 10] Ред. ***автора.*** Портр. и факсимиле его. — 12 т. 12 р., въ изящн. кож. перепл.	18	—
Ч. Диккенсъ. Собраніе сочиненій. Пер. ***Ир. Ив. Введенскаго, М. А. Шишмаревой и др.,*** съ портрет. автора и біогр. очерк. *Д. П. Сильчевскаго.* — 30 том. по 75 коп., въ изящн. коленк. перепл. . .	37	50
Г. Брандесъ. Собр. сочиненій. Пер. съ датскаго и біогр. очерк. ***М. В. Лучицкой.*** Многоч. худож. прил. — 20 том. по 75 коп., въ изящн. коленк. пер.	25	—
Э. Оржешко. Собр. сочиненій. Пер. съ польск. подъ редакц. и со вступ. стат. ***С. С. Зелинскаго.*** 12 том. по 75 коп., въ изящн. коленк. перепл. . . .	15	—

Сочиненія по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

	Р.	К.
Исторія человѣчества (Всемірная исторія). [4. 7] Общ. редакція ***Г. Гельмольта.*** Пер. съ доп. изв. русск. ученыхъ. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 т.	51	—
Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра ***Г. Шурца.*** Пер. и доп. проф. *И. Н. Смирнова.* 434 рис. и 24 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. пер.	8	60
Исторія нѣмецкой литературы съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени. [1. 2. 9] Соч. профф. ***Фр. Фогта*** и ***М. Коха.*** Пер. проф. *А. Л. Погодина.* 98 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полушагр. перепл.	8	60
Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. [8] Соч. проф. ***К. Вёрмана.*** Пер. подъ ред. *А. И. Сомова.* 1500 иллюстр. и 130 худож. прил.— 60 в. по 40 к. или 3 т. въ роск. полукож. перепл.	27	—
Сокровища искусства. 100 геліогравюръ, разм. 51×38,5 сант. — 25 в. по 3 р.	75	—

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

	Р.	К.
Міроздание, общедост. астрономія. [3. 4. 5. 10] Соч. д-ра ***В. Мейера,*** бывш. директ. берл. „Ураніи". Пер. съ дополн. и указат. по русск. астрон. л-рѣ проф. *С. П. Глазенапа.* 287 рис., 41 худож. прил. — 15 в. 7 р. 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	60
Исторія земли. [1. 2. 4. 6] Сочиненіе проф. ***М. Неймайра.*** Пер. съ дополн. проф. *Улигомъ* изд., съ дополн. по геолог. Россіи и указат. по русск. л-рѣ, подъ ред. проф. *А. А. Иностранцева.* 1129 рис., 38 худож. прил. — 30 в. 12 р. 80 к. — въ 2 роск. полукож. перепл.	15	—

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію безплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Вселенная и человѣчество. [4, 6] Соч. мн. нѣм. учен. подъ ред. проф. *Г. Крэмера.* Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 2000 рис. и мн. прил. — 100 в. по 40 к., или 5 тт. въ пер. по	11	—
Жизнь природы. Соч. д-ра *Вильгельма Мейера.* Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 29 худож. прил. – 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	60
Земля и жизнь. Соч. проф. *Ф. Ратцеля.* Пер. подъ ред. проф. *П. И. Кротова.* 400 рис. и 67 худож. прил. — 30 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	17	—
Жизнь растеній. [1, 4, 6] Соч. проф. *А. Кернера фонъ-Марилауна.* Пер. съ дополн. и библіогр. указат., подъ ред. проф. *И. П. Бородина.* 2100 рис. и 65 худож. прил. – 30 вып. 12 р. 80 к., въ 2 роск. полукож. перепл.	15	—
Происхожденіе животнаго міра. [4, 5, 6] Соч. проф. *В. Гааке.* Пер. подъ ред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 469 рис. и 21 худож. прил. — 15 в. 6 р., въ роск. полукож. перепл.	7	—
Жизнь животныхъ Брэма. [4, 5, 6, 10] Перев. подъ ред. профф. *А. С. Догеля* и *П. Ф. Лесгафта.* 1179 рис. и 81 худож. прил.—60 выпуск. по 35 коп., въ 3 роск. полушагр. перепл.	24	—
Человѣкъ. [1, 4] Соч. проф. *I. Ранке.* Пер. подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 1398 рис. и 41 худож. прил. — 30 в. по 12 р., въ 2 роск. полукож. перепл.	14	20
Народовѣдѣніе. [8, 9] Соч. проф. *Фр. Ратцеля.* Пер. съ дополн. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 1103 рис., 62 худож. прил. — 36 в. по 35 к., въ 2 роск. полушагр. перепл.	15	—
Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. *Э. Геккеля.* Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 больш. табл. съ опис. текстомъ. — 20 в. по 1 р. и 1 дополн. вып. 50 к.; въ изящн. перепл.	23	50
Африка. [8, 10] Соч. проф. *В. Сиверса* и *Ф. Гана.* Пер. проф. *Д. А. Коропчевскаго,* 200 рис. и 32 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	8	50
Азія. Соч. проф. *В. Сиверса.* Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ дополн. проф. харьк. унив. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 коп., въ роскошн. полукож. перепл.	8	50
Сѣв. Америка. Соч. д-ра *Э. Деккерта.* Перев. съ нѣм. проф. *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп., въ роскошн. полукож. перепл.	8	—

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію безплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.	Р.	К.
Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. 1. 6. 10 Текстъ проф. *В. Маршалля.* Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 258 рис. Въ изящ. кол. пер.	1	75
Альбомъ карт. по зоологіи птицъ. 1. 4. 6. 10 Текстъ проф. *В. Маршалля.* Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 238 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
Альбомъ карт. по зоологіи рыбъ. 1. 4. 6. 10 Текстъ проф. *В. Маршалля.* Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 208 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи низшихъ животныхъ. 4. 8. 10 Текстъ проф. *В. Маршалля.* Перев. *Г. Г. Якобсона.* 292 рис. Въ изящн. коленк. перепл.	1	75
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животн." Брэма. 8. 10 ***Отдѣлъ зоологіи.*** 55 табл. Больш. альбомъ in folio въ папкѣ	1	75
Альбомъ картинъ по географіи растеній. 8. 10 Текстъ д-ра *М. Кронфельда.* Пер. прив.-доц. *А. Г. Генкеля.* 216 рис. Въ изящн. коленк. перепл.	1	75
Альбомъ картинъ по географіи Европы. 5. 6. 7. 10 Текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. *А. П. Нечаева,* съ пред. *Д. А. Коропчевскаго.* 233 рис. Въ изящн кол. перепл	1	50
Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ. 5. 6. 7. 10 Текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. *А. П. Нечаева,* съ пред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 325 рис. Въ изящ. кол. пер.	1	75
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. 8. 10 Соч. проф. *К. Э. Бока.* Пер. съ нѣм. Рисунк. и худож. прил. — 2 т. по 2 р., въ изящн. кол. перепл.	6	—
Новый способъ лѣченія, Сочин. *М. Платена.* Перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Прибл. 600 рис., 43 прил. — 3 т. въ роск. перепл. по 5 руб.	15	—

Серія сочиненій „Промышленность и техника".

	Р.	К.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. 8. 10 Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. *В. В. Эвальда.* 900 рис. и 14 прил.—10 в. по 50 к., въ роскошн. полукож. перепл.	6	--

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію безплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Силы природы и ихъ примѣненія. [6, 8, 10] Пер. подъ ред. проф. *И. А. Гевелуса.* 1000 рис. и 3 прил.—10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. [9] Пер. подъ ред. проф. *В. В. Скобельцына.* 900 рис. и 13 прил.—10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред. и съ дополн. профф. *В. И. Добровлянскаго* и *А. В. Ключарева.* 629 рис. и 9 прил.— 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Горное дѣло и металлургія. [6] Пер. съ дополн. подъ ред. профф. *И. В. Мушкетова* и *В. И. Баумана.* 600 рис. и 12 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Технологія металловъ. [8, 9, 10] Пер. съ дополн. подъ ред. проф. *А. П. Митинскаго.* 1600 рис. и 6 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Обработка камней и земель и технологія химическ. производствъ. [8, 10] Переводъ подъ ред. проф. *В. В. Эвальда.* 600 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—

---

[1] *Изданіе **рекомендовано** Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній М-ства.*

[2] *Изданіе **рекомендовано** Уч. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи для фунд. библ. средн. учебн. зав. В-ства учр. Имп. Маріи.*

[3] *Изданіе **рекомендовано** Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[4] *Изданіе **рекомендовано** Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній въ библ. кад. корпусовъ.*

[5] *Изданіе **одобрено** Уч. Ком-томъ М-ства Народн. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн учебн. зав., для безпл. учит. инст. и сем. и для безпл. нар. чит. и библ.*

[6] *Изданіе **одобрено** Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству. учебн. зав-ній.*

[7] *Изданіе **одобрено** Учебн. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи по учр. Имп. Маріи для учен. библ., ср. и старш. возр., ср. учебн. зав-ній и для библ. старш. возр. Маріинскихъ уч-щъ.*

[8] *Изданіе **допущено** Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ библ. средн. учебн. зав-ній и въ библ. учит. инст. и семин., а также въ учит. библ. гор. уч-щъ.*

[9] *Изданіе **допущено** Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству ср. учебн. зав-ній.*

[10] *Изданіе **допущено** Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библ.*

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію безплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ,—за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. съ доп. подъ ред. проф. *С. А. Ганешина.* 680 рис., 5 прил.—10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Пути сообщенія. Пер. подъ ред. проф. *Н. Н. Митинскаго.* 764 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—
Міровыя сношенія и ихъ средства. Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гевехуса.* 285 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ роск. полукож. перепл.	6	—

Серія сочиненій „Библіотека Просвѣщенія“.

	Р.	К.
№ 1. ***Карлъ Марксъ.*** Нищета философіи . . .	—	39
№ 2. ***В. Зомбартъ.*** Рабочій вопросъ . . .	—	27
№ 3. ***Н. Сувировъ.*** Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи	—	49
№ 4. ***Большіе города,*** ихъ общественное, политическое и экономическое значеніе. Сборникъ статей проф. *К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля* и др.	—	44
№ 5. ***А. Менгеръ.*** Право на полный продуктъ труда	—	30
№ 6. ***Ф. Мерингъ.*** Объ историческомъ матеріализмѣ	—	15
№ 7. ***П. Гере.*** Какъ священникъ сталъ соціалъ-демократомъ	—	6
№ 8. ***Т. Курти.*** Всенародное голосованіе въ Швейцаріи	—	7
№ 9. ***Грейлихъ.*** Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса . . .	—	8
№ 10. ***Э. Зелигманъ.*** Экономическое пониманіе исторіи	—	17
№ 11. ***А. Менгеръ.*** Гражданское право и неимущіе классы	—	45
№ 12. ***А. Бебель.*** Шарль Фурье, его жизнь и ученье	—	42
№ 13. ***Ш. Боржо.*** Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ; вып. I	—	35
№ 14. ***Ш. Боржо.*** Учрежденіе и пересмотръ конституцій въ Европѣ и Америкѣ; вып. II	—	35

Подробные иллюстрирован. проспекты высылаются по требованію безплатно; первый выпускъ каждаго изданія, для ознакомленія съ нимъ, — за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
В. Зомбартъ. Политическая экономія промышленности.		
В. Зомбартъ. Очерки по исторіи развитія сѣверо-американскаго пролетаріата.		
А. Шеффле. Квинтъ-эссенція соціализма.		
П. Фальбекъ. Современный парламентаризмъ.		
Э. Виллей. Избирательное законодательство въ государствахъ Западной Европы.		

Очерки изъ прошлаго и настоящего Японіи. Соч. ***Т. А. Богдановичъ,*** составл. по новѣйш. источникамъ, съ прилож. текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прилож. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. коленкор. переплетѣ — 1 р. 75 к.

Находится въ печати и въ непродолж. времени выйдетъ въ свѣтъ:

Японцы о Японіи. Статьи выдающ. японскихъ обществ. и госуд. дѣятелей, подъ ред. ***Альфреда Стэда.*** Пер. съ англ., подъ ред. съ предисл. и дополн. ***Д. И. Шрейдера.*** Цѣна 5 р., въ роскошн. переплетѣ — 6 руб.

На складѣ Товарищества находятся:

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. ***Кл. Оланьона,*** съ предисл. ***Фр. Пасси.*** 15 иллюстр. прилож. Цѣна 2 руб.; въ изящн. коленкор. перепл. — 2 р. 50 к.

Манчжурія. Соч. ***А. Домбровскаго и В. Ворошилова.*** Составл. по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Въ кол. перепл. 1 р. 60 к.

Новое искусство (Ars Nova). ***Выдающ. худож. произведенія.*** Текстъ ***А. А. Карелина.*** Предисл. ***И. Е. Рѣпина.*** 45 геліограв. in folio на слон. бум. — 60 руб.

Жизнь бабочекъ. Соч. проф. ***Штандфусса.*** Пер. и доп. подъ ред. ***И. Я. Шевырева.*** 200 рис. — 2 р. 50 к., въ кол. перепл. 3 р. 25 к . . .

Изданіе рекомендовано Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. для фунд. библ. ср. уч. за-ній, въ котор. препод. естествовѣдѣніе, а равно и учит. инст. и сем-ій.

Хрестоматія для устн. и письм. соч., съ прил. 15 картинъ. Составили преподават. ***В. Н. Куницкій*** и ***А. Л. Погодинъ.*** — 60 коп.

Допускается самая широкая разсрочка платежа.
Условія разсрочки высылаются, по требованію, безплатно.

ЦѢНА
47 коп.